Министерство образования Российской Федерации

Саратовский государственный
социально-экономический университет

Н.В. Саранцев

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТВУЮЩАЯ ЭЛИТА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

1900 – 1939

Историко-социологические аспекты

Под редакцией
доктора исторических наук В.Д. Полищука

Саратов
2001

УДК 94/99
ББК 63.3(2)
С20

Саранцев Н.В.

С20 Большевистская властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900 – 1939: Историко-социологические аспекты / Под ред. В.Д. Полищука. – Саратов: СГСЭУ, 2001. – 260 с.

ISBN 5 - 87309 - 205 - 2

Предлагаемая читателю работа рассматривает проблемы революционной политической элиты. Основное внимание сосредотачивается на роли партийных вождей в процессе формирования и трансформации собственных элитных группировок с целью использования их для борьбы за властные полномочия. Вскрываются причины гибели "ленинской гвардии" и победы сталинской номенклатуры.

Для историков, социологов, политологов, всех, кто интересуется проблемами политической истории России.

Табл. 11. Библиогр.: 243 назв.

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор *Ю.Г. Голуб*
Доктор исторических наук, профессор *А.Н. Николаев*

УДК 94/99
ББК 63.3(2)

ISBN 5 - 87309 - 205 - 2

ВВЕДЕНИЕ

Демократические тенденции, преодолев авторитарные традиции российского общества, кардинально повлияли на вектор его развития. Открыто порвав со всеми социально-политическими условностями прошлого, отечественные обществоведы получили уникальную возможность рассматривать исторический процесс с "объективистских" позиций. Ни идеологические мифы, ни политические клише, ни симпатии и антипатии эмоционально-психологического плана уже не способны остановить поступательного продвижения к истине. Казалось бы, постижение феноменов реальной жизни и их адекватное отражение, очищенные от негативных внешних и внутренних воздействий, реализуются сами собой. Однако действительного осмысления происходящего пока не случилось. Споры о роли коммунистической партии, значении социалистической революции и профессиональных революционеров в созидательной деятельности по воплощению утопических планов не утихают. Их оценки разнятся до диаметрально противоположных, оставляя рядового российского гражданина в недоумении и растерянности: гордиться своей историей или стыдиться ее.

Само существование этой альтернативы является весьма тревожным признаком общественного недуга, нуждающегося в социальной диагностике и терапии. Очевидно, что из предания анафеме или пения дифирамбов не сложится социальное "тело" новой России, не выстроится ее "душа", не получится здорового и результативно функционирующего организма, способного вывести общество из кризисного состояния. Ведь коммунистическая система уступила в мировом состязании не из-за проигрыша Западу в "холодной войне", а, скорее всего, по причине поражения в "войне гражданской", в которой сошлись элитные группы.

Сегодня стране, как и восемь десятилетий назад разделенной "красными" и "белыми" поясами, необходимо найти общепризнан-

ные подходы к феномену большевистского политического руководства, ставшего элитной частью общества, убедиться в его способности или неспособности трансформироваться в эффективный "правящий класс". Исторические аналогии и оценки при анализе событий и процессов нынешнего времени играют важную роль. Они помогают избежать ошибок, преодолеть искушение принятия простых, ведущих к быстрым результатам действий, так как это почти всегда оборачивалось серьезными негативными последствиями.

Впервые заявив о себе в России в качестве подлинно научной проблемы в конце 80-х годов XX века, элитизм заимствует опыт собственного осмысления у западных исследователей, ибо их идеологические пристрастия значительно меньше влияют на политические доктрины и теоретические концепции. Рухнувшие структуры, искусственно сдерживавшие его адаптацию к российской действительности, погребли под собой воззрения, не позволявшие зафиксировать плюралистичность политологического подхода, обеспечить всесторонний анализ этого явления. Позитивный характер элитистской теории позволяет преодолеть перегибы экономического детерминизма и, вычленив из всей совокупности только социально-экономические вопросы, сосредоточить внимание на деятельности властвующего партийного меньшинства. Властвующая элита рассматривается нами как достаточно самостоятельная, устойчивая, высшая и относительно привилегированная группа, обладающая необходимыми, востребованными в данной политической системе, психологическими, социальными, политическими и нравственными качествами и участвующая благодаря этому в принятии и осуществлении властных решений путем использования государственных инструментов или воздействия на них. Другими словами – это та часть общества, которая имеет непосредственный доступ к политическим ресурсам государства.

Выбор темы исследования обусловлен тем очевидным обстоятельством, что российская история изобилует тяжелейшими потрясениями, катастрофами, ожиданиями и надеждами, меняющимися ощущениями могущества и бессилия в решении насущных проблем. В конце XX века страна в который уже раз была ввергнута в состояние смуты, грозящей распадом государства, развалом экономики, разрывом общественных связей. Выдающийся английский историк и экономист А.Тойнби справедливо определял "смутное время" как "время всеобщих раздоров", надлома цивилизации, исходящего из недр социального тела. Катастрофичность такой исторической си-

туации, по его мнению, заключается в том, что общество разрушается и по вертикали (возникает длинная череда локальных войн и конфликтов), и по горизонтали (происходят восстания, а затем и "изменения в положении правящего меньшинства"), к власти приходят новые социальные группы. Причины всякой смуты ученый видел в "неспособности лидеров продолжать игру с толпой", которая неизбежно сопровождается серьезным кризисом всей системы, а возможно, и крахом политического режима[1]. Аналогичность переживаемого Россией периода заставляет отечественных исследователей в очередной раз задуматься над вопросами "Кто виноват?" и "Что делать?". Поиск ответов на эти и другие вопросы, которые пока не удавались, либо удавались, но не в полном объеме, составляет основную задачу ученых.

Незначительный с точки зрения глобальных масштабов всеобщей истории смутный этап на сравнительно небольшом политическом пространстве, казалось бы, не требовал от исследователя обоснования собственных историософских позиций и описания методологических основ своей научной работы. Еще совсем недавно (т.е. современному поколению историков) можно было ограничиться заявлениями самого общего характера о приверженности материалистическому мировоззрению, законам диалектики, требованиям историзма и партийности, принимаемой в качестве критерия научной объективности. Не мудрствуя лукаво, в монографических и диссертационных сочинениях выдвинутые постулаты подкреплялись положениями из произведений К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, документов КПСС, соотнесенных с темой исследования. В доказательство заявленных методологических подходов и теоретических положений авторам было достаточно привести подтверждающие ремарки.

Консерватизм общественного сознания не позволяет быстро отказаться от прежних методологических позиций и выработать позиции новые. Неизбежная в таких случаях растерянность объясняет боязнь применять рискованные решения при поисках наиболее приемлемых методологических ходов. Исследователи нередко подменяют процесс творческого поиска набором научно бессодержательных принципов исторического анализа. Как часто бывает в сложных ситуациях, некоторые авторы предпочитают наиболее простые, лежащие на поверхности решения. История начинает попросту переписываться. Но из-за отсутствия новой методологической базы происходит простая замена оценочных знаков с плюсов

на минусы. Старые догмы заменяются новоиспеченными, редко приближающими к истине, а иногда даже отдаляющими от нее.

Современная политологическая литература отражает несколько типов воззрений на роль и значение революций и революционных элит в обществе.

Согласно марксизму, во всех, даже стабильных, обществах существуют противоречия между экономической структурой, общественными отношениями и политической системой. Производительные силы, постоянно развиваясь, превращаются в главный источник противоречий, которые, обостряясь, ведут к открытым классовым конфликтам и столкновениям, и в конечном счете – к революции. Ее успешному проведению способствует пролетарская политическая партия, возглавляемая вождями-теоретиками, происходящими из непролетарских слоев. Энтони Гидденс, оценивая марксистские взгляды, полагал, что эта теория в современном мире может быть применена лишь к анализу революций в третьем мире, т.е. для крестьянских стран в период роста в них промышленного капитализма. Напряженности возникают именно в точках соприкосновения современной промышленности с сакраментальными системами. По мере того как традиционный образ жизни отмирает, воздействие промышленного капитализма создает источник революционной оппозиции авторитарным элитам, стремящимся сохранить старый порядок[2].

Теория Ч.Джонсона – Т.Парсонса утверждает, что общество – саморегулирующаяся система, чутко реагирующая на изменения своих институтов таким образом, чтобы, поддерживая равновесие между ними, сохранять всю систему эффективно работающей. Потеря равновесия – необходимая предпосылка осуществления революции. Главным условием неустойчивости, по их мнению, выступает расстройство связей между основными культурными ценностями и системой производства. Причем, возникнув однажды, неустойчивость вводит многих людей в заблуждение и заставляет их обращать внимание на элиту – новых "пророков" и "оракулов", которые обещают социальные преобразования в интересах народа. Революции не происходят автоматически. Если властвующая элита реагирует на меняющиеся условия своевременно и эффективно (даже применяя открытое насилие), то можно избежать переворота и восстановить равновесие. Эта теория весьма сходна с марксизмом: под "противоречием" можно понимать "неравновесие". Ученые не анализируют идеи, которыми одержимы революционные

элиты, и методы их действия, ибо эти вопросы находятся за пределами их научных интересов.

Джеймс Дэвис делает попытку ответить на вопрос: почему происходят революции? Он утверждает, что бедность и лишения сами собой не делают революций. Их вероятность значительно возрастает, когда в условиях жизни наступают определенные изменения к лучшему. Некоторое повышение жизненных стандартов влечет за собой и повышение уровня ожиданий. Возмущения случаются потому, что улучшение происходит слишком медленно и дискретно. Крушение надежд на улучшение оказывается большим стимулом к борьбе, чем обычная нищета. В этот момент идеи равенства и демократии воспринимаются народом с большой легкостью. Революционный протест вызывается возможностью краха возрастающих ожиданий. Трансформация протеста в революцию происходит через функционирование революционной элиты, способной бросить и реализовать действенный политический вызов.

Развивая теорию протеста в контексте более широкой интерпретации форм протеста и насилия, Чарльз Тилли сформулировал концепцию коллективного действия. Коллективное действие, по Тилли, эффективно настолько, насколько оно способно вылиться в революцию. Движение происходит от революционной организации через мобилизацию и осознание общих интересов к конкретным возможностям оптимального действия. Революционные движения в качестве средства мобилизации групповых ресурсов возникают тогда, когда люди, претендующие на места в политической элите, не имеют институциализированных средств для того, чтобы их занять, или тогда, когда их нужды прямо подавляются правящей элитой. Стремление революционных групп обеспечить себе активное и действенное представительство в существующей политической системе влияет на выбор ими насилия в качестве средства достижения преследуемых целей. Но лишь там, где массовая активность соединяется с целенаправленной деятельностью революционной элиты, возможно результативное воздействие на устоявшиеся структуры власти. Таким образом, приобретаемый в революционной борьбе опыт может предоставить наиболее агрессивным контрэлитным группировкам неплохие шансы на достижение преследуемых целей. Однако процесс революционных преобразований может быть успешно завершен лишь тогда, когда элита, захватившая власть, сумеет выразить с помощью хорошо продуманной пропаганды классовые интересы и таким образом продемонстрировать

наличие в общем объеме ее ресурсов необходимых для управленческой деятельности качеств[3].

Успех или неудача деятельности революционной элиты во многом зависит от поведения неэлитных слоев. Коллективный неэлитный субъект революционно-демократических движений, из представителей которого и формируются политические партии, пополняющие правящую элиту, имеет более примитивные реакции, нежели они бывают у обычных усредненных индивидуумов. Высокие чувства и цивилизованные наклонности в революционные эпохи подавляются. Люди, охваченные коллективным возбуждением, порожденным толпой, теряют критические способности, присущие им в повседневной жизни. В уличной толпе человек становится варваром и действует согласно инстинкту. Он одержим стихийностью, насилием, жестокостью, энтузиазмом и героизмом примитивных существ. Будучи к тому же и плохо образованными людьми, неэлитные субъекты становятся еще более доверчивыми, высоковнушаемыми и поддающимися на призывы разного рода авантюристов и демагогов[4]. Неэлитные субъекты способны боготворить и защищать своих вождей до последней крайности и даже идти за них на смерть.

Проведенный нами теоретический экскурс по западным политическим концепциям неопровержимо демонстрирует необходимость связи революционных процессов с борьбой элит и контрэлит на фоне экономических трудностей, обострения социально-политических и морально-нравственных противоречий. Полная или частичная ротация политических элит происходит тогда, когда правящие группировки не способны справиться с ситуацией, разрешить те проблемы, которые общество уже поставило. Революционная элита, прорвавшаяся к власти, объявляет о своей легитимности и стремится это всеми способами подтвердить.

Наиболее распространенный романтический, идеально положительный образ революции, ее вдохновителей и организаторов создан отчасти самой революционной элитой, отчасти современными ангажированными интеллигентами. Нынешние исследователи, озабоченные революционными проблемами, сходятся на том, что революция имеет три составляющие: насилие, новизну и всеобщность перемен. Все это в полном объеме было присуще большевистской революции, ее причинам и следствиям. Всякая победоносная революция характеризуется как самый интенсивный, насильственный и осознанный процесс из всех социальных движений. Участвующая в нем революционная элита обладает незаурядными организаторскими способностями, волевыми качествами, упорством в достижении цели, но в меньшей степени – интеллектом, специальными знаниями, опытом, общей образованностью и культурой. Только ограниченное количество вождей отличается возможностью формулировать идеологию социального протеста, акцентируя при этом внимание на утопическом или освободительном идеале. Большевистская элита смогла, используя символику равенства, прогресса, свободы, убедить массы в том, что революции созидают новый и лучший социальный порядок и только она знает к нему путь.

Ральф Дарендорф, подытоживая рассматриваемые теоретические концепции, определяет революцию "почти формальным образом" – как быструю смену элит, сопровождаемую радикальным преобразованием режима[5]. Он считает, что если подходить к революции как к событию, устраняющему старый режим, то его завершение не может быть неудачным: оно успешно по определению. Но новая элита, как правило, уничтожив ненавистный режим, стремится создать другой. Революционеры провозглашают красивый лозунг: "Люди, бразды правления возвращаются вам!", – не задумываясь о том, как будут осуществлять такое обещание.

Демократия в своих конституционных установках предоставляет возможность смещать правительства не с помощью революций, а посредством выборов, парламентов и т.д. Революционеры же понимают исторический процесс иначе: демократия должна быть "подлинной"; управление должно быть передано народу; равенство должно быть "реальным". Тут проявляется утопическая мечта революционной элиты об общей воле, таинственным образом ведущей ко всеобщему согласию без принуждения и силового воздействия. Именно это представление было развито Марксом в его редких и неохотно делаемых замечаниях о том, каким он видит мир после окончательной революционной победы: грядет мир ассоциаций, а не господства, а значит, мир равенства, а не классов.

В России в 1917 г. произошла не перегруппировка сил, обладающих властью, а подлинная "революция элит". Причем "властвующий класс" нового государства начал формироваться не в соответствии с теми качествами, которые изначально считались элитными: образование, специальные знания, опыт, управленческие навыки, – а исключительно по партийному принципу.

Поддавшись романтическим настроениям, большевики пытались осуществить насильственную замену одряхлевшей и неспособной

политической элиты на другую, вооруженную "единственно правильной" теорией. Проводя преобразования во всех важнейших сферах, совершая радикальный, хотя и относительный, разрыв с прошлым, властвующая большевистская элита брала на себя функции не только реализации своих институциональных и организационных планов, но и формирования нового идеального человека. Старшее поколение партийцев, связанное, по мнению Ленина, с предшествующими общественными отношениями, могло в лучшем случае уничтожить основы старого быта, а строить способна только молодежь, выросшая в новых условиях[6].

Не признавая де-юре элитистскую теорию, большевистские вожди, тем не менее, де-факто нередко высказывались в ее духе[7]. Троцкий, например, в своем "Новом курсе" писал, что партия живет на два этажа: "в верхнем – решают, в нижнем – только узнают о решениях"[8]. И далее: "Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденции ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии – притом одновременно на обоих ее полюсах, т.е. и в партийном молодняке, и в руководящих кадрах"[9].

Функциональные способности большевистской элиты оказывали существенное влияние на инноваторские решения и действия. Исторический опыт свидетельствует о том, что большевики достаточно квалифицированно и эффективно осуществили программирование революционной деятельности, но оказались малопригодными к созидательным акциям. Они успешно ввергли страну в запланированный хаос ("чем хуже, тем лучше"), но так и не смогли вывести из него. "Тончайший слой профессиональных революционеров" к делу модернизации страны оказался не готов. Вожди революции, еще недавно объединенные вокруг общей цели, ссорятся между собой, солидарность оборачивается раздором, форум превращается в арену борьбы[10]. Экономические условия начала 20-х годов были так плохи, что многим свергнутый режим начал казаться "старым добрым временем". Торжествуют допотопные племенные типы связей, подвигающие самозванных трибунов на борьбу за единообразие. В жертву приносятся обобщенные гражданские права, вмещающие в себя различия и несхожести бывших соратников. Следы демократии очень скоро оказались затоптанными новыми диктаторами. Революционной элите большевистской партии – ленинской гвардии – суждено было подтвердить практикой идею "анатомии революции" пройдя все её этапы: "правление умеренных", "возвышение экстремистов", "владычество террора и добродетели" и, наконец, "термидор".

Теоретические и методологические проблемы политических элит имеют хорошо разработанную концептуальную основу и применительно к отдельным странам Запада достаточно полно изучены. Однако аналогичные аспекты российской истории освещены в меньшей степени. Число публикаций, содержащих анализ роли большевистской элиты, остается пока ограниченным.

Наиболее значительными исследованиями являются труды С.А.Кислицына[11], В.П. Мохова[12], А.Н. Николаева[13]. В.П. Мохов акцентирует внимание на региональных элитах, охватывая временное пространство второй половины XX века. А.Н.Николаев разрабатывает технократические аспекты проблемы. С.А. Кислицын сосредотачивает внимание на элите как руководящем звене партии, ее социокультурных характеристиках, отношениях с другими слоями населения: интеллигенцией, крестьянством, казачеством. Однако внутриэлитные отношения не нашли в его работе адекватного отражения.

Большой интерес представляет работа О.Гаман "Политические элиты России в историческом процессе. Закономерность формирования и тенденции развития"[14]. Большевистская элита рассматривается автором в качестве субъективного фактора процесса модернизации советского общества, его ускоренного продвижения к индустриальному состоянию.

Среди других ученых, активно работающих над аналогичными проблемами, следует отметить Г.К. Ашина (патриарха отечественной элитологии), а также М.И. Афанасьева, Д.В. Бадовского, Л.В.Бабаеву, И.Е. Дискина, О.В. Крыштановскую, И.В. Куколева, Г.И. Либмана[15]. Теоретический уровень разработанности темы, характер материала обусловили необходимость адресоваться к историко-социологическому жанру.

Значимость политической элиты в современном российском обществе вряд ли возможно объективно оценить без исторического анализа особенностей и специфики условий ее возникновения, становления, функционирования и трансформации. Отсюда вытекают и хронологические рамки исследования, охватывающего почти сорокалетний период революционных потрясений, перевоплощений

и эволюций. В работе важное место занимает выявление эталонных характеристик, предъявляемых вождем-основателем при отборе в элитную группу большевистской партии, определение ее статусно-ролевых функций в революции, гражданской войне, в мирной созидательной инноваторской деятельности. Вскрывается качественное своеобразие различных поколений элит в зависимости от социально-политических и экономических задач общества.

Целью монографического исследования является теоретическое осмысление проблемы, изучение на конкретном историческом материале места и роли большевистской политической элиты как важнейшей составляющей всей правящей элиты страны, осуществляющей реальную власть в советском обществе. Реализация поставленной цели требует решения следующих задач:

– определить общие методологические основания, позволяющие применить к российским социально – политическим реалиям западные элитологические концепции и выявить специфику влияния условий большевистской революции на процесс формирования и становления властвующей элиты РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б);

– изучить причины эволюции, источники пополнения, структуру и состав политической элиты на различных этапах развития советского общества;

– оценить роль вождей в деле формирования политической элиты большевистской партии;

– выяснить характер и причины конфликтов различных групп в составе партии большевиков;

– раскрыть динамику изменения качественного состава большевистской элиты и его зависимость от той ожесточенной борьбы за власть, которую вели различные элитные группировки;

– оценить победившую во внутриэлитной борьбе группу сталинской номенклатуры.

Очевидно, что из идеологических соображений термин "элита" никогда публично не употреблялся ни Лениным, ни Сталиным, ни Хрущевым, ни Брежневым. Не отрицая правомерности ранее используемых терминов, следует подчеркнуть, что употребление этой научной категории приобретает принципиальный характер. Таким образом подчеркивается общность закономерностей и тенденций, действующих как в западном мире, так и в рамках нашего Отечества.

Процесс модернизации российского общества в XX веке носил, тем не менее, весьма специфический характер. Его особенности

были порождены как цивилизационными отличиями, так и воздействием тоталитарных идеалов. Внутриэлитные отношения, сложившиеся на этапе формирования партии и имплицитно ей присущие, определяли после 1917 года и все иные отношения в стране. Властвующая партийная элита контролировала и диктовала основные параметры всем иным элитным группам, осуществлявшим масштабное управление.

Трансформационные подвижки постепенно превращали политическую элиту в "класс для себя", делая ее непригодной для дальнейшего применения. Большевистская элита сначала оттесняется, а затем, в смертельной борьбе с новой номенклатурой, и вовсе уступает ей место во властных структурах. Проявилась неспособность элиты партии большевиков столь же успешно исполнять позитивную роль в социально-экономических преобразованиях, насколько ей это удалось в революционных и военных событиях.

Проработка мельчайших деталей всех заявленных проблем в рамках одного монографического исследования невозможна. Автор и не ставил перед собой такой трудновыполнимой задачи. Преследуемая цель носила более реалистический и ограниченный характер: раскрыть тенденции, характеризующие процесс формирования властвующей элиты; оценить ее потенциал; определить закономерности внутриэлитной борьбы; выявить необходимсть ее трансформации. Начать анализ темы нам представляется целесообразным с некоторых теоретических уточнений.

1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первыми, кто обратил внимание на существование в обществе особого элитного социального слоя (не употребляя, однако, самого термина), были мыслители древней Греции – Платон и Аристотель. Платон[1] полагал, что современное ему государство расколото надвое: одну часть составляют богатые, другую – бедные. Они живут вместе, но устраивают друг другу всяческие каверзы. В такой обстановке людей преследуют страх и неуверенность. Совершенное общество, по мнению Платона, должно быть иным. Потрясение, вызванное казнью Сократа, подвигло его на конструирование "правильного" государства, в котором будут не только осуществляться принципы справедливости, но и обеспечиваться внутренняя дисциплина и социальная стабильность. Идеальное общество должно быть руководимо элитой правителей, которых необходимо специально формировать, воспитывать, готовить. Этот мыслитель, абсолютизируя меры воспитательного воздействия, совершенно не учитывал морально-психологические факторы. Полагая, что воспитательный процесс идет линейно, он требовал исключить всякую возможность наследования социального статуса. По его мнению, все должны иметь равные шансы для проявления своих способностей и быть готовыми выполнять собственные ролевые функции. В идеале предлагаемая им селекция и обучение должны были бы привести к признанию власти правителей абсолютно легитимной. Мудрая правящая элита, выступающая с позиций патернализма по отношению к остальным слоям, сама лишалась собственности и семьи, сосредотачивая внимание исключительно на общественном благополучии. Теоретически сконструировав идеальное общество, Платон пытался на практике в своей "Академии" подготовить высокостатусную элиту, отобрав в ее состав наиболее способных, подготовленных, знающих и опытных политиков. Однако осуществить свою заветную мечту ему так и не удалось из-за постоянных "ошибок" при отборе. Выпускники его "Академии" применяли для достижения властных вершин безнравственные и даже преступные приемы и методы[2].

Другой мыслитель – Аристотель – в сочинении под названием "Политика" тоже не оставил без внимания вопрос о социальном неравенстве[3]. Этот философ, вслед за Платоном, придавал исключительное значение социологическим факторам. Он представлял социальную структуру общества более сложной и считал, что во всех современных ему государствах существует три (а не два, как у Платона) слоя: один – очень богатых людей; другой – очень бедных; третий – средний. Предпочтение в формировании элиты он отдавал именно третьему слою, поскольку его члены по условиям жизни наиболее подготовлены к восприятию рациональных принципов. Бедные и богатые слои лишены элитных свойств и пополняют, главным образом, группы преступников и мошенников. Озабоченный проблемой стабильности государства, Аристотель подчеркивал необходимость постоянного внимания к бедным. Он отстаивал мысль, что в государстве, где нет среднего слоя (либо он незначителен), а бедняки, склонные к преступлениям и бунтам, составляют большинство населения, непременно будут царить неуверенность и неопределенность. Однако и Аристотель не учитывал изменчивость природы идущих во власть людей. Формула лорда Эктона, что "всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно", ему еще не была известна. Он выступал против предоставления властных полномочий и плутократам, и охлократам, так как это должно было привести к одной из двух крайностей: или олигархии, или демократии. Крайности же, по мнению Аристотеля, всегда чреваты тиранией. Лучшим он считал то общество, в котором превалирует средний слой. Государство, где этот слой многочисленнее и сильнее, чем два других вместе взятых, функционирует успешнее. Социальное равновесие обеспечивалось массовостью.

Роль правящей элиты в государственных делах эпохи Возрождения учеными средневековья исследовалась с особым вниманием. Самым знаменитым среди них был Никколо Макиавелли, который в своем наиболее известном произведении "Государь"[4] ставил вопрос о значимости элитных групп в рамках определенных форм государственного правления, которые способны обеспечить "порядок, счастье и благополучие народа". По его мнению, характер отношений между элитой и массой всегда определяется стра

хом: элита боится масс, массы боятся тирании. Макиавелли не отрицал возможности демократического правления. В отличие от своих предшественников, он видел в демократическом правлении такие добродетели, которых были лишены автократии. На его взгляд, коллективные решения народа более мудры, чем решения государей, так как "общая воля не может приводить к ошибке". Между тем хорошо зная об эмоциональности поведения масс, он сомневался в рациональности их участия в оперативном управлении и подчеркивал необходимость долгого предварительного обучения. Этот средневековый мыслитель задолго до современных философов и политических практиков выдвинул идею "открытого общества", в котором неравенство положения столь же узаконено, как и равенство шансов стать неравными. Только такое равенство шансов позволяет сохранить огромное большинство наличных талантов и использовать их на благо общества[5].

В момент зарождения капиталистических отношений на первое место выдвигаются проблемы преодоления сословных антагонизмов и достижения социального равенства, предполагающие отрицание существования элитных групп. Наилучшим образом эти взгляды выразил философ-материалист Т.Гоббс, который считал неизбежной борьбу за равенство всех людей. Это равенство занимает место неравенства во власти и прерогативах. Ему казалось, что люди в одинаковой мере заинтересованы в достижении господства и привилегий и одинаково жадны в желании жизненных благ. Такие стремления в случае их осуществления на практике при отсутствии общепризнанных правил, составляющих "общественный договор", приводят к разрухе и хаосу. Гоббс полагал, что право управлять должно принадлежать одному человеку, олицетворяющему коллективные требования и всеобщую волю. Согласно его теории, элитные группы недопустимы, поскольку они разлагают равенство прав. Однако, на наш взгляд, он явно не учитывал того обстоятельства, что человек, стоящий во главе государства, определенно не в состоянии управлять без поддержки со стороны целого социального слоя. Без него невозможно заставить народ уважать и исполнять приказы лидера. Поддержка этого слоя обеспечивает авторитет главы государства, и ссориться с ним, а тем более уничтожать, – утопично. В своих воззрениях Гоббс был не одинок. Позднее и другие мыслители: Д.Локк, Ж.Ж.Руссо, Г.Гегель – высказывали опасение в том, что появление в будущем новых социальных слоев, классов, групп, возникших либо с врожденными, либо с приобретенными

качествами или с их комбинацией, может породить серьезные проблемы. Одинаково оценивая намечавшиеся трудности, они предлагали самые разные рецепты их одоления. Однако ни один из них практического подтверждения не нашел.

Идеи достижения равенства, как и сохранения неравенства, находятся в постоянной конфронтации друг с другом. Они и сегодня продолжают будоражить умы людей во всем мире. Один из крупнейших мыслителей современности – Э. Гидденс[6] – справедливо подчеркивал, что на общественное мировоззрение наибольшее влияние оказывали теоретические взгляды, развиваемые представителями этих двух направлений: К. Марксом и М. Вебером. Большинство (если не все) более поздних стратификационных теорий обязаны своим рождением именно этим философам.

Предложенная Марксом концепция классов объективно отражает экономическое и политическое неравенство в обществе. Такое положение, по Марксу, вполне исправимо. Путь к равенству лежит через социальную революцию, уничтожение частной собственности и государства. Стратификационный подход Вебера, построенный с учетом марксистского анализа, модифицирует и развивает его. Между марксистской и веберовской теориями существуют два главных различия. Первое. Соглашаясь с Марксом в том, что классы базируются на конкретных экономических условиях, связанных с собственностью (контроль или его отсутствие), Вебер подчеркивает обстоятельства, прямо на эти условия не влияющие (квалификация и профессиональное мастерство). Управленцы или профессионалы зарабатывают больше, имеют лучшие условия труда и жизни, чем, например, "синие воротнички". Образование, квалификация и профессиональное мастерство делают людей более "рыночными", предоставляют повышенный шанс на получение высокой оплаты и большую вероятность на "попадание" в элиту. Второе. Вебер, помимо классового, выдвигал еще два основания стратификации. Одно он называл статусом, другое – партийной принадлежностью. Статус устанавливает различия между социальными группами по престижу, который может менять характеристику с отрицательной на положительную и наоборот. Партия же является негативной привилегированной группой, объектом для дискриминации. Статус – субъективный фактор, зависящий от человеческих оценок. Партия – важный аспект власти, влияющий на стратификацию независимо от объективной и субъективной принадлежности. Партийная организация закономерно формирует элитную

группу сотрудников, потому что у них общие истоки, цели и интересы. Привлекая людей независимо от их классовой принадлежности, партия нивелирует идеологические различия точно так же, как и классовые. Членство в правящей партии оказывает решающее влияние не только на отбор кандидатов, но и на их политическое и социальное продвижение. Деление общества на партийных и беспартийных напоминает членение сословного характера, увязанное с объемом прав и обязанностей перед партократическим государством[7]. Формальная роль партийной принадлежности фиксировалась в уставе пришедшей к власти партии, в котором говорилось о подборе и расстановке на командные посты кадров в соответствии с их политическими и деловыми качествами.

Вебер, признавая, что классовое господство является объективным технологическим законом, никогда не обсуждал вопроса о возможном революционном выступлении масс и завоевании с помощью насилия элитных позиций в обществе. "Не исключено, – пишет О.Шкаратан, – что он воспринимал революцию столь опасной, что чувствовал себя неспособным думать о ней"[8]. В отличие от Маркса, Вебер серьезно сомневался в способности рабочих "подняться" до "настоящей" классовой сознательности и объединиться в общей классовой борьбе против системы, их эксплуатирующей.

Стратификационные работы Вебера важны постольку, поскольку демонстрируют воздействие на жизнь людей, кроме классовой принадлежности, других стратообразующих факторов[9]. Гидденс, как и большинство современных социологов, считал, что веберовская схема предлагает более сложную и более гибкую основу для анализа стратификации, чем это делает марксизм[10].

Однако и марксизм фактически признавал существование элит в обществе. К такому выводу можно прийти, обратив внимание на одно высказывание об особом слое идеологов и мыслителей господствующего класса, последовательно защищающих их интересы. К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивали, что разделение труда "проявляется теперь также и в среде господствующего класса... так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей, в то время как другая часть с готовностью внимает их идеям, так как имеет меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе"[11]. Такое расщепление, по мнению Маркса, может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды, но эта вражда становится второстепенной при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому правящему классу. Это положение недвусмысленно намекает на существование политической элиты господствующего буржуазного класса в рамках капитализма. Однако исторический опыт доказал, что механизмы осуществления классового господства с отмеченными классиками марксизма чертами характерны не только для анализируемого политического пространства и времени, но и для общества иного типа – так называемой "мировой системы социализма".

В современной обществоведческой литературе признается факт, что элитистские концепции возникли и формировались в значительной мере как реакция на радикальные социалистические учения и были направлены против различных демократических течений. Последователи К.Маркса, российские социал-демократы, с достаточной долей настороженного скептицизма относились к этим идеям, не желая брать их на вооружение и применять даже к анализу капиталистического общества. Такая теоретическая солидарность означала бы публичное признание, во-первых, слабости и неспособности к самоорганизации и революционному действию низших неэлитных слоев, постоянно нуждающихся в управлении извне, во-вторых, естественности и неизбежности неравенства на любом этапе развития человеческой цивилизации. Это заставило бы задуматься над тайными планами партийных вождей, подорвало возможность достижения власти революционной элитой, состоящей почти целиком из непролетарских слоев и декларирующих мысль, что они используют теорию и практику классовой борьбы для переустройства общества на принципах полного "равенства" и "справедливости".

Обществоведы XX века не менее своих предшественников были озабочены проблемами неравенства между людьми. Однако они, опираясь на исторический опыт, с очевидностью констатировали, что в обозримом будущем "даже в процветающем обществе неравное положение людей остается важным непреходящим явлением"[12].

Пионерами классической теории элит были итальянские экономисты и социологи новейшего времени Вильфредо Парето и Гаэтано Моска. Эти ученые, развивая идеи знаменитых предшественников, почти одновременно пришли к твердому убеждению, что деление общества на массы и элиту является неизбежным условием развития мирового сообщества. Парето создал свою теорию "циркуляции элит", пытаясь объяснить динамику социально-экономических отношений. Этот, как его однажды назвал Р. Арон, "патриций без иллюзий" принадлежал к итальянской культуре и стоял в том же ряду политических мыслителей, в котором первым и самым

великим был Макиавелли[13]. Сделанный им упор на историческую двойственность правителей и управляемых, элиты и толпы позволил создать вид социологии, концентрирующийся вокруг политической темы, что вполне характерно для итальянской традиции. Занимаясь проблемой экономических циклов, он пришел к выводу, что следующие за ними изменения касаются и иных сфер: политики, нравственности, религии. Эти процессы были аналогичны экономическим и особенно настойчиво заявляли о себе в периоды борьбы между старой и новой аристократиями, под влиянием победы новых сил. Парето утверждал, что во всякую эпоху вокруг власти действуют две социальные группы – элита и контрэлита, которые ведут между собой борьбу за господство и влияние, мобилизуя для этого массы. Ему удалось обнаружить, что новая аристократия, добиваясь власти и сопровождающих ее привилегий, всегда стремилась к низвержению старой аристократии, явно не демонстрируя, а зачастую и тщательно скрывая, свои истинные намерения. "Объединяя, – писал Парето, – вокруг себя угнетенных, она уверяет, что действует во имя всеобщего блага, а не своекорыстных интересов"[14]. Подъем на властные вершины новой политической элиты, в первую очередь, означает удовлетворение потребности в уничтожении старой аристократии, а затем и в последовательном устранении элит как бывших союзников, так и ненадежных соратников. Исторический опыт борьбы различных типов аристократий (например, патрициев с аристократией плебеев в Древнем Риме, феодальной аристократии с городской буржуазией в Европе, помещиков и капиталистов с пролетарскими политическими организациями в России и т.д.) многократно подтвердил открытые Парето закономерности.

Другой ученый – Г. Моска – самостоятельно пришел к аналогичным выводам. "Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организациях, – писал он, – одно становится очевидным, даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых, с трудом достигших основ цивилизации и заканчивая наиболее развитыми и могущественными) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых"[15]. Моска выделял принципы организации правящего меньшинства в зависимости от характера политической ситуации. Он заложил основы организационного подхода к функционированию элит, справедливо полагая: раз в обществе происходят изменения в соотношении политических сил, то и в управлении государством должны утвердиться силы, отличные от прежних. Причем, дополняя Парето, он сформулировал идею открытой элиты. Правящая элита ради сохранения своего положения и социально-политической стабильности не должна быть закрыта для проникновения в нее "лучших", наиболее способных элементов большинства. В.Парето и Г.Моска при создании элитистской теории опирались исключительно на исторический опыт Запада.

К сторонникам элитизма с полным основанием можно причислить О.Шпенглера, считавшего функционирование элитных групп фактором развития культур, и А. Тойнби, предложившего теорию круговорота сменяющих друг друга локальных цивилизаций, каждая из которых проходит стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Движущей силой развития, по его мнению, является "творческая элита", увлекающая за собой "инертное большинство"[16].

Признавая существование особых олигархических групп, классики марксизма их специальным анализом не занимались. Этому вопросу уделил немало внимания немецкий историк, экономист и социолог, социал-демократ по убеждениям Роберт Михельс. Его книга "Социология политической партии в условиях демократии", опубликованная еще в 1911 году, внесла существенный вклад в разработку проблемы формирования и функционирования элиты, сосредоточенной в руководстве пролетарской организации. Михельс, раскрывая множество секретов внутрипартийной жизни, убедительно доказал, что любая массовая политическая партия подвержена олигархическому перерождению и бюрократизации, подтвердив тем самым правомерность использования элитистской концепции и на уровне изучения отдельной политической партии. Он продемонстрировал, что партия обязательно разделяется на пассивное, управляемое сверху большинство и управляющее сверху вождистское меньшинство. Вместе с увеличением численности и усложнением задач борьбы роль партии сводится к формированию специализированных кадров партийной бюрократии (профессиональных революционеров), живущих за счет организации, распоряжающихся значительными финансовыми средствами и опирающихся в своей деятельности на сильный административный механизм. В результате названных процессов и образуется партийная олигархия, ведущая к деформации отношений в самой партии. Выборность превращается в фикцию, контроль за деятельностью вождей и партаппарата со стороны масс постепенно трансформируется в иллюзию, исчезает свобода критики, вожди изгоняют из организации неже-

лательный для них дух сомнения, свободомыслия и творческой самостоятельности рядовых членов. Бюрократические механизмы усиливаются и неизбежно приводят к перерождению руководящих верхов. На смену прежнему идеализму и революционному романтизму приходит рутинерство, узкий практицизм и консерватизм. Боясь утраты обретенного положения и стремясь во что бы то ни стало закрепиться на вершине достигнутых привилегий и почестей, члены революционной элиты проявляют робость перед наиболее влиятельными лицами и презрение к партийной массе[17]. Работа Михельса по понятным причинам длительное время скрывалась от советских исследователей и читателей.

Практически одновременно с Парето, Моска и Михельсом теория олигархизации политических партий была изложена в работе русского исследователя М.Я. Острогорского. В книге "Демократия и политические партии" он раскрывает механизмы власти и управления в капиталистическом обществе и роль партийных элит (кокуса) в этом процессе. Автор отмечает, что быстрый переход от господства традиций к демократии, превративший массы в реальный фактор политического процесса, создал возможность нового авторитаризма – демократического цезаризма, использующего демократические формы для утверждения антиправового режима, обоснования власти меньшинства партийной олигархии над большинством[18].

Создатель и вождь большевистской партии, основатель советского государства В.И. Ленин слово "элита" никогда не употреблял, хотя с большой долей вероятности можно говорить о его знакомстве с книгой Р.Михельса[19]. Признанием, правда косвенным, того, что в Советской России сложилась правящая группа, служит ленинская работа "Очередные задачи Советской власти". Позднее Ленин уже прямо писал о "тончайшем слое профессиональных революционеров", определяющем всю политику в советском государстве. Вопросам управления государством и формирования управленческих кадров из рабочих и крестьян, их подготовке и воспитанию целиком посвящена статья, относящаяся к "политическому завещанию" вождя, – "Лучше меньше, да лучше". По поводу этой ленинской статьи другой большевистский лидер, Л.Б. Красин, в порядке полемики писал: "Наша партия на пять с плюсом выполнила гигантскую революционно-разрушительную работу <...> хуже и беспомощнее всего действуем мы в области положительного строительства..." потому, что в руководящих органах партии находятся

малоспособные, неопытные и плохо образованные партийцы, оказавшиеся в них по настоянию влиятельных лиц, нуждающихся в персональной поддержке преданных кадров[20]. Уже тогда, в начале 20-х годов, стали отчетливо проявляться негативные моменты отбора в большевистскую элиту.

Отмечая эту особенность утверждения всякой новой власти, М. Вебер справедливо подчеркивал, что правящая "партия, концентрированно представляя интересы определенного класса, старается из него же и набирать своих приверженцев, нисколько не заботясь об их умении управлять" созидательными процессами[21], главное для нее – это доверие и надежность в глазах вождя, а специальные знания, образование и опыт имеют второстепенное значение.

Однако самый знаменитый теоретик постиндустриализма Д. Белл считает, что наиболее оптимальным механизмом выдвижения элитных кадров должен быть механизм конкуренции. На его основе он сформулировал идею "элиты заслуг". "Элита заслуг" – это усовершенствованная элита, объединяющая не только лучших в плане личных способностей или богатств, но и наиболее достойных и заслуженных в глазах народа. Элита, по Беллу, есть группа профессионалов, специалистов с высшим образованием, конвертирующих свои специальные знания и опыт в господство как в области хозяйства, так и во всех областях культуры. Более того, на передний план выходят ученые-исследователи и их социокультурная позиция. "В постиндустриальном обществе техническая квалификация становится основой, а образование – способом доступа к власти"[22]. По его мнению, наиболее преуспела в этом отношении элитная группа ученых.

В работах Г. Лоссуэлла[23] и Р. Дейла[24] элита рассматривается не как миф, существующий только в воображении ученых, а как реальный элемент современной цивилизации, осуществляющий реальные властные функции и впускающий в свои ряды таланты из низов. Однако, по их мнению, простое размывание элиты "плебеями" недопустимо, как недопустима и идея "гарнизонного государства".

Массовый советский читатель с теорией элит впервые познакомился по книге Райта Миллса "Властвующая элита", опубликованной в СССР в 1959 году. Анализ, проведенный Миллсом, подтвердил, что элита – это не эфемерное, а фактическое явление. Получив первую возможность знакомства с элитистской доктриной Запада, советские обществоведы проявили к ней вполне определенный, но исключительно негативный интерес. Первым, кто начал публико-

вать работы по данной тематике в СССР, был Г.К. Ашин[25]. Самые ранние его произведения относятся к концу пятидесятых – началу шестидесятых годов. Начав исследования с оценки элитологических концепций как вредоносных и антинаучных, он постепенно понижал планку собственного неприятия: от агрессивных нападок до позитивного применения ее положений к анализу современной российской политической действительности. Именно Ашину принадлежит заслуга введения этого термина в марксистскую политологию. Ему удалось убедить советских ученых в том, что использование термина "элита" вовсе не подрывает марксистскую классовую теорию, а, напротив, дополняет феномен социально-классовой дифференциации еще одним элементом[26].

К 80-м годам на русский язык начали переводить и публиковать работы некоторых авторов из восточно-европейских стран, изучающих данную проблематику. Среди активно критикующих западные концепции наиболее заметное место принадлежало исследованиям М. Нарты[27] и В. Весоловского[28]. В их работах делалась первая попытка применить теорию элит к анализу социальной структуры стран социалистической ориентации. Однако, несмотря на очевидность аналогий, авторы подводили читателей к выводу о том, что в социалистическом обществе элитам места нет. Работы, отрицающие существование элиты при социализме, тем не менее, представляли определенный интерес. Они демонстрировали влияние западного обществознания на науку в странах с коммунистической перспективой, давали представление о взглядах на проблему элитизма через призму "Пражской весны", будоражили "застойное" сознание.

Этап критики элитизма как универсальной теории, объясняющей процесс цивилизационного развития, представляется нам вполне оправданным и полезным, ибо он помогал уточнению позиций, направлял ход исследований, способствовал более глубокому уяснению проблемы политического господства, механизмов властвования и управления, определял их формулы и схемы. Тем не менее, такая критика не могла скрыть рационального зерна элитистской теории.

Новый толчок исследованиям в области элитизма, как в России, так и в странах бывшего Восточного блока, дал постперестроечный период новейшей истории. Большой интерес к проблемам элитизма проявили немецкие ученые Д. Лейн и У. Хофман-Ланге. Д. Лейн, например, делает попытку описать процесс модернизации бывших социалистических стран от автократии к демократии и выявить роль элит в этом процессе[29]. У. Хофман-Ланге исследует бихивиаристский аспект проблемы. Элитная трансформация (и в этом особая заслуга работы) рассматривается ею через призму изменения политических режимов[30]. В своей статье она затрагивает проблему смены элит не путем демократических выборов (как обычно это происходит на Западе), а в результате социально-политической катастрофы. Однако качественных характеристик новой элиты и источников ее формирования работа не касается.

Болгарка А. Крестева исследует проблему с точки зрения диалектики элиты и власти. Основная ценность ее работы состоит в анализе политического сознания посткоммунистической элиты, пришедшей к власти не путем номенклатурных манипуляций, а в результате выборов. Консервативность этой элиты продолжает проявляться в понимании сферы политики по-старому: не в виде арены для открытой и свободной конкуренции различных сил, а как закулисной смертельной схватки с давними заклятыми врагами[31].

В последнее десятилетие в российской обществоведческой литературе появилось значительное количество работ, имеющих своей целью рассмотреть феномен социальной действительности, называемый политической элитой, выявить ее роль в управлении Россией, исследовать процессы формирования, функционирования и трансформации. Кроме того, важной научной задачей представляется уточнение и унификация элитистской терминологии.

Платон для обозначения высшего социального слоя, осуществляющего в государстве властные полномочия, пользовался термином "олигархия". Основоположник классического элитизма В. Парето первоначально использовал общепринятый в то время термин "аристократия"[32]. Г. Моска ввел категорию "правящий класс" (ruling class)[33]. Однако все они имели в виду одно и то же: малочисленный слой, выполняющий важнейшие политические функции, монополизирующий власть, влияние и привилегии благодаря природным и приобретенным качествам. С господством этого меньшинства большинство общества молчаливо соглашается. Понятие "элита" в качестве общепризнанного обозначения появилось в "Трактате по общей социологии"[34] В. Парето.

За более чем вековой период использования этой терминологии сложилось целое научное направление, которое к сегодняшнему дню предложило почти полторы сотни определений элиты. Причем различными авторами оно трактуется по-разному, а одни и те же тер-

мины нередко используются для обозначения различных по содержанию понятий[35].

Подробный анализ и типологизация всех имеющихся в российской и зарубежной литературе определений элиты не входят в задачу историка. Тем не менее, мы считаем необходимым подчеркнуть наше понимание данного феномена, обусловленного рамками конкретного исторического исследования. Прежде всего остановимся на самом термине – "политическая элита".

В элитистской теории друг другу противостоит несколько подходов. Подробнее следует остановиться на наиболее распространенных: этакратическом, меритократическом, аксиологическом и альтиметрическом. В указанной совокупности доминирует, и, по нашему мнению, справедливо, этакратический подход. Такое положение нетрудно объяснить, ведь власть принадлежит меньшинству общества хотя бы уже потому, что оно лучше организовано, имеет больший экономический, финансовый и силовой ресурс, интеллектуальный и культурный потенциал. Это превосходство обеспечивается особым воспитанием, специальным образованием, опытом, социальными традициями, обычаями и нормами поведения. Занимая соответствующие позиции, элита проникается убеждением в своем абсолютном и непререкаемом праве управлять делами общества. Отношения правящего класса и массы народа во многом определяются уровнем развития общества и существующим политическим режимом.

Меритократический подход включает в элиту тех, кто имеет наивысший балл по условному индексу политических способностей. Власть таких людей базируется, главным образом, на личных качествах и талантах. Неравенство элиты и неэлиты определяется персональными чертами и выглядит как естественное положение вещей. Такой взгляд, по нашему мнению, скорее рисует картину идеальную, чем реальную. В этом случае понятие "элита" приобретает оценочно-эмоциональный, а не научный характер.

Аксиологический подход как бы дополняет подход меритократический и представляет элиту как мудрых, дальновидных, достойнейших и во всех отношениях образцовых представителей общества. Действительность не выдерживает такой характеристики и вступает с ней в решительное противоречие. Слишком часто в правящей среде обнаруживаются некомпетентные, жестокие, корыстолюбивые, тщеславные и лживые люди. Аксиологический подход в этом случае становится не апологетом, а, напротив, ниспровергателем теории элит. Если мы примем ценностные критерии, то будем вынуждены различать и даже противопоставлять элиту "фактическую" и элиту "совершенную".

По нашему мнению, аксиологическому более предпочтителен альтиметрический подход. Элита в этом случае выступает в виде совокупности "индивидов, располагающих институциализированным влиянием на значимые в национальных границах социально-политические решения"[36]. Формируется такая элита из относительно узкого слоя общества, имеющего высокий уровень образования и опыт работы в сложных организациях[37]. Попытка кардинальной замены правящей элиты на группу с ухудшенными характеристиками во всех этажах властной пирамиды, предпринятая в Советской России сразу после революции, в конечном счете, в результате трансформационных процессов привела к деградации и была обречена на неудачу.

Д. Лейн отмечает, что "определение понятия "политическая элита" – это сложная проблема в любом обществе, даже если оно "открыто" и в нем наличествуют устоявшиеся политические институты"[38]. Политическую элиту он характеризует как людей, работающих в политических институтах и принимающих властные решения[39]. Именно этим элита отличается и от контрэлиты, и от всего остального населения. Качественные показатели (образование, специальные знания и навыки управленческой деятельности) в расчет не принимаются. Именно этим данный взгляд наиболее адекватен исследуемому феномену, сложившемуся в Советской России в 20 – 30-е годы XX века.

Понятия "политическая элита" и "правящая элита", по нашему мнению, следует различать. Правящая элита – это сложное структурное образование, в которое входят не только политики, но и высшие военные, и полицейские чины, технократы, ученые и другие профессионалы. Эти элитные структурные группы, следуя в фарватере политической элиты, отстаивающей общенациональные или идеологические интересы, гарантируют (на определенное время) стабильность общества, обеспечивают незыблемость режима, в котором ей принадлежит вся полнота власти, сотрудничают и соперничают друг с другом.

В современной элитологии немало работ посвящено исследованиям процессов трансформации элит. Например, И.В. Куколев рассматривает трансформацию как последовательную смену нескольких элитных волн. Он говорит, что "на каждом этапе транс-

формации предыдущая волна правящей элиты выдвигает на руководство последующую, а она, в свою очередь, оказывается политическим могильщиком для тех, кто ее выдвинул"[40]. Это теоретическое свидетельство подтверждается и классиком: "Аристократии, – писал Парето, – не вечны. История – это кладбище аристократий"[41]. Между тем политическая элита, осуществляющая власть с силовых позиций, вполне может определенное время играть стабилизирующую роль. Российские большевики, твердо придерживаясь идеологических догм, фиксировали для себя целеполагающими не реалистические, а мифологические установки. Эффективное управление в таких условиях становится попросту невозможным, а гибель правящей элиты – неизбежной. Историческая наука неоднократно подтверждала, что правящая элита "неизбежно приходит в упадок, если перестает совершенствовать те способности, с помощью которых она пришла к власти, когда перестает выполнять привычные для себя социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость"[42].

История Советской России может с особой наглядностью демонстрировать процессы формирования революционной элиты, ее функционирования в борьбе за власть, превращения в элиту властвующую, а затем – трансформацию и гибель. За всеми перех итыми российским государством социальными катастрофами (революции из их числа) всегда стояли какие-то элитные группы. "Можно предположить, – утверждают Л.В.Бабоева, Е.В.Таршис, Л.А.Резниченко, – что состояние правящей элиты как раз и предопределило возникновение таких катастроф"[43]. Стихийная актуализация социально-экономических и политических проблем вызывает у пришедшей к власти и не имеющей достаточного опыта элиты стремление найти, без выявления причинно-следственных связей, быстрые, наиболее простые и надежные способы их решения. Временной цейтнот, превратившийся в постоянно действующий фактор, и недостаток образования не позволяли ей глубоко вникнуть в суть настоящего, а значит, и создать реалистическую картину будущего. Будущее представлено в ее сознании в виде воплощенной марксистской идеи, схемы, конструкции, построенной на российской почве. Большевистским вождям казалось, что стоит лишь определить жесткие приемы, средства и методы достижения идеологических целей и продумать детали организации новой жизни, как наступит земной рай и полная гармония. Упраздняя прежние системы политической власти, большевистские вожди опи-

рались на марксистскую теорию и некоторые собственные прагматические взгляды, мнения и выводы, не выдержавшие испытания временем.

Ценность человека в России всегда определялась не столько его личными качествами, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому – профессии, этносу, классу, сословию, организации, окружению вождя. Это позволило А. Пригожину отнести российское общество к синкретическому типу[44]. Вся "тысячелетняя история России типична для закрытой политической системы и, соответственно, закрытого типа рекрутирования элиты с жесткой иерархизацией"[45]. Не явился исключением и советский период истории, когда путь на высшие элитные посты был открыт лишь для членов номенклатуры, занимавших более низкие позиции, т.е. для тех, кто в "систему" уже вошел[46].

Анализ советской социальной системы через призму элитологии неизбежно выводит на выявление соотношения политической элиты и номенклатуры. Так или иначе этот вопрос ставится и рассматривается в трудах таких авторов, как С.И. Барзилов, О. Гаман, В.П. Мохов, О.Т. Джавлаков, В.А. Михеев, Т.П. Коржихина, О.В. Крыштановская, В.Н. Сироткин[47]. Эти исследователи пришли к выводу, что именно номенклатура и является "элитой советского общества". С этой точкой зрения, правда, с определенными оговорками, соглашается и И. Дискин[48]. Однако введение нового термина "элита", совпадающего по объему, структуре и сущностному содержанию с ранее используемым термином "номенклатура", ничего не дает современному обществознанию. По нашему мнению, понятие "политическая элита" `уже понятия "номенклатура", поскольку включает в себя только ответственных работников, занимающих лидирующее положение в партийных органах, оставляя за своими пределами крупных хозяйственных руководителей, высокопоставленных военных и высших чинов службы безопасности. Все названные группы входят в другое, более объемное образование, называемое "правящей элитой".

Проблемы рекрутирования элит занимают не только социологов и политологов. Профессор А. Ефимов, опираясь на методы математической статистики, указал на четыре типа отношений, лежащих в основе формирования политической элиты: вождь – селекционер, претендент – рекомендатель, "прореживание" и "делегирование"[49]. Автор обосновывает процесс улучшения или ухудшения качественных характеристик элиты в зависимости от принци

пов ее организации и пополнения. Административная система, создавая корпус руководителей – номенклатуру, самостоятельно устанавливает правила отбора, процедуру замен, определяет траекторию трансформации и, наконец, ее финальное состояние. В работе доказывается, что только принцип делегирования, присущий демократическим системам, ведет к улучшению элитных свойств, в то время как другие принципы их неуклонно ухудшают, приводя, в конечном счете, к полной деградации.

Принципы рекрутирования элит исследует и советолог К. Фармер, который вводит несколько новых, но, по нашему мнению, совсем не обязательных терминов. Отказавшись при характеристике элит от категорий "открытая" и "закрытая", он заменяет их на термины "естественные" и "искусственные". Естественные возникают в условиях неконтролируемой конкуренции в соответствии с имеющимися у элитных элементов качествами. Искусственные предполагают замещение позиций вне зависимости от качеств. Номенклатурная система, по мнению Фармера, "безусловно искусственная"[50]. Утверждение вполне справедливое, так как номенклатурная система действительно сохраняла до момента крушения высокую степень закрытости. Ни один политический руководитель в Советском Союзе не был избран в качестве такового легитимно – путем всенародного свободного голосования, он обязательно должен был проходить длительную цепочку номенклатурных постов снизу вверх.

Система номенклатуры не была стабильным институтом власти. Период сталинщины дает пример быстрых карьерных взлетов и не менее стремительных падений. Застойный этап свидетельствовал о медленной и ограниченной сменяемости правящей элиты. Высшие государственные должности занимались фактически пожизненно. Приоритеты отдавались чиновникам, доказавшим свою преданность влиятельным персоналиям или элитным группам. Личностям незаурядным, самобытным, нонконформистским система воздвигала трудно преодолимые препятствия. Ф. Хайек, демонстрируя поразительную наблюдательность, писал: "Чем выше умственные способности и образовательный уровень людей, тем резче разнятся их вкусы и взгляды, а тот, кто ищет единство взглядов, должен опуститься в сферы, где доминирует более низкий моральный и интеллектуальный уровень"[51]. Утверждение Хайека диссонирует с мнением вождей большевизма, требовавших от членов партии полного единомыслия[52]. Поэтому в среде большевистской

политической элиты инакомыслие, а тем более инакодействие, не допускалось и преследовалось самым решительным образом.

Система номенклатурного рекрутирования, сдерживающая в течение десятилетий притязания интеллектуалов на элитные места, побуждала их к внутреннему диссидентству, направляла в затаенную оппозицию и подспудно формировала контрэлиту. Политическая система не может считаться стабильной, если ее элита в своем составе не имеет людей с мощным интеллектуальным потенциалом, высоким уровнем пассионарности. В этом случае стремление сохранить завоеванные позиции неизбежно приведет к повышению роли тайной полиции и террора, даже в борьбе против вчерашних соратников, иначе формирующаяся оппозиция (контрэлита) будет превосходить качествами элиту, находящуюся у власти. "Когда мы говорим об убывающей силе господствующего класса, – разъяснял Парето, – мы ни в коем случае не имеем в виду сокращение насилия... никто так не жесток и не склонен к насилию, как трус, никто так не стремится командовать, как невежда"[53]. Именно этим обстоятельством можно объяснить маниакальную страсть Сталина не только к отстранению от власти несогласных, но и к уничтожению наиболее способной части партийных лидеров. Многие из пришедших им на смену руководителей понимали, что достигли своего положения не по праву лучшего. Они особенно опасались тех, кто мог их "обойти", "подсидеть", "оттереть" и продвигали по службе лиц, внушающих доверие самым развитым своим качеством – преданностью. Таким образом, не теоретически, а на практике культивировался в качестве основного принципа не положительный, а отрицательный отбор[54].

Элитологи Запада оказались прозорливее большинства марксистов в предсказании последствий "пролетарских" революций. Они предугадали, что в конечном счете эти революции совершаются меньшинством именно для своего собственного блага[55].

Объявив беспощадную войну прежней элите, большевики не желали идти с ней ни на какие компромиссы. Опасаясь конкуренции со стороны еще достаточно влиятельной, опытной, обладающей специальными знаниями и высокообразованной старой элиты, ее различными путями целенаправленно искореняли: от физического истребления до высылки из страны или лишения возможности интеллектуального труда. Очевидно, что с момента узурпации большевистской элитой политической власти началась борьба двух основных качественных характеристик за приоритет: эффективно-

сти и преданности. Эти качества большевистской элиты на различных этапах советской истории рассматриваются российскими элитологами как наиболее полезные. Однако их значимость, параметры и приоритет зависели от требований вождя.

Считаем, что в рассуждениях и отечественных, и зарубежных ученых содержится существенная доля научной истины. Это подтверждается результатами анализа функционирования большевистской властвующей элиты, процесса ее зарождения, трансформации и исчезновения, хотя для его проведения в нашей стране и на Западе использовались разные методы.

Обычно в историческом сочинении при описании явлений, событий и процессов встречается значительно больше категорий, понятий и терминов, чем в данном разделе работы. Однако автора не покидает надежда, что высказанных положений достаточно для уяснения его позиций в оценках исследований предшественников, в выборе приемов и методов, используемых при анализе конкретных действий по формированию и деятельности политической элиты партии большевиков.

2

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Провести разграничение исторических и историографических источников зачастую бывает весьма затруднительно, а в ряде случаев и невозможно. Обобщения происшедшего, выводы о его причинах и содержании, о характере имевших место событий встречаются в документах и материалах, авторами которых являются политические деятели, публицисты, практики и рядовые свидетели минувших событий. Так, в первые годы советской власти, как уже отмечалось рядом исследователей, литература по рассматриваемой проблеме создавалась главным образом настоящими и бывшими практическими работниками партийных организаций, государственных органов, непосредственными и нередко самыми активными участниками событий. На ее содержании сказывались личные позиции авторов, их отношение к другим представителям политического руководства, центральным институтам и органам власти в целом. Это приближает их, в определенной степени, к жанру мемуарных источников. По содержанию написанных и опубликованных в это время работ можно вполне объективно судить о политической атмосфере в стране, психологии элитных групп, господствовавшем в обществе политическом сознании и тому подобном.

Одновременно нельзя недооценивать указанные публикации и как историографический источник. Именно в эти годы закладывались основы тех проблем, которые долгие годы волновали как мировое общественное мнение, так и специалистов-историков. Однако строгая партийная цензура, позволявшая печатать только то, что выгодно политическому истеблишменту, и внутрипартийная борьба ограничивали доступ читателей ко многим интереснейшим и важнейшим материалам, на основе которых можно было делать заключения о роли и значении правящей большевистской элиты. Тем не менее, из литературных воспоминаний можно извлечь немало ценной информации, позволяющей пролить свет на вопросы,

в течение длительного времени совершенно закрытые для какого-либо публичного обсуждения, а тем более научного исследования. В первых советских публикациях, появившихся в сложных условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны, обосновывалась необходимость ведущей роли партии, ее Центрального Комитета, Советского правительства и большевистских вождей по укреплению пролетарской власти и проведению социалистических преобразований.

Введение новой экономической политики сопровождалось усилением работы по повышению авторитета политического руководства страны и, следовательно, увеличению выпуска соответствующей литературы, причем не только в центре, но и на местах. Все настойчивее утверждается такая оценка работы правящей элиты, которая не должна была оставлять сомнения в ее превосходстве над элитой старого режима. В работах В.И.Ленина, Л.Д.Троцкого, Н.И.Бухарина, Е.М.Ярославского, А.В.Луначарского, М.Н.Покровского, Н.К.Крупской, Ф.Ф.Раскольникова и других осторожно развиваются под углом зрения партии проблемы межэлитных и внутриэлитных отношений. Причем, если на первом этапе преобладали публикации в виде журнальных и газетных статей, стенограмм устных выступлений, то к середине 20-х годов появляются книги, брошюры и сборники. В них уже не фрагментарно, а более цельно и последовательно выражались взгляды авторов, их характеристики элитных групп и персоналий, действующих при Советской власти. Определялись требования к элитным кадрам, оценивался первый опыт "пролетаризации" партийных органов и правительственных учреждений.

Публикации об элитных субъектах, появившиеся в печати сразу после завоевания большевиками политической власти, с большим пиететом отзывались об известных революционных борцах большевистской партии: каждому воздавалось по его способностям и заслугам в деле свержения старого режима. Выстраивалась своеобразная пирамида политического авторитета. Однако в результате внутрипартийной борьбы и наметившегося в большевистской элите раскола, произошедшего после смерти Ленина, политические дифференты начинают смещаться, а потом и вовсе меняются в прямо противоположном направлении. Публикация Л.Д.Троцким статьи "Уроки Октября" была расценена высшим партийным руководством как покушение на их авторитет и позиции во властных структурах. С этого момента любая несогласованная попытка оглаше-

ния действительных сведений о личностных способностях и роли в революционной истории тех или иных большевистских лидеров оценивалась однозначно негативно.

Положительным моментом в формировании банка источников в этот период является то, что издаются протоколы и стенограммы важнейших политических форумов (съездов, конференций, пленумов), речи и статьи лидеров партии, по которым, в определенной мере, можно было проследить борьбу властвующей верхушки с оппозициями. Эта литература, разумеется, не стремилась четко и ясно продемонстрировать причины разногласий в "ленинской гвардии" и особенности ее борьбы с наступающей сталинской номенклатурой. Главную свою задачу она видела в пропаганде и агитации, популяризации и романтизации революционной борьбы и позитивной роли в социализации общества группы профессиональных революционеров. Тем не менее, она содержит массу интереснейших фактов, характеристик и показательных подробностей, без которых портрет властвующей элиты был бы сублимированным. Свидетельства, относящиеся к первой половине 20-х годов, передают живую атмосферу внутрипартийных дискуссий, взаимоотношений вождей друг с другом, качественные особенности их характеров, так или иначе влияющих на политическую ситуацию в стране. С этой точки зрения литературные источники, относящиеся к данному периоду, имеют, хоть и ограниченное, но важное значение.

В более поздний период почти полностью закрываются архивы (архивное хозяйство передается в ведение НКВД), одни официальные материалы засекречиваются, другие подвергаются купированию и идеологической обработке; робкие попытки обнародования правдивых воспоминаний воспринимаются как антипартийная вылазка и враждебная деятельность. Историческая наука становится прерогативой Центрального Комитета партии большевиков. Только ЦК определял, о чем и как нужно говорить и писать, что полезно, а что вредно для партии и народа, как следует дозировать информацию, что можно, а что нельзя освещать в предназначенных к публикации материалах. Функционирование властных органов и объективные биографии возглавляющих их персон превращались в строжайшую тайну, занавес над которой начал несмело приподниматься только после XX съезда КПСС, а вполне открылся лишь в постперестроечный период. Во времена безраздельного господства КПСС разрешалось проводить исследования роли партии лишь в деле успешного руководства по повышению, увеличению или

улучшению чего-либо. Действующими лицами могли выступать только вожди либо безличные решения и постановления партийных инстанций, резолюции съездов, конференций, пленумов. Никаких критических замечаний о деятельности партийных органов, тем более Центрального Комитета или его Политбюро, либо находящегося у власти партийного функционера, со стороны рядовых членов партии (не говоря уж о беспартийных) не допускалось. Категорически нельзя было затрагивать политическую власть, приемы и методы осуществления господства правящей партии, отрицательные качества ее вождей и их окружения, выявлять допускаемые ошибки и указывать на них. Разрешалась только хвалебная оценка. Нарушение этих негласных положений для автора могло обернуться серьезными неприятностями.

Сведения об элитных персоналиях можно было почерпнуть из справочного материала, подготовленного и изданного в перестроечное и постперестроечное время. К ним мы относим биографические справки из БСЭ, маленькой энциклопедии "Великая Октябрьская социалистическая революция"[1]. Позднее, в 1989 году, был переиздан энциклопедический словарь братьев Гранат "Деятели СССР и революционного движения России"[2], факсимильно воспроизводящий биографии, подготовленные к 40 и 41 томам. Статьи словаря дополнены биографическими сведениями за период после 1929 года. Ценность находящейся там информации заключается не только в ее справочном характере. Статус исторического документа словарю придает автобиографичность и авторизованность подавляющего большинства статей.

В 20 – 30-е годы негативные последствия функционирования Советской власти начинают активно освещаться на Западе. Именно там впервые выходят в свет книги разочаровавшихся в российской революции и большевизме интеллигентов. Порвавшие с новой властью и эмигрировавшие Г.А. Соломон (Исецкий), Б.И. Николаевский, Н.В. Валентинов (Вольский)[3], принадлежавшие к числу видных деятелей российской социал-демократии, опубликовали во Франции серию статей с воспоминаниями, где выражали сожаление о своем "роковом" сотрудничестве с большевиками, войдя, хотя и ненадолго, в ряды советских партийных функционеров. Георгий Соломон прямо говорил о преследующей его императивной потребности "описать все, испытанное..., те порядки и идеи, которые царили и продолжают царить в советской системе, угнетающей все живое в России..."[4]. Человек, много видевший и лично знавший,

еще со времен подполья, В.И.Ленина, Л.Б.Красина, А.В.Луначарского, Г.Е.Зиновьева, Г.В.Чичерина, В.В.Воровского, А.М.Коллонтай, К.Радека и многих других, откровенно описывает нравы, царившие в большевистской элите первых лет советской власти. Однако дипломатическая работа, связанная с длительными отъездами из Москвы, не позволявшая иметь полную и достоверную информацию обо всех интригах и склоках, происходивших за кремлевскими стенами, стала причиной некоторых, вполне извинительных, ошибок в оценках взаимоотношений некоторых вождей (например, Сталина и Троцкого).

Б.И. Николаевский – большевик, затем меньшевик, член ЦК меньшевистской партии – тоже был лично хорошо знаком со многими большевистскими лидерами. Будучи еще и историком, он, начиная с 1917 года, собирал и хранил бесценнейшую коллекцию архивных материалов. В 1919 – 1921 годах Николаевский стоял во главе историко-революционного архива в Москве, выпустил ряд книг по истории революционного движения в России и на Западе. Обладая большим обаянием и способностью входить в контакт с людьми самых различных политических взглядов, от монархистов до коммунистов, он "заставлял" их относиться к себе с полным доверием. Как историк и публицист Николаевский опубликовал большое количество статей, в которых приводил некоторые весьма ценные факты из жизни революционной элиты.

Биография Валентинова во многом похожа на биографию Николаевского. Он тоже был сначала большевиком, затем меньшевиком. Редактировал несколько меньшевистских газет и журналов, работал в торговом представительстве СССР в Париже. В 1930 году со службы уволился и, оставшись на Западе, стал постоянно публиковаться в антисоветских изданиях. Всё существенное в его воспоминаниях нашло подтверждение в более поздних публикациях других авторов.

Начиная с 30-х годов поток чекистов-перебежчиков и дипломатов-невозвращенцев в связи с разгромом оппозиций и усилением репрессий против ее членов в Советском Союзе усилился. Почти все они, кроме тех, кто вскоре был уничтожен агентурой НКВД, писали и публиковали интереснейшие воспоминания. Чекисты и дипломаты, в силу специфики своей работы и особого доверия к ним со стороны вождей и руководящих партийных органов, были лучше информированы о кремлевской политической "кухне".

Офицер службы безопасности, резидент советской разведки в Турции Г.Агабеков, наблюдая процесс перерождения, точнее вы-

рождения большевистской элиты, раньше многих других понял систему и механизмы функционирования новой власти[5]. Он пришел к выводу, что некоторая часть большевиков, как правило, наиболее образованная, потеряла веру в то, что формируемое Сталиным правительство сможет осуществить их идеалы. Агабеков вряд ли был идейным противником советского строя, но в контексте других материалов, оценивающих тот же период нашей истории, его высказывания не выглядят такими уж невероятными и малодостоверными.

В. Кривицкий и А. Орлов, резиденты-нелегалы в странах Западной Европы, благодаря своему высокому служебному положению имели возможность наблюдать не только за партийной, но и за чекистской элитой, могли анализировать их взаимоотношения и взаимовлияние[6]. Почувствовав надвигающуюся опасность, они предпочли не возвращаться в СССР.

Григорий Беседовский слыл среди высокопоставленных чиновников партийного и государственного аппарата способным и перспективным дипломатом. Он приглашался на прием к Сталину, находился в постоянном контакте с руководителями Наркомата иностранных дел Чичериным, Литвиновым, Караханом и другими ответственными работниками. В его мемуарах мы находим очень меткие характеристики членам элитных групп, подробности их рабочих отношений (например, жестокую схватку Чичерина и Литвинова за пост наркома)[7].

Существенным дополнением к публикации Г. Беседовского является книга А. Бармина "Соколы Троцкого"[8]. Участник гражданской войны, один из первых краскомов с академическим образованием, выпестованный, как и многие другие выдвиженцы революции, Троцким, А. Бармин был ему всецело предан. В истории всякой революции нередки головокружительные карьеры. Но нечасты случаи, когда такая карьера делалась сразу в трех областях: военной, хозяйственной и дипломатической. Бармин принадлежал к поколению, выросшему на идеях диктатуры пролетариата, чуждого каким-либо иным идеям и доктринам, кроме большевистских. Это поколение выросло, не слыша "чужого" голоса, в глубокой уверенности, что только они одни владеют полной и окончательной истиной и что учиться у "противников" им попросту нечему. Чем проще и короче была большевистская доктрина, тем убедительнее она звучала для этих людей.

Необходимо подчеркнуть, что, кроме книг Беседовского и Бармина, иных, столь же откровенных воспоминаний о работе

НКИДа, одного из самых элитных и привилегированных учреждений периода 20 – начала 30-х годов практически не существует, ведь почти все участники событий погибли в мясорубке массовых репрессий. Тяжелейшим испытаниям подверглась их вера в коммунистические идеалы, когда неумолимая судьба превращала их из революционеров в чиновников-бюрократов, исполняющих чужую некомпетентную волю. Не будучи особо искушенными в марксистской доктрине, они предоставляли вождям заниматься "диалектикой", веря, что те честно сумеют решить все противоречия. Им казалось, что в атмосфере разрухи и отчаяния только Троцкий, "наиболее способный" член большевистского руководства, окажется именно тем вожаком, который сумеет вывести всех к светлому социалистическому будущему и "все наладить". Эти люди делали свои ставки на Троцкого.

В книгах Беседовского и Бармина, в отличие от некоторых других изданий русской эмиграции тех лет, не содержится ни сенсационных разоблачений, ни заведомо ложных обвинений. В них приводится большое количество правдивых эпизодов и тонких наблюдений, рисующих живые портреты наиболее видных людей той исторической эпохи.

Несколько отличаются воспоминания одного из работников аппарата ЦК партии, сотрудника секретариата Сталина Бориса Бажанова. Бажанов хорошо знал "настоящий механизм коммунистической власти", был лично знаком с некоторыми ее носителями. В своих записках он, по собственному утверждению, "всегда старался быть скрупулезно точным", описывал только то, что "видел или знал с безусловной точностью", но с позиций антикоммуниста, сформировавшихся, в основном, по личным мотивам[9].

Ценнейшим источником является литературное наследие, вышедшее из-под пера В.И.Ленина, Л.Д.Троцкого, Г.Е. Зиновьева, И.В.Сталина, Н.И.Бухарина, Л.Б.Красина, А.В.Луначарского и других (или записанное с их слов), несмотря на то, что все эти люди старательно маскировали истинные мотивы своих поступков и стремились скрыть их за густыми клубами идеологического тумана. Только в перестроечную эпоху стали появляться работы и документы, проливающие свет на некоторые стороны проблемы большевистской элиты[10].

Большой интерес представляют мемуары тех, кто выдвинулся в результате политических чисток и длительное время пребывал в элитной группе партии, в непосредственном сталинском окруже-

нии: Л.М.Кагановича, Н.С.Хрущева, А.И.Микояна, Д.Т.Шепилова и некоторых других функционеров ВКП(б)[11].

К интересующей нас мемуарной литературе можно с полным правом отнести воспоминания не только непосредственных и активных участников событий, самих элитных персон, но и людей, постоянно с ними общавшихся[12], а также членов их семей[13], которые щедро делятся дошедшими до них сведениями, "семейными тайнами", а иногда и "преданиями".

Длительное время монополия на историческую правду принадлежала партийному руководству страны, поэтому в течение многих десятилетий в нашей стране почти не появлялось объективных работ, посвященных деятельности таких политических органов руководства, как Центральный Комитет, Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК, Революционный Военный Совет Республики и др. В лучшем случае к печати в партийных изданиях допускались публикации, подготовленные ответственными работниками партийных аппаратов по заданию вышестоящих инстанций[14]. Первые настоящие исследования, относящиеся к разряду научных, проводятся лишь в начале 80-х годов. К такому рода работам следует отнести труды Л.А.Малейко, И.И.Пронина, Е.З.Разумова, А.И.Сажина[15].

Объективный портрет советской политической элиты позволяют нарисовать публикации, появившиеся в последнее десятилетие XX века. Изыскания, проведенные Д.В. Бодовским, О. Гаман, С.А. Кислицыным, О. Березкиной, Е.Г.Гимпельсон, К.Б. Литвак[16] и другими, показывают, что качественные характеристики большевистской элиты были достаточно низкими: они ни в чем не превосходили средних показателей населения Советского Союза, а нередко и уступали им.

В непродолжительный перестроечный период появилось значительное количество работ, изучающих членов элитных групп персонально. В первую очередь это касалось тех ее представителей, которые погибли под сталинским молохом: виднейших партийных, государственных и хозяйственных работников, военных, чекистов, ученых, писателей. Из их биографий можно извлечь важную информацию о порядках и нравах, царивших в руководстве РКП(б), принципах и способах отбора в элитные группы при Ленине и Сталине.

Сегодня, когда возможность работы с ранее засекреченными партийными документами стала реальностью, сложились условия для осмысления механизмов политической власти в СССР в 20 – 30-е годы и тех неофициальных отношений, которые существова-

ли внутри руководящего состава большевистской гвардии. Появляются сборники документов, справочная литература, проливающие свет на многие факты жизни и деятельности большевистских элитных субъектов[17]. В российской историографии пока немного работ, рассматривающих эти проблемы, а количество авторов, исследующих эти проблемы, еще меньше[18].

Самые глубокие и фундаментальные исторические исследования функционирования и трансформации руководящих органов партии, их роли в управлении государственными и правительственными учреждениями первыми провели не российские, а виднейшие ученые Запада. Среди них наиболее заметную роль сыграли Ричард Пайпс, Эдвард Карр, Александр Верт, Джирро Боффа, Михаил Геллер и Александр Некрич[19]. Безусловно, зарубежные авторы пользовались преимуществом относительно свободного доступа к источникам, закрытым для многих советских, а затем и российских исследователей. Однако, несмотря на заслуживающие внимания обобщения и выводы, почти все их работы грешат мелкими ошибками и неточностями.

Ценность трудов Р.Пайпса состоит в том, что его занимают не "безликие" идеи, а личности и группы, чьи действия и решения повлияли на судьбы десятков миллионов людей. Полагая свободу высшим человеческим благом, он утверждает, что она может быть достигнута лишь при условии уважения к государственным институтам и закону. Рассматривая российскую историю с либерально-консервативных позиций, Пайпс пытается вывести свои исследования за пределы борьбы за власть, которую считали квинтэссенцией русской революции некоторые другие историки Запада. Он приходит к выводу, что к моменту смерти Ленина все институты и все приемы будущего "сталинизма" были уже наработаны. Задача Сталина состояла в том, чтобы овладеть уже созданными рычагами власти и любыми способами утвердить свой авторитет вождя. Основным препятствием на пути к цели была "ленинская гвардия", которая не желала признавать за ним права на ленинское наследие.

Э. Карр издал скрупулезно и профессионально подготовленный добротный труд, отразив в нем взгляды, оценки, мнения поколения людей, которые были современниками Октября и послеоктябрьских событий. Многие из них верили в "значительность ленинских свершений и их влияния на будущее", считали Сталина "великим деятелем" и "великим исполнителем марксистского завещания". Карр писал "не хронику революционных событий, а историю по-

литического, социального и экономического устройства, которое возникло в результате этих событий". Несмотря на солидность четырнадцатитомного издания, по доперестроечным меркам он автоматически попадал в разряд фальсификаторов, и оценка его работы могла быть только негативной. Сегодня отзывы изменились: это честный, объективный ученый, придерживающийся либеральных принципов и стремящийся на базе огромного исторического материала создать адекватную картину отображаемой эпохи и, главное, ее действующих лиц.

Карр считал, что несмотря на серьезные искажения, внесенные Сталиным и его элитой в ход революционных преобразований, сталинская политика в основном явилась закономерным продолжением дела Октября. Тем не менее, его взгляды совпадают со взглядами американского историка Стивена Коэна, отрицавшего бытующее еще и сегодня утверждение, будто истребление ленинской элиты было по самой своей природе имплицитно присуще большевизму и находилось в русле ленинско-большевистской традиции. Мы полагаем, что трагические события 30-х годов объясняются совокупностью причин, коренящихся, во-первых, в тоталитарной, командно-административной системе власти, не допускающей возражений и дискуссий; во-вторых, в невозможности дальнейшего использования "ленинской гвардии" по причине ее некомпетентности; в-третьих, в стремлении "ленинской гвардии" сохранить свое элитное положение через устранение сталинской группы. Наложение перечисленных обстоятельств на личностные качества Сталина и дали тот негативный эффект, который выразился в понятии "культ личности".

Книга Э. Карра, использующая только опубликованные источники, служит укором тем историкам, которые сетуют (хотя и справедливо) на отсутствие возможности работать в архивах. Он с блеском продемонстрировал, сколь много может дать педантичное и скрупулезное изучение стенографических отчетов партийных съездов и конференций, съездов Советов, сессий ЦИКов, профсоюзов, молодежных, женских и других организаций, конгрессов Коминтерна, материалов периодических, справочных и энциклопедических изданий. Досконально изучив все опубликованные работы большевистских вождей, идеологов и других деятелей партии и Советского государства, английский историк со всей наглядностью продемонстрировал ценность уважительного отношения к опубликованным письменным источникам.

Американец Роберт Такер в книге "Сталин: путь к власти. История и личность"[20] исследует психологические процессы формирования диктатора и его элитного окружения, отвечает на вопрос, почему и как складывается деспотический режим. Такер разделяет вывод американского психолога К. Хорни о том, что у некоторых людей может происходить с детства отождествление себя реального с идеальным представлением о себе ("я" идеальным). Это можно рассматривать как защитный психологический механизм, позволяющий снять тревогу и напряжение, вызванные неблагоприятными жизненными обстоятельствами. В этом случае развивается привычка к восприятию самого себя таким, каким хотелось бы быть, т.е. героем или гением, а не таким, каким ты есть на самом деле. Из-за того, что такой человек, как бы он ни старался, не может полностью удовлетворить свои представления о себе как о безупречной, гениальной личности (например на революционном поприще), он неизбежно начинает ненавидеть то свое "я", что не соответствует его представлению об идеале. В результате человек внутренне раздваивается на любимую им идеальную и ненавистную в самом себе реальную личность. Но он подавляет в себе сознание этой враждебной ему личности и проецирует чувство ненависти на людей извне, напоминающих своим существованием о его неполноценности, – на внешних "врагов". Такой человек, стремясь чувствовать себя идеальным, неизбежно испытывает ненависть к разным людям и особенно к тем, которые не признают его геройства или гениальности. Многие представители большевистских вождей являлись примерами именно такого личностного типа. Официальный внешний культ личности Сталина на самом деле отражал не только его внутреннюю потребность, но и потребности других революционных лидеров, да и большинства партийной элиты, видевших в этом возможность для самореализации.

Такер утверждает, что советская элита в лице Ленина имела сильного, но не деспотического лидера, которого окружала целая плеяда прославленных революционных деятелей рангом пониже: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Луначарский, Радек и другие. В сравнении с ними Сталин не был столь известен вне высших партийных кругов, где многие считали его весьма посредственной личностью, которой не стоит опасаться. До революции Сталин был одним из заурядных "комитетчиков", работавших в подполье. Когда партия взяла власть, Сталин стал весьма заметной фигурой, хотя еще и не лидером самого верхнего эшелона. Но прошло немного

времени, и он – руководитель высшего ранга. Помимо деятельности в главных органах управления, где вырабатывались политические решения, Сталин в качестве Генерального секретаря ЦК приобрел в партии ключевую позицию, обеспечивающую ему огромное влияние на партийных функционеров среднего и низшего звена, которых он имел возможность продвигать на значимые посты. Ленин, осознав, что некоторые свойства характера Сталина – "грубость", "подозрительность", "нелояльность", присущие и другим вождям большевиков, – опасны, особенно, если они свойственны человеку в должности, от которой зависит назначение или отстранение высших чиновников государства, попытался его сместить. Люди, обладавшие аналогичными качественными характеристиками и делавшие ставку на Сталина (а таких было большинство), испугались за свою собственную судьбу. Они стали его опорой, помогая в проведении селекционной работы, и с помощью массовых чисток и террора, сами того не сознавая, создали систему личной диктатуры, при которой один человек стал принимать все важные решения. Остальные члены сталинской элиты, являясь по существу эпигонами, были готовы ради сохранения своих мест, а зачастую и жизни, послушно ему поддакивать.

Неверно было бы считать, что все западные историки – ярые антисоветчики, имеющие целью любыми путями опорочить советский строй, доказать его несостоятельность. Большинство из них были преданы науке в самом благородном смысле этого слова и стремились в силу своих интеллектуальных способностей и научных традиций понять исключительно сложный исторический период нашей истории.

Стивен Коэн в книге о Бухарине[21] характеризует его как яркого представителя ленинской элиты. Автор, описывая революционную гвардию, приходит к убеждению, что она была, ""как бы ни отрицали этого ее руководители ... не идеологическим или даже организационным монолитом, а лишь "федерацией договаривающихся между собой групп, группочек, фракций и течений". Такие "федерации" вообще характерны для всех политических партий и, скорее всего, для руководства всех крупных революций""[22].

В 90-е годы на русский язык было переведено и опубликовано еще несколько работ историков Запада, интересных доступной для них источниковой базой и привлеченным ранее неиспользуемым архивным материалом[23]. В изучении заявленных сюжетов видную роль играют американские историки. Они удачнее других раскры-

вают многие стороны функционирования большевистской элиты, освещают малоизученные и вообще неизученные страницы прошлого. Представители западно-европейской исторической науки также внесли существенный вклад в разработку темы. Кроме того, именно на Западе впервые появились исследования, ставящие в центр внимания анализ психологических мотиваций поведения представителей советской правящей элиты. Данный аспект, безусловно, имеет очень большое значение в современной науке. Ученые уже не хотят ограничиваться констатацией факта, события, явления, а стремятся объяснить их исходя из психологической характеристики носителей властных решений и действий. Самая заметная роль в этом принадлежит английскому автору Алану Буллоку[24]. В сравнительном жизнеописании двух тоталитарных вождей, Гитлера и Сталина, он исследует пути достижения этими персонажами власти, ее использования, проявления своенравия в отношениях с другими элитными и неэлитными людьми. Автор находит в таком сравнении немало общего, хотя оба вождя создали политические системы, которым суждено было сойтись в смертельной схватке.

Среди российских литераторов, обративших свой взор на данный аспект проблемы, следует, пожалуй, выделить работы В. Булдакова[25]. Он считал, что сложная психология большевистских вождей может быть рассмотрена только на основе анализа конфликта между их грандиозным самомнением, в основе которого лежало убеждение в своем исключительном предназначении, и той суровой действительностью, которая грозила все подорвать. Приводя те или иные сведения, формулируя свои, иногда весьма спорные взгляды и выводы, авторы стремились проникнуться чувствами и сознанием людей, осуществляющих строительство новой жизни. Сталин был и остался до конца человеком, который не последовал призыву Ленина: "Надо не видеть "интригу" или "противовес" в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей"[26].

Современная Россия предоставляет возможность и отечественным авторам работать над политическими биографиями членов элитных группировок большевистской партии. В ряду таких литераторов ведущее место принадлежит Дмитрию Волкогонову[27]. Его трилогия – "Ленин", "Троцкий", "Сталин", – удостоенная Государственной премии России, ввела в научный оборот немало документов из закрытых секретных архивов и даже из "Особой папки".

Волкогонову с позиций объективизма удалось свести воедино как позитивные, так и негативные компоненты деятельности революционных вождей и представителей различных оппозиционных группировок, приземлить тех, кто долгое время считался небожителем, над которым критика была не властна.

Другой не менее известный автор, Вадим Роговин[28], разделяющий позиции Троцкого, отвергает взгляды на причины террора как сталинистов, так и современных "демократов". Используя оппозиционные издания 20 – 30-х годов, он стремится разрушить широко растиражированный в недавнем прошлом стереотип о "монолитности" партии, о тождестве сталинской и большевистской элит. Обострение межэлитной борьбы, вызвавшей "великую чистку", по его мнению, было реакцией на рост оппозиционных настроений как внутри страны, так и в международном коммунистическом движении. В своих произведениях Роговин вскрывает причины и механизмы "великой чистки", рассматривает попытки противостоять большому террору внутри Центрального Комитета. Автор сожалеет об упущенных Л.Д.Троцким возможностях удержаться у власти и утверждает (весьма спорно), что его победа была бы единственным шансом успешной реализации коммунистических идеалов.

Окружению Сталина, его приближенным посвящает свои исследования один из виднейших российских историков – Рой Медведев[29]. В книге "Они окружали Сталина" излагаются шесть кратких биографий, шесть политических портретов людей, в разное время входивших в ближайшее окружение вождя: Молотова, Кагановича, Микояна, Ворошилова, Маленкова и Суслова. Это были члены сталинской элиты, отобранные лично Сталиным. Именно они, уступая по важнейшим показателям представителям ленинской гвардии, более всего отвечали представлениям Сталина о собственном ближайшем окружении. Их необходимость для установления тоталитарной диктатуры не вызывает сомнения. Они были нужны ему, он был нужен им, чтобы сохранить собственную долю влияния и власти.

Р. Медведев не без основания полагает, что никто из сталинской элиты не мог быть причислен к разряду выдающихся политических деятелей, хотя на подмостках исторической сцены им нередко доводилось играть весьма важные роли. Однако они оказались не способными быть ни режиссерами, ни авторами сценария. Молотов не был настоящим дипломатом, хотя и занимал долгие годы пост министра иностранных дел. Ворошилов не был настоящим

полководцем, хотя и был наркомом обороны, а в годы войны командовал фронтом и даже целым направлением, был представителем Ставки. Суслов (как и его предшественник Жданов) не были настоящими теоретиками или идеологами марксизма, хотя и занимали должности "главных идеологов" партии. Маленков был многоопытен в аппаратных интригах, но малопригоден к управлению делами государства. Каганович и Хрущев сменили множество самых высоких должностей, но так и не научились грамотно писать даже самые простые записки или письма. Несколько выше других по интеллекту можно поставить Микояна, но и он был лишь полуинтеллигентом, правда, лучше других знавший тот предел, выход за который означал для любого представителя сталинской элиты смерть. Такая трактовка сталинской элиты противоречит мнению о том, что к ней относились наиболее способные люди.

Р. Медведеву вторит Н.А. Зенькович, утверждающий, что ко всему прочему вождя окружала очень недружная команда, поскольку все они враждовали между собой. Сталин и не хотел иметь около себя дружной команды. Он ценил другое. Почти все члены его элиты не только сами были старательными и энергичными работниками, но и умели заставить работать своих подчиненных, используя главным образом метод запугивания и принуждения. Споры, доносы, оговоры, интриги и вражда в среде второй волны коммунистической элиты поощрялись Сталиным. Он настойчиво следовал принципу "разделяй и властвуй". Допуская некоторый "плюрализм" в своем окружении, он стремился извлечь из взаимной неприязни максимальную выгоду. В "ближний круг" попадали лишь те, кто был способен выполнить любой, даже преступный приказ вождя. Не способных или не желающих идти на преступные деяния не только изгоняли из элиты, но и физически уничтожали. Качественные характеристики субъектов советской элиты под влиянием новых требований трансформировались: революционная твердость уступала место жестокости и даже садизму; политическая гибкость превращалась в беспринципность; энтузиазм – в махровую демагогию[30].

Отбор в политическую элиту (это отмечали почти все авторы постперестроечной литературы) зависел не только от одной лишь прихоти или каприза вождя. Каждый, кто стремился в правящую элиту, старался преуспеть в представлении нужного "товара". Но это было особое соревнование, им надо было идти "вверх" по трупам других людей – и не только действительных врагов партии и революции, но и тех, кого они лживо представляли врагами.

Завеса тотальной секретности недавно приоткрылась и над ведомствами специальных служб ЧК – ГПУ – НКВД, выполнявшими роль карающего меча партии. Определенный интерес имеет работа Владимира Некрасова "Тринадцать "железных" наркомов. История НКВД – МВД от А.И.Рыкова до Н.А.Щелокова. 1917 – 1982 годы"[31]. Автор, сам генерал милиции, рассказывает о службе и быте людей, в разные годы возглавлявших "карающие органы", об их отношениях с лидерами партии и государства.

В этом плане внимания заслуживают книги Павла Судоплатова "Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля" и "Спецоперации"[32]. Дела разведки и контрразведки никогда не были в чести у руководящих кругов России. Однако при тоталитарном правлении они порой приобретали существенное, если не решающее, значение в действиях власти. "Мотивы преступных репрессий, – пишет Судоплатов, – в которых повинно руководство страны и органы безопасности, были связаны не только с личными амбициями Сталина и других "вождей", но и с той смертельной схваткой за власть, которая постоянно шла внутри их окружения"[33]. Эту борьбу правящая элита всегда умело прикрывала громкими лозунгами о "борьбе с уклонами", "борьбе с врагами народа". В итоге жертвами всех этих кампаний всегда оказывались миллионы ни в чем не повинных людей. Выводы Судоплатова расходятся с мифом о побудительных мотивах действий и так называемых "консерваторов", и так называемых "реформаторов" в бывшем кремлевском руководстве. Излагая свой субъективный взгляд очевидца, автор стремится показать, как работали механизмы, приводящие в действие политическую машину страны, как создавалось (ценой колоссальных жертв) могущественное государство, в известной мере определявшее развитие мировых событий в 30 – 90-е годы.

Представители партийной элиты того времени были одновременно схожи и различны. Одни из них могли выполнить любой самый несправедливый и бесчеловечный приказ, сознавая его жестокость и "не испытывая от этого удовольствия"[34] – по необходимости. Другие постепенно втягивались в преступления и превращались в садистов, получавших удовольствие от своих чудовищных оргий и издевательств над людьми[35]. Третьи превращались в фанатиков и догматиков, заставляя себя искренне поверить, что все то, что они делают, необходимо для партии, революции или даже для "счастливого будущего". Но каковы бы ни были типы, формы и мотивы поведения членов сталинской элиты, в любом случае речь мы ведем о тех, кем страна, партия, человечество вряд ли могут гордиться.

Судьбы элитных субъектов коммунистической партии представляют немалый интерес для историка, который не выбирает персонажей только из чувства симпатии или антипатии. К тому же из истории необходимо извлечь и определенные уроки, главный из которых состоит, конечно же, в том, что в стране должны быть, наконец, созданы такие демократические механизмы, при которых люди с качествами, подобными сталинским, никогда не смогли бы оказаться у власти.

Число публикаций об элите в Советском Союзе год от года увеличивается и уже достигло внушительных размеров, но пока еще, на наш взгляд, не удалось создать объемную и достаточно полную картину формирования, функционирования и трансформации большевистской партийной элиты от момента ее появления и до конца 30-х годов. Баланс оказался серьезно нарушенным в пользу проблем, подтверждающих явно марксистское видение исторической перспективы общественного развития. Защищаются диссертации, издаются книги и публикуются статьи, посвященные проблеме, однако особого внимания историков к научному анализу правящей элиты в целом мы пока не видим. И это не случайно. В основе советской историографической традиции, сформировавшейся за многие десятилетия, лежали (как тогда было принято считать) мировоззренческие социально-политические предпосылки выяснения роли рабочего класса и его партии в управлении советским государством. Анализ элитных групп партии, функциональных и трансформационных процессов из-за жестких рамок упомянутой официальной доктрины был не только затруднителен, но и невозможен. Остальные сюжеты обозначенной проблемы составляли лишь более или менее прописанный фон, выполнявший некую сервильную роль.

Интерес историков в советский период к проблемам политического руководства страны, к партийным "генералам" и "маршалам" был всегда, но возможности его реализации равнялись нулю. Исследования жизни и деятельности представителей элитных групп ограничивались позитивными биографическими описаниями (вряд ли можно относить к исследованиям официальные исторические опусы, в которых живых людей со сложной системой личных отношений заменяли безличными понятиями: партия, Политбюро, Оргбюро, Центральный Комитет, Секретариат). Все, чем на сегодняшний день располагает относительно этих организаций отечественная историография, выйдя из советской "шинели", сводится к от-

дельным упоминаниям организаций, в которых представители элитной группы занимали лидирующие позиции. В последнее десятилетие стали выходить издания (в основном публицистического характера), в какой-то мере восполняющие этот пробел[36]. В них акцент смещен в сторону идеализации репрессированных и критического уклона в отношении находящихся у власти.

Анализ элитологической литературы показывает, что зарубежная историография выглядит предпочтительнее и убедительнее. Это объясняется тем, что историки-марксисты не могли фиксировать свое внимание на изучении советской политической элиты. Проблему, главным образом, исследовали люди, далекие от марксизма, а нередко и враждебные ему. Видные представители различных западных научных школ кропотливо изыскивали достоверный исторический материал и изучали жизнедеятельность элиты большевистской партии, выявляя мотивы ее социально-политической активности, характер взаимоотношений с вождем, друг с другом, элиты и неэлиты.

3

ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ КОНТРЭЛИТЫ

Всякое политическое движение, а революционное в особенности, нуждается в соответствующих организационных структурах, способных готовить группы активистов и направлять их энергию на добывание властных полномочий. Марксистским теоретикам было ясно, что достигнуть власти без политической партии невозможно. Политическая партия, являясь "готовым оружием слабых в борьбе с сильными"[1], изначально замышлялась "как солидарная группа равных заинтересованных лиц"[2]. Однако создание партийной организации предполагает деление ее членов на руководящее меньшинство и руководимое большинство. Проведенный социологами Запада анализ процесса функционирования массовых партий показал, что в ходе своего развития они неизбежно превращаются в закрытые организации руководителей. Это происходит потому, что в каждом социальном отношении природа сама создает господство и зависимость. "Каждая партийная организация, – писал Михельс, – представляет собой мощную олигархию на демократических ногах. Повсюду есть избиратели и избираемые. Повсюду также есть власть избранных лидеров над избирающими массами. Олигархическая структура здания скрывает демократический фундамент"[3]. Декларирование в программных документах российской социал-демократии равенства всех членов партии вовсе не гарантировало устранения "олигархического вождизма"[4].

Анализ социального состава лидеров партий социалистического направления показал, что по своему происхождению они принадлежали к пролетариату, буржуазии или интеллигенции. Выходцев из других социальных слоев среди революционной элиты почти не было. "Пролетарию, – по словам Роберта Михельса, – нет необходимости развивать в себе качества социалиста, поскольку он, его рождение совпадают, по сути, с уже наличествующим строем мысли, даже с существованием партии"[5]. Вильфредо Парето счи-

тал, что "социализм – особенно удобное средство для производства новой элиты из среды рабочего класса"[6]. Представителей образованных слоев побуждает присоединиться к политическому движению рабочих либо наука, либо сильные, идущие от внутренней энергии чувства. В первом случае движущие мотивы идеалистичны в том смысле, что ради науки и ее результатов революционер способен пожертвовать всеми другими благами, повышая таким образом ощущение личной удовлетворенности. Во втором случае люди испытывают благородное отвращение ко всякой несправедливости, сострадают слабым и нищим, руководствуются общей потребностью творить добро, как они его понимают. Убеждаясь с помощью научных аргументов в осуществимости своих сокровенных желаний, они переходят на сторону социализма. Их выбор представляет собой синтез морализаторства и знаний[7].

В европейском революционном процессе вожди из среды рабочих плохо уживались с представителями буржуазии. Высказывались, и с большой страстью защищались, предложения "не допускать на руководящие посты в рабочем движении интеллигентов, а предоставлять их самим рабочим". Неверно истолкованный тезис I конгресса Интернационала о том, что освобождение рабочих может и должно быть делом только самих рабочих, приводил к следующему выводу: "вышедший из рядов самого пролетариата вождь близок последнему по своему образу мышления и чувствования"[8]. Ленин же считал, что противоречий здесь не существует, ибо под влиянием общих признаков членов партийной организации "*должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*"[9].

Вожди двух первых поколений российской социал-демократии почти целиком относились к образованным классам, а значительная их часть даже к дворянскому сословию[10].

Вступление на путь революционной деятельности будущего большевистского лидера – Ленина – произошло тогда, когда ее марксистское направление возглавлял патриарх российской социал-демократии Г.В.Плеханов. Именно Плеханов повел за собой первое поколение борцов за социализм. В его группе "Освобождение труда", по оценкам Троцкого, насчитывалось всего несколько десятков примерно равных по возрасту и интеллекту человек. Будучи моложе Плеханова почти на пятнадцать лет, Ленин становится, правда ненадолго, лидером второго поколения революционеров, появившихся на арене политической борьбы в начале 90-х годов XIX века.

Социал-демократы уже тогда насчитывались сотнями и тысячами. Третье поколение, в которое Ленин вошел признанным вождем, состояло из людей моложе его лет на десять[11]. Из них позднее и возникло партийное руководство большевиков, получившее в истории название "ленинской гвардии".

Публично никогда не признавая существования элитных групп в социалистическом движении, Ленин, тем не менее, совершенно в духе Парето и Моска утверждал, что "пролетариат должен, ради своей же собственной пользы, подчиняться избранному меньшинству, ибо ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им"[12]. По мнению Ленина, элита всякой массовой партии должна состоять из профессионалов, "решивших посвятить революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь"[13], фанатично преданных своим идеям, страстно желающих подтолкнуть, ускорить дело свержения одряхлевшего политического режима, претендующих на лидирующее положение во всем широкомасштабном преобразующем движении. Для решения этой главной задачи и были "нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и ... такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров"[14], "...способных руководить всей освободительной борьбой пролетариата"[15]. Представители партийного руководства должны уметь влиять на социально-политическую ситуацию и воздействовать на сознание масс.

В своих первых трудах, посвященных проблемам организационного строения партии, Ленин указывал на невозможность реализации демократических принципов функционирования революционной партии (гласности, выборности, контроля), но, в отличие от Михельса, считавшего, что с усилением организации демократия начинает исчезать объективно[16], по совершенно иным основаниям. Он полагал, что в условиях подполья и конспиративной деятельности партии в российском государстве они просто немыслимы. В странах Запада "все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, – и потому, естественно, такого деятеля могут со знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий... контроль за каждым шагом человека

партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии "выживанием наиболее приспособленных". "Естественный отбор" полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов "на своей полочке", берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на самом себе все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия!"[17]. Конспирация предполагала, что делом формирования революционной элиты мог заниматься только и исключительно вождь движения.

Крайне малое число лиц, годных к революционной работе, постоянно тревожило вождя общероссийской политической партии, ставящей своей основной задачей насильственное ниспровержение абсолютизма. "...Людей нет, – объяснял такое положение Ленин, – потому что нет руководителей, нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе"[18]. Именно Ленин берет на себя труд формирования элитных, т.е. наиболее полезных, для революции кадров. Он по праву отодвигает израсходовавших ресурс полезности плехановских "генералов" от руководства партией. Партийное строительство в этот период находило опору в несравненно более широком размахе рабочего движения, поднявшего новое, значительно более многочисленное поколение, чем то, из которого вышел сам Ленин. Организуя "Искру" в качестве главного печатного издания партии, он, по словам Троцкого, ставил ближайшей и важнейшей задачей "отобрать из состава местных работников людей более крупного масштаба и создать из них центральный аппарат, способный руководить революционной борьбой на арене всей страны"[19]. В 1901 году как о первой серьезной победе Ленин писал брату Ю.Мартова – С.Цедербауму: "После целого года отчаянных усилий удается только-только начать группировать ... штаб руководителей и организаторов в России (этот штаб еще страшно мал ... а для общерусского органа требуется не один десяток таких энергичных сотрудников)"[20].

Интересы политического лидера и революционной среды во многом совпадали. Ленин стремился сконцентрировать вокруг себя

наиболее молодую (это было дело людей от 18 до 30 лет)[21], активную и жесткую часть социал-демократической партии, особенно привечая тех, кто разделял его взгляд на то, что в борьбе против мощного механизма самодержавного полицейского государства можно преуспеть, только опираясь на централизованную, сплоченную подпольную организацию с твердой дисциплиной. Молодежь, в силу своего максималистского темперамента, на гребне революционной волны, буквально захлестнувшей Россию, стремилась не просто участвовать в борьбе, но, что особенно важно, руководить ею, возглавляя отряды революционных борцов, штурмующих "самодержавную твердыню". Возможность удовлетворения этого страстного желания она связывала с Лениным и большевистской фракцией РСДРП. Эта организация, по их мнению, должна была в будущей революции сыграть даже более важную роль, чем политическая программа[22].

Первое плехановское поколение "революционных генералов" относилось к социал-демократической молодежи высокомерно и покровительственно. Для встречи с Плехановым, например, надо было обязательно "испрашивать аудиенцию". Холодность встреч с лидером российской эмиграции отмечали многие. Член большевистской гвардии А.Трояновский после одной из таких встреч вспоминал: "Георгий Валентинович не говорил, а как бы вещал с высоты своего величия. Это был не разговор по душам ... а лекция"[23]. Собеседник, как правило, молодой человек из России, от таких встреч не получал необходимых положительных эмоций, а выходил со смешанным чувством досады и недоумения[24]. Ленин же, напротив, был лишен свойственных Плеханову менторских качеств, часто присущих людям вождистского масштаба. Он привлекал своей живостью, общительностью, динамичностью, бьющей буквально через край энергией. Ленин выделялся и другими свойствами своего таланта. Трояновский подчеркивал привлекательность ленинского ораторского искусства: "... это была не французская школа ... с ее округлыми фразами и несколько претенциозными, а иногда даже напыщенными выражениями. Нет, это было нечто гораздо более простое, но более логичное и мощное, пожалуй, даже властное"[25]. Личность Ленина, и это отмечали многие, знавшие его, обладала огромной притягательной силой, магическим влиянием неформального харизматического лидера. Впечатление от этих завораживающих ленинских качеств было таково, что оно не могло быть испорчено даже некоторыми негативными свойствами его характера:

"Ленин имел тенденцию увлекаться полемикой и в полемическом задоре часто допускал непарламентские выражения и удары "ниже пояса""[26]. Значительная часть революционной эмиграции считала это малосущественными деталями и довольно быстро поняла, что для революции Ленин важнее Плеханова, а следовательно, ориентироваться нужно только на него[27]. Плеханов тем сильнее терял почву под ногами, чем ближе была революционная волна. Он ощущал это сам, и это лежало в основе его раздраженного отношения к молодым бунтарям. Одновременно Ленин постепенно сосредотачивал в своих руках все нити центрального партийного органа и пристально наблюдал за деятельностью всех молодых кадров, прибывающих из России, выполняя роль своеобразного "селекционера". Секретарем редакции "Искры" была Н.К. Крупская. Она находилась в центре всей организационной работы: принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжающих, устанавливала связи, давала явки, писала письма, зашифровывала и расшифровывала[28]. Значение этой должности для "просеивания" всех прибывающих из России и выявления наиболее способных представителей революционной молодежи переоценить трудно. В поле зрения Ленина неизбежно попадали все сколько-нибудь заметные социал-демократы: с одними он встречается лично, с другими переписывается, о третьих упоминает в своих письмах, некоторых называет в статьях. С этой позиции список революционеров, названных в статьях и письмах Ленина в период первой русской революции, представляет исключительный интерес. В 1903 году мы насчитываем всего четыре – пять имен, которые встречаются чаще других, в 1904 – уже около сорока, в 1905 – около шестидесяти[29]. Затем число революционеров начинает уменьшаться в связи с их оттоком из движения из-за поражения первой русской революции. Новых имен почти нет, зато некоторые повторяются все чаще. Это означало, что окончательно сложился определенный круг кадровых центральных работников, которые продолжают держаться в нелегальной организации и после снижения революционной активности. Ленинские корреспонденты вместе с лицами, о которых шла речь в самих корреспонденциях, как раз и составляли костяк большевистской элиты. Переписка вождя – важнейший документ, в первую очередь используемый при изучении процесса ее формирования и отбора.

Уход Ленина из "Искры" и обострение отношений с российским ЦК, склонявшимся к "примирению" с меньшевиками, заставляли его активизировать работу по расширению пока еще крайне узкой большевистской группы. При встречах с людьми, только что прибывшими из России, Ленин буквально обрушивал на них град вопросов, стремясь поскорее выяснить, нельзя ли сделать их своими сторонниками. Один из таких ленинских собеседников вспоминал: "...он гонял меня, как на конских заводах гоняют на корде молодых лошадей"[30].

Главную добродетель своей "гвардии" Ленин видел в беспощадной критике, скорее направленной против "мнимых" друзей, чем против открытых и явных врагов: "Эта формулировка, – писал он о меньшевиках, – рассчитана не на то, чтобы убедить, а на то, чтобы разбить ряды, – не на то, чтобы поправить ошибку противника, а на то, чтобы уничтожить. Стереть с лица земли его организацию"[31].

Потресов утверждал, что с Лениным серьезно можно было говорить только о революционном движении, но в этой его ограниченности он усматривал источник силы. В отличие от других интеллигентов, получивших даже лучшее, чем у него, образование, Ленин не держал в голове лишних идей и фактов, которые могли в определенной ситуации сыграть роль тормоза и лишить его решимости действовать[32]. Он отметал противоречивые мнения как "чушь" и отказывался относиться к ним иначе, чем как к объекту насмешки. Труднообъяснимые факты он игнорировал или перетолковывал в соответствии со стоящей задачей. В ленинской элите могли удержаться только те, кто разделял самые худшие мысли, самые худшие подозрения о его противниках. При всех, зачастую самых незначительных, хотя и часто возникающих, теоретических расхождениях между фракциями большевиков и меньшевиков, принципиальным препятствием к воссоединению была всепоглощающая ленинская жажда к доминированию, которая делала возможным сотрудничество с ним не иначе как в качестве подчиненного. Личная борьба за лидерство практически всегда рядилась в идеологическую дискуссию, либо примешивалась к ней. Традиция идеологическая, как и традиция религиозная, полагала ортодоксальность наивысшей добродетелью, а любые отклонения от нее – отступничеством и предательством. Словосочетание "ортодоксальный марксист" применительно к большевику считалось высшей похвалой. Луначарский, опираясь на русскую традицию, еще в 1907 году доказывал, что ""научный социализм" – самая религиозная из всех религий и истинный социал-демократ – самый глубоко-религиоз-

ный человек"[33]. Выясняя идеологические приоритеты претендента в свою элитную группу, Ленин отвергал тех, кто хоть в чем-то с ним был не согласен. Если его собеседник был в чем-то не прав, он становился неправым во всем. Ленин никогда не признавал за оппонентом никаких достоинств. Требуя от своей гвардии полного единства взглядов, он в качестве аргумента приводил высказывание Плеханова: "Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук ... Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников: как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным"[34]. Инакомыслие, а тем более инакодействие, в большевистской среде пресекалось "невзирая на лица". Заподозрив, например, Аксельрода, одного из генералов от социал-демократии, в общении с либералами, Ленин пишет чрезвычайно резкое письмо Потресову: "Если П.Б. (Аксельрод) совершенно перестает быть genosse, – тем хуже для него. Это будет, конечно, громадной потерей для всех genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, "дружба – дружбой, а служба – службой" и от этого необходимость войны не исчезает"[35]. Вера Ивановна Засулич, по ее собственному рассказу, говорила Ленину: "Жорж (Плеханов) – борзая: потреплет, потреплет и бросит, а вы – бульдог: у вас мертвая хватка". Пересказывая этот разговор Троцкому, Засулич добавила: "Ему (Ленину) это очень понравилось – Мертвая хватка? – переспросил он с удовольствием"[36].

Наиболее существенным элитным качеством революционера-профессионала Ленин считал фанатизм. Значение фанатизма в революционной борьбе отмечал еще С.Г.Нечаев. В "Катехизисе революционера" – одном из самых знаменитых документов оппозиционных организаций конца XIX века – он писал: "Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией"[37]. Для избавления от членов революционной элиты, оказавшихся неугодными, совершенно в контексте "Катехизиса" Ленин требовал от "организации настоящих революционеров" не останавливаться "ни пред какими средствами" и карать "с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества..."[38]. Даже одной короткой встречи члена большевистской фракции с ленинскими противниками иногда бывало достаточно для полного разрыва отношений и окончательного выбытия из его элиты[39]. На вооружении всегда был "дьявольской план агитации" нигилиста Нечаева: полезных для революции и самого Ленина людей необходимо компрометировать, чтобы лишить их последних связей с противником и привлечь таким образом полностью на сторону "святого дела"[40], на свою сторону.

В ходе съездов, конференций, совещаний Ленин не забывал о необходимости ведения "селекционной" работы. В дневнике III съезда РСДРП он, в соответствии с искомыми элитными качествами, наметил три рубрики: "пропагандисты, агитаторы, организаторы" и, прислушиваясь к речам делегатов, сопоставляя услышанное с тем, что ему уже было известно, помещал свой "живой инвентарь" в одну из них. Характеристики были весьма точны: Р.С.Землячка, завоевавшая на сторону большевиков 15 местных комитетов[41], была отнесена к "высшему разряду" – организаторам, Д.С.Постоловский – к пропагандистам, М.Н.Лядов и П.А.Красиков – к агитаторам[42]. Причем Ленин обращал внимание не только на партийных "офицеров" (о них он уже имел достаточное представление), но и на молодых и способных "сержантов" большевистской гвардии для их дальнейшего использования и выдвижения в соответствии с выявленными талантами.

Кадровые вопросы интересовали Ленина никак не меньше вопросов теоретических. Он пишет и рассылает массу писем, в которых выражает несогласие с выдвижением одного, запрашивает сведения о другом, рекомендует третьего: "Назначение агентом (Смидовича) я решительно опротестовываю и убедительно прошу пересмотреть. Субъект самый путанный, который навредит жестоко, перебежит еще десять раз, осрамит нас своей глупостью и т.д. Пусть бы работал в комитете, но в агенты он никуда не годен. <...>. Насчет Станислава (Вольского) попросил бы сообщить мне, кто он такой, как и что. Со своей стороны, очень бы рекомендовал в агенты Лалаянца, проявившего в Одессе и в Южном бюро недюжинные организаторские способности. По отзыву всех поставившего прекрасно живую работу"[43]. Как мы видим, Ленина всерьез встревожило назначение Смидовича агентом "Искры". Его недовольство объяснялось тем обстоятельством, что агенты принадлежали к высшему слою революционной элиты, являлись "насадителями централизма, строителями объединенной партии"[44] и случайные или сомнительные люди туда проникать не должны.

Давая нелицеприятные характеристики известным ему партийцам, вождь умел разглядеть и выделить в них главные, наиболее полезные для данного момента истории качества: "Панкрат (Красиков) ленив и халатен, но он умен, толков, знает дела, умеет драться, ладить с ним можно"; "Панкрат один перешел на нелегальное, поехал, стал все знать – и само собой взял чин капрала"[45].

Высокая оценка вождем редко встречающихся организаторских способностей отмечалась и Надеждой Крупской. Не случайно она запомнила "роман" Ленина с Натансоном, "который поразил его своим организаторским талантом"[46]. Ленин и сам был хорошим организатором. Сохранилось немало прямых и косвенных свидетельств его организаторских дарований: "Они, – говорил он о меньшевиках, – до сих пор не хотят признать, что для правильного руководства партией, размещения ее работников по силе и качеству, нужно выйти из обывательских, кружковых соображений, будто при таком размещении можно кого-то обидеть. Дирижерская палочка в оркестре не принадлежит всякому, на нее претендующему или знающему ноты... Право на дирижерскую палочку дается тому, кто обладает особыми свойствами, из них дар организаторский на почетном месте. Каутский – первоклассный ученый, а все-таки дирижерская палочка в немецкой социал-демократии не в его руках, а больше всего у Бебеля. Плеханов – первоклассный ученый, но я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь мне указал, кого за последние 25 лет он организовал и способен ли он вообще что-либо и кого-либо организовать. О других – Аксельроде, Засулич, Старовере – смешно и говорить. Кто с ними имел дело – скажет: "Друзья, как ни садитесь, а в дирижеры не годитесь". Мартов? Прекрасный журналист, полезная фигура в редакции, но разве может он претендовать на дирижерскую палочку? Ведь это истерический интеллигент. Его все время надо держать под присмотром. Ну а кто еще? Тупой Дан или Ворошилов – Троцкий? А еще кто? Фомины и Поповы! Это курам на смех!"[47]. Из сказанных Лениным слов становилось абсолютно ясно, что палочка дирижера может находиться только в его руках. Знакомство с указаниями, даваемыми большевистским лидерам, помогает нам укрепиться в этой мысли: "Помните, – пишет он одному из своих помощников, – что стоит Вам провалиться, и мы на мели, пока Вы не приобрели нам десятка новых, молодых, верных друзей ..., которые умеют работать, умеют вести сношения, сумеют переписываться и без Вас" и далее: "Профессиональный революционер должен создавать в каждом месте десятки новых связей,

давать им при себе всю работу в руки, учить их и подтягивать не поучениями, а работой. Затем ехать в другое место и через месяц-два возвращаться проверять молодых заместителей"[48].

Член революционной элиты, по мнению вождя, должен был обладать и литературными способностями. "Во время революции, – писал Ленин, – руководить устными беседами, личным общением – архиутопия. Надо руководить публично. Надо все остальные виды работы подчинить этому виду, всецело и безусловно. Ответственный литератор ЦК должен прежде всего позаботиться о том, чтобы писать..."[49]. Долгое время рядом с Лениным не было ни одного сколько-нибудь крупного литератора, да и вообще людей пишущих[50]. Дабы привлечь таковых в большевистскую элиту, он готов был идти на серьезные компромиссы. Наиболее показательным случаем является компромисс с философом А.А.Богдановым. Богданов, объявивший себя большевиком, стал для Ленина сущей находкой. Дружба с Богдановым сулила поступление в большевистскую кассу денежных средств, установление тесных отношений с Горьким, сближение с бойким писателем и прекрасным оратором Луначарским (женатого на сестре Богданова), знакомство с молодыми промарксистски настроенными московскими профессорами. Прагматизм в сознании Ленина всегда превалировал. Он сразу понял, какой ущерб принесла бы его планам ссора с Богдановым, сдержал себя и согласился признать его философские взгляды "нейтральной областью"[51]. Разошлись они позднее, когда большой нужды у Ленина в Богданове уже не было.

Среди элитных качеств, ценимых вождем, были не только качества интеллектуального свойства. Приближающаяся революция требовала и других умений и способностей. Ленину были нужны те, кто умел драться не в фигуральном, не в политическом только смысле слова, а в прямом, самом простом, физическом смысле. Он хорошо понимал, что время, когда демонстранты собирались под красным знаменем, кричали "долой самодержавие" и разбегались, – прошло. "Это приготовительный класс, – говорил Ленин, – а нужно переходить в высший". Нужно начать массовыми ударами его физически разрушать, – физически бить по аппарату всей власти. Появилась нужда не в резонерстве, свойственном хлюпким интеллигентам, а в умении по-пролетарски давать в морду[52].

Прагматизм являлся весьма важным ленинским качеством, который в отношениях с соратниками, безусловно, преобладал. Ленин открыто говорил, что "партия не пансион для благородных де-

виц... Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец"[53]. Однажды выслушав рассказ Валентинова об аморальном поведении одного из известных большевиков, Ленин вспылил и резко ответил: "Б. – высокополезный, преданный революции и партии человек, на все остальное мне наплевать"[54]. Такая неразборчивая односторонность в отношениях с людьми приводила к серьезным ошибкам в оценке меры их полезности или вреда для революционного дела. Наиболее показательным в истории партии явился эпизод с Романом Малиновским. Рабочий по профессии и уголовник по призванию Малиновский еще перед вступлением в партию отбыл три тюремных срока за воровство и кражи со взломом. Влекомый, по его собственному признанию, политическим тщеславием, которое было невозможно удовлетворить из-за наличия судимостей, всегда нуждающийся в деньгах, он добровольно предложил свои услуги полицейскому управлению[55]. Ленин, на которого Малиновский произвел самое благоприятное впечатление, характеризовал его как "парня хорошего" и "выдающегося рабочего лидера"[56]. Он долго отказывался верить в его провокаторство и грозил суровыми карами Бухарину и Трояновскому, выражавшим Малиновскому публичное недоверие, но в мае 1917 года Ленину пришлось давать показания следственной комиссии Временного правительства по делу о провокаторстве депутата Государственной думы и лидера ее социал-демократической фракции. Малиновский, безусловно, принадлежал к большевистской элите, являясь членом Центрального Комитета партии. Вождь в период их знакомства обнаружил в нем следы чрезмерного самолюбия и властолюбия, которые в политической работе, безусловно, мешали. Первоначально, по признанию самого Ленина, он отнесся к подобным проявлениям вполне спокойно, так как знал, что среди рабочих находится немало таких, кто постоянно испытывает досадное чувство от того, что таящиеся в них задатки и силы не могут найти применения в обычной, повседневной жизни. Эти люди ищут и находят заменители утраченных возможностей, которые дают им новую сферу промысла, более содержательную жизнь, шансы подняться вверх по социальной и политической лестнице. Еще Михельс в своей работе "Социология политической партии в условиях демократии" подчеркивал эту психологическую особенность рабочих лидеров: "Обладая, – писал он, – престижными местами, которые являются почти всегда в то же время и хлебными, социал-демократическая партия, несомненно, играет для своих молодых

целеустремленных членов из рабочего сословия роль мощного стимула, начиная с первого дня их знакомства с партией"[57]. Для Ленина не являлось секретом, что "высокое звание" члена Государственной думы кружило голову и портило многих людей из рабочей среды. Малиновский стал заметно нервничать, когда по настоянию вождя в состав ЦК стали включать и других депутатов из социал-демократической фракции Думы. Это с очевидностью грозило подорвать его "всевластие" (будь он один, он держал бы в руках все нити партийной работы в России, ибо руководство РСДРП(б) вынуждено было жить за границей). Малиновский стремился быть постоянно на виду, он чаще других депутатов приезжал к Ленину в Краков, был для него источником информации и действовал в Думе, да и во всей России от его имени[58]. С другими депутатами, особенно когда они все вошли в ЦК и большевистскую элиту, у Малиновского частенько бывали трения и конфликты – все на почве его самолюбия и любви властвовать[59]. Но даже после разоблачения этого провокатора Ленин продолжал считать, что тот принес больше пользы, нежели нанес вреда партии, хотя он и выдал царской охранке нескольких профессиональных революционеров. Вождь не предполагал, что после прихода большевиков к власти качественный негатив членов правящей элиты, как ржа, начнет разъедать партию и приведет к плачевным последствиям.

В период перед первой русской революцией социал-демократическое движение не знало многого из того, что позднее стало бичом властвующей партии. Троцкий, идеализирующий партийную элиту, говорил о полном отсутствии карьеризма, рутины, условных формул, театральных жестов и готовых ораторских приемов. Он писал о периоде "неловкого пафоса революционной борьбы". Тогда в лексикон социалистически настроенной молодежи только входили свежие и еще не затертые слова "комитет", "партия", "вождь", от которых веяло романтикой. Идущий в партию молодой человек хорошо знал, что скоро его ожидает тюрьма и ссылка, а все честолюбие заключалось в том, "чтоб продержаться как можно дольше на работе до ареста; твердо держать себя перед лицом жандармов; облегчить, сколько возможно, положение товарищей; прочитать в тюрьме как можно больше книг; бежать как можно скорее из ссылки за границу; набраться там мудрости и вернуться на революционную работу"[60]. Старая революционерка Е. Левицкая утверждала: "Не припомню ни одного скверного, подлого поступка, обмана или лжи. Были трения, фракционные разногласия, но не больше. Все

как-то нравственно подтягивались, делались лучше и мягче в этой дружной семье"[61]. Упоминание о семье не является случайностью – в революцию и шли целыми семьями. Достаточно вспомнить совещание 22 большевиков в августе 1904 года, состоявшееся в окрестностях Женевы. В их числе были: Ленин, Крупская и младшая сестра Ленина – Мария Ильинична, Богданов и его жена, Луначарский и его жена, Бонч-Бруевич и его жена, Гусев и его жена, Лепешинский и его жена[62]. Поэтому позже, в 30-е годы, сталинский молох не пощадил и жен большевистских гвардейцев. Они почти всегда разделяли политические взгляды своих мужей.

Члены большевистской элитной группы не были лишены тщеславия, веры в себя, в свою исключительную предназначенность. Эти люди были твердо убеждены в предначертанности той исторической миссии, которой они посвятили свою жизнь. Луначарский в письмах с клокочущим восторгом признавался: "Произошло то, чего я хотел, о чем мечтал: я действительно популярный вождь пролетарских масс". В своих собственных глазах он "парил" в революционных высотах на одном уровне с Лениным и Троцким: "... ни одно имя, – с самодовольной уверенностью подчеркивал он, – кроме Троцкого и Ленина, не пользуется такой известностью и любовью. Но счастье, великое счастье быть передовым деятелем революции". В другом случае Луначарский еще выше поднимает планку собственного авторитета: "Пролетарско-солдатская аудитория признает и по-настоящему любит рядом с Троцким только меня"[63]. Такие настроения в революционной элите вообще, а в большевистской особенно, не относились к числу редких, ведь вожди партии уже по определению не могли не стремиться к доминированию, к лидирующим позициям. Этому способствовала теория и практика построения властной и централизованной партии, держащей в своих руках все нити движения.

Ортодоксальность Ленина и его соратников усиливала раскол с меньшевиками, обостряла их отношения до антагонизма. Аксельрод писал в "Искре" об опасности превращения социал-демократической партии на путях большевизма в якобинскую заговорщического типа организацию[64]. Мартов, поддержав Аксельрода, прямо заявил, что "между *социал-демократизмом* и *якобинством* не может быть ничего общего"[65]. Дискуссия разгорелась тогда, когда сторонники Ленина на II съезде демонстративно подчеркнули, что в их понимании демократические принципы совсем не являются абсолютной ценностью и должны быть подчинены "выгодам на

шей партии"[66]. Большевики полагали, что "*отрицание якобинских мер борьбы* самым прямым логическим путем *приводит к отрицанию диктатуры пролетариата*, т.е. того насилия, которое необходимо обязательно, без которого нельзя обойтись, чтобы сломать, уничтожить врагов пролетариата и обеспечить победу социалистической революции"[67]. Ленин был твердо убежден, что настоящий революционный социал-демократ должен непременно быть якобинцем. "Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*"[68]. Диалектический вывод, сделанный многими членами партии, звучал так: "якобинство предрасполагает к большевизму, а большевизм предрасполагает к якобинству". Разъясняя различие между старой и новой "Искрой", Ленин говорил: "В старой "Искре" было два якобинца – Плеханов и я. Был еще Мартов, но только на "припряжку". Старая "Искра" по духу, по всему направлению была якобинской, а новая "Искра" сознательно, в поте лица своего вытравляет, изгоняет у себя всякие следы якобинства. Мартов из "припряжки" убежал, он нашел теперь свою настоящую полочку – вместе с Аксельродом, Засулич и Старовером воюет с якобинством. Бедный Плеханов... в качестве военнопленного"[69].

Развивая логику этих ленинских мыслей и обосновывая необходимость строгой централизации, Уфимский, Средне-Уральский и Пермский партийные комитеты приняли Заявление, где говорилось, что пролетарское движение во всем мире должно возглавляться "*диктаторами*". Марксистская формула "диктатура пролетариата" подменялась в этом документе "диктатурой диктаторов". Изобретатели этого тезиса считали, что важнейшая организационная задача пролетарских партий – выращивать, как в инкубаторе, диктаторов и будущих вождей революции. Именно из них должна состоять элита РСДРП(б). Пролетариату "необходимо подготовлять и подготовляться к получению сильной, властной организации. Без сильной, властной, централизованной организации он не сможет управлять, не сможет использовать в своих целях власть, которая – уже не долго ждать этого – попадет в его распоряжение"[70]. Ленин, оценивая документ, заявил, что впадать от него в истерику нечего, пишутся вещи и более глупые[71]. Однако спустя 15 лет, став у власти, он признал, что "... волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим", что "советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит" и часто необходимо признание

“диктаторских полномочий одного лица с точки зрения проведения советской идеи”[72]. В контексте приведенных свидетельств яснее становится желание большевистской элиты продемонстрировать свою твердость, неколебимость. Псевдонимы “Сталин”, “Каменев”, “Молотов” – в большевистской среде становятся весьма модными.

Большевистская партия в исторической литературе представлялась оплотом наиболее стойких и решительных людей. Односторонность подобного взгляда очевидна. Названные качества, безусловно, предрасполагают к принятию методов большевизма; однако сами по себе эти черты не носят решающего значения. Эти качества встречались и у меньшевиков, и у эсеров. С другой стороны, мягкие люди встречались и у большевиков. “Большевизм, – писал Троцкий, – вовсе не исчерпывается только психологией и характером; он представляет прежде всего историческую философию и политическую концепцию”[73]. Рабочие, например, вступали на путь большевизма в силу социального происхождения и положения, вне зависимости от особенностей своего характера и темперамента. Примыкающие к движению интеллигенты обладали “незаурядным политическим чутьем и политическим воображением”[74], верой в миссию рабочего класса. Однако значительное количество интеллигентов, вошедших в большевистскую элиту до 1905 года, покинули ее в годы революционной депрессии.

Потребность в элитных кадрах у большевиков была столь велика, а их дефицит столь значителен, что Ленин открывал двери даже представителям иных фракций, групп и партий. Но практическое осуществление предоставляемых возможностей требовало выполнения некоторых условий: претендент обязан был, во-первых, открыто (с опубликованием в газете “Искра”) заявить себя сторонником большевистских теоретических и организационных взглядов; во-вторых, отказаться от прежних взглядов, объявив их ошибочными и вредными; в-третьих, вести решительную борьбу за утверждение лидирующего положения большевизма в революционном движении[75].

Политическое и идейное развитие претендентов в революционную элиту происходило крайне неравномерно, а у некоторых оно имело даже замедленный характер. Черты “вундеркиндов” были свойственны далеко не всем из них. Троцкий пишет: “Зиновьев вошел в Центральный Комитет 26-ти лет, Рыков на два года раньше, когда ему не было еще и 24-х, Сталину было 33 года, когда его впервые кооптировали в руководящее учреждение партии”[76]. Самому Троцкому, благодаря его литературным способностям, в 23 года предлагалось войти в редакцию “Искры”, т.е. занять видное положение в РСДРП. Различные наборы качеств членов большевистской элиты обуславливали, в определенной мере, и их отношение друг к другу. Зиновьев, например, относился к Сталину осторожно покровительственно, Каменев – с легкой иронией. Бухарин считал Сталина человеком с характером, и говорил, что такие люди нужны, а если они невежественны и малокультурны, то им следует помочь[77]. Пройдет не так много времени и страдающие “комплексом неполноценности” неэлитные руководители припомнят своим более образованным и способным “друзьям-соратникам” все унижения и непочтительное отношение к собственной персоне.

Формируемая Лениным элита большевиков рассматривалась им как средство достижения лидирующих позиций в социал-демократии и орудие завоевания власти. Перед II съездом партии в письмах Кржижановскому и Ленгнику, двум своим наиболее доверенным и близким товарищам, он писал: “Теперь наша *главная* задача – подготовить ... чтобы *вполне* свои люди проникли в возможно большее число комитетов ... <...> ... иначе нас неизбежно оттеснят”[78] и “ваша задача теперь создать *из себя* комитет по подготовке съезда, принять в этот комитет бундовца (оценив оного *со всех сторон* – это NB), просунуть своих людей в наибольшее число комитетов, сохраняя себя и своих паче зеницы ока до съезда. Это все архиважно! ... будьте в этом смелей, наглей и изобретательней, а в остальном – потише и поосторожнее”[79]. Но особенно показательно одно из предсъездовских инструктивных посланий И.И.Радченко: “Сейчас дали бундовцу явку к Вам. Это по делу съезда. Вы с ним (+ бюро или еще кто) должны образовать русский комитет для подготовки съезда. Держитесь ***внушительнее*** и *с осторожностью*. Возьмите на себя побольше районов, в коих Вы беретесь подготовить съезд, сошлитесь на бюро (назвав иначе), одним словом, сделайте так, чтобы все дело было *вполне в Ваших руках*, Бунд же пускай Бундом пока и ограничится. <...> ... пока – *наметьте* состав “русского комитета по подготовке съезда” наиболее выгодный для нас (может быть, удобно будет сказать, что Вы уже образовали этот комитет и очень рады *участию* Бунда или тому подобное). Возьмите на себя, *непременно*, секретарство в этом комитете. Это – первые шаги. А там увидим”[80].

Стремление к насаждению организационного централизма волей-неволей заставляло поощрять развитие "аппаратных навыков". Постепенно, но неуклонно, начал складываться тип молодого бюрократа, которого называли "комитетчиком". Эти люди предъявляли к революционным рабочим более строгие требования, чем к самим себе, предпочитая командовать и в тех случаях, когда нужно было внимательно прислушаться к членам своей организации. Крупская отмечала, что в большевистских комитетах почти не было рабочих. Господствовали интеллигенты. "Комитетчик, – пишет Крупская, – был обычно человеком довольно самоуверенным, он видел, какое громадное влияние на массы имеет работа комитета... как правило, никакого внутреннего демократизма он не признавал, ... всегда внутренне презирал ... "заграницу", которая с жиру бесится и склоки устраивает. Вместе с тем он не хотел новшеств. Приспособляться к быстро меняющимся условиям "комитетчик" не хотел и не умел"[81]. Слова Либкнехта "Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа"[82] для них были пустым звуком. У комитетского работника из бывших рабочих, в свою очередь, развивалась страсть к господству. Стряхнув с себя цепи, возложенные на него капиталом, этот человек менее всего расположен был взваливать на себя новые зависимости. Будучи поборником свободы, он желает независимости от всего. Замечено, что рабочие вожди, порожденные пролетарской средой, проявляют особое упрямство и несговорчивость, вытекающие из их характера выскочки. Они серьезно опасаются, что положение, занятое ими, принадлежит им временно, не по праву, и могут появиться более достойные люди. Однако в их душе властно и ревностно гнездится страсть к сохранению своего новоявленного авторитета. В любой критике такой рабочий вождь усматривает принижение, сознательное, злонамеренное напоминание о собственных недостатках. Интеллект у этих представителей революционной элитной группы всегда был ниже их воли, а воля без интеллекта может вести лишь к разрушению, но не к созиданию. В сложных ситуациях они предпочитали молчать, выжидать, прятаться за чью-то спину и принимать сторону наиболее влиятельного в партии вождя. Отсюда следует, что партийный чиновник (и из интеллигентов, и из рабочих), имеющий вышеупомянутые характеристики, далеко не всегда поддерживал верховного вождя и в любой момент мог принять сторону его оппонента. Для элиты централизованной партии такое положение было неприемлемым. Ленину просто необходимо было добиться от своих сторонников беспрекословной поддержки при голосовании по важнейшим вопросам партийной жизни. Крупская в своих воспоминаниях, описывая положение, сложившееся в редакции "Искры", подметила одну, крайне важную особенность: "Засулич и Аксельрод всегда голосовали с Плехановым, даже тогда когда не бывали с ним согласны"[83]. Годы, проведенные группой Плеханова вдали от родины, сплотили их настолько, что превратили как бы в одно целое. Такого идеального состояния централистской организации Ленину добиться, несмотря на его страстное желание и громадный авторитет, не удавалось. Решить проблему ценой жесточайшего принуждения смог только "верный ученик и продолжатель великого дела" И.В.Сталин.

Увеличиваясь количественно, закаляясь качественно, большевистская централизованная партия шла навстречу революционному 1917 году. Ее элитная группа настойчиво проникала в новые, возникающие по велению времени организационные структуры, выходила из подполья и стремилась занять исходные рубежи для штурма властных высот.

Накануне социалистической революции вождь убеждал своих сторонников, что социал-демократическая партия вполне может и должна взять власть в свои руки и удержать ее. "Если, – писал он, – 130 тысяч помещиков управляли Россией посредством насилия, то 240 тысяч членов партии большевиков, конечно же, смогут управлять в интересах бедных, особенно если большевики предпримут меры к расширению социальной базы своей власти..."[84]. "Арифметическое" осмысление Лениным проблемы управления государством свидетельствует о непродуманности им этого вопроса и об одностороннем к нему подходе. Если в период подготовки революции у вождя было ясное представление о революционной элите и необходимых для ее эффективного функционирования качественных характеристиках, то из приведенного высказывания с очевидностью вытекает: он не знал, каким должен быть "правящий класс" социалистического общества и как он должен осуществлять свои функции. Понимание насущных потребностей, наличия особого ряда свойств, изначально считающихся элитными: образования, специальных знаний, опыта и управленческих навыков, – пришло позднее.

4

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

В истории большевистской элиты 1917 год имеет весьма существенное значение. "Принципиально важно отметить, – пишет О.Гаман, – что именно неэффективность дворянской и буржуазной элиты, энтропия ее политической воли стали причиной крушения Российской империи"[1]. Исследователи Запада, опираясь на свидетельства российских эмигрантов, пришли к выводу, что менее всего революцию следует считать заговором группы "злоумышленников", группы профессиональных революционеров. Революция, прежде всего, – саморазложение императорской России, гибель старой России и в муках рожденная Россия новая. Большевизм победил не силой исключительных качеств своей элиты, а бессилием элиты прежней. Октябрь был не торжеством восстания, а пределом разложения русской государственности. Распад России совершился бы без большевиков, хотя они сделали все, чтобы его ускорить[2]. Разрушение веками существовавших рамок политического общества нарушило иерархию классов и групп. Их внутренние отношения уничтожались, традиционные социальные узы рвались. Вопрос об осмыслении новых реальностей и определении новых социально-политических, экономических и духовных рамок приобрел для общества необыкновенную актуальность. Наступление "эпохи демократии" и воцарение численного большинства, претендующего на власть в государстве, еще более усложняло проблему. Было не ясно, как эти люди, старые и молодые, образованные и невежественные, члены различных политических партий и беспартийные, случайно соединившись и объявив себя распорядителями своей собственной политической судьбы, будут выполнять новую функцию "суверена"? Большевистское руководство под воздействием "многих иллюзий" сочло, что вопрос может быть решен через передачу власти в его руки. Охлократическая самоуверенность и спесь, соединив-

шись с тупым самодовольством полуученых, убеждала всех, что власть по праву должна осуществляться элитой самой революционной партии с популярными вождями на ее вершине. Следовательно, главными задачами революционных радикалов было: повышение собственного авторитета, усиление его влияния; объявление о несостоятельности претензий на власть каких бы то ни было иных лидеров, кроме большевистских; констатация "народного права" в качестве единственной инстанции, определяющей и устанавливающей линию собственного поведения.

Возвращение революционного руководства из эмиграции породило серьезную проблему во внутриэлитных отношениях. Часть большевистских вождей, почти постоянно работавших на партийных должностях в России, начала проявлять беспокойство. Они рассуждали примерно так: "Приезжие из-за границы десятилетиями сидели в европейских библиотеках, приобрели знания, отточили полемические навыки в спорах и дискуссиях при читке рефератов, в выступлениях на заграничных съездах и конференциях, приобрели авторитет написанием статей, брошюр, книг. Вернувшись в Россию, эти люди сразу стали во главе движения, находясь в ореоле революционной славы ... А мы здесь в России пребывали на нелегальном положении под постоянной угрозой ареста, сидели в тюрьмах, находились в ссылках. И за все за это вторые, а то и третьи роли при новой власти. Разве это справедливо?"[3]. Прием в партию "межрайонцев" только усилил эти настроения. Недовольство домостроевских большевиков подвигало партийную элиту к расколу, закладывало мину замедленного действия под ее единство.

Наиболее серьезное обострение ситуации с элитными кадрами внутри большевистской партии произошло осенью 1917 года. Опасаясь, что вооруженное восстание потерпит поражение и в этом случае разгром большевиков будет неизбежен, Зиновьев и Каменев, поддержанные некоторыми старыми партийцами, "у которых была смута в душе", стали говорить о пагубности ленинского радикализма и необходимости перехода в оппозицию[4]. Торжество октябрьского переворота заставило изменников признать свои прежние ошибки, что, разумеется, не страховало их от ошибок новых.

Трансформация руководства революционной партии из контрэлиты в элиту правящую стала набирать силу. Источниками ее рекрутирования, как это ни странно выглядит, являлись уже ни столько кадры Центрального Комитета партии, в которых сосредотачивались, казалось бы, наиболее проверенные и полезные члены боль-

шевистской элиты, сколько иные партийные комитеты: Петербургский, Московский, Уральский и др. Исторический факт, что в составе первого правительства членов ЦК РСДРП(б) было меньше четверти (7 из 29) и, вероятно, не все были достаточно ответственны, не все пользовались доверием вождя и просто не все подходили для этой роли. Ленин хорошо помнил и апрельскую конференцию, и сентябрьское заседание ЦК, когда позиция вождя не находила понимания соратников. Некоторые члены большевистской элитной группы, в частности близко стоящие к Ленину Зиновьев и Каменев, из-за взглядов на вооруженное восстание, расходившихся со взглядами Ленина, мест в правительстве не получили. Гнев вождя на недавних товарищей был столь велик, а их обида столь значительна, что вспыхнувший вскоре скандал с Викжелем по вопросу о формировании "однородного социалистического правительства" обострил отношения, лишил Каменева поста председателя ВЦИКа, а Центральный Комитет сначала направил его рядовым членом советской делегации на переговоры с немцами, а затем командировал с пропагандистской миссией в Европу. Самостоятельность мнения, рассматриваемая Лениным как предательство, отодвинуло, правда, ненадолго, от властных рычагов неразлучный большевистский тандем.

Выдворение Каменева с поста Председателя ВЦИКа не означало его окончательного и бесповоротного разрыва с большевистской элитой, но значительная часть влияния в партии была им потеряна. Однако роль рядового члена делегации при куда менее известном и влиятельном, не обладавшем талантами дипломата ее главе А.А.Иоффе была для Каменева унизительной. Бывший член той же делегации М.Н.Покровский записал в своем дневнике, что раз все шло к тому, чтобы "тянуть" переговоры, а при удобном случае и "разорвать" их, то собственно деловая сторона не могла интересовать большевиков. "Мир считали лежащим в кармане. Чтобы поднять вещь, валяющуюся на полу, нет нужды в больших талантах. В то же время человек более или менее крупный, талантливый, при наклонности к интриге (а кто же из партийных лидеров к ней не склонен, более или менее?) легко мог себе приписать честь находки и использовать свое участие в переговорах для конкуренции с "вождями". Все это побуждало, – писал Покровский, – отправить в Брест людей, которые конкурентами Ленина и Троцкого ни в коем случае выступить не могли бы"[5]. Но стоило вопросу о заключении мира превратиться в самый острый политический вопрос, вокруг

которого развернулась ожесточенная внутриполитическая борьба, как персональный состав делегации сразу же изменился. К тому же по вопросу о заключении мира Каменев стоял на противоположных ленинским позициях. Выступая на III Всероссийском съезде Советов, он заявил, что только успешные социалистические революции на Западе могут спасти революцию в России, и не считал допустимым подписание мирного договора с Германией и ее союзниками[6]. Иметь в столь сложный момент рядом с собой еще одного противника, к тому же честолюбивого и совсем не радикального большевика, склонного к поискам компромиссных решений в сфере внутренней политики, Ленин явно опасался. Именно поэтому, когда в большевистском правительстве возникла идея послать своих миссионеров по странам Западной Европы, кандидатура Каменева была предложена одной из первых. Так большевистские вожди решали проблему "просеивания" членов большевистской элиты сквозь тоталитарное сито.

Устранение от власти буржуазной элиты и революционный порыв масс требовали оперативного и компетентного руководства, которое почти полностью отсутствовало. Большевикам не трудно было воспроизвести старую государственную организацию, гораздо труднее было подобрать во властные структуры людей, по достоинствам не уступающих (по крайней мере) тем, которые ими руководили раньше. "Нужны люди, – подчеркивал Ленин, – которые знают свое дело. Нам, большевикам, в этой практической работе применять свои познания приходилось очень редко. У нас очень редок недостаток в агитаторах, но самый вопиющий недостаток – недостаток в практических руководителях, в организаторах"[7]. В список членов кабинета первого советского правительства Ленин внес фамилии наиболее значимых, авторитетных, лично знакомых и устраивающих именно его лиц: Троцкого Ленин желал заполучить в состав соратников с 1902 года[8]; Ногин пользовался его симпатиями еще раньше – с 1901 года[9]; Глебов-Авилов сыграл очень активную роль в деле подготовки VI партийного съезда[10]; другие одиннадцать деятелей партии тоже были хорошо известны вождю. Луначарский в воспоминаниях делился впечатлениями от выбора руководителей обновленной России: "Мне казалось, – писал он, – что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне неподготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо

отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: – Пока – там посмотрим – нужны *ответственные* (курсив мой. – Н.С.) люди на все посты; если окажутся негодными – сумеем переменить"[11].

Использовать интеллектуальный и организаторский потенциал меньшевиков и эсеров, идти с ними на сотрудничество большевистские лидеры, памятуя о годах склок, интриг и вражды, упорно не желали: "Не для того бралась власть, – писала Н. Крупская, – устраивалась революция, чтобы впрячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места"[12]. Вождю, для укрепления завоеванных позиций и начала реализации марксистской социальной утопии, нужна была полная, неограниченная, безраздельная власть. Приведя к победе свою партию, готовую шаг за шагом следовать за ним, Ленин не сумел научить ее ничему, кроме битв, нападений на врага по первому знаку, внушив ей лишь общее сознание, что она борется и всегда будет бороться за славное дело социализма с теми, кто является или может в будущем стать ее врагом. Для революционных действий этого было вполне достаточно[13], но недостаточно для управления страной. Потребность в особом аппарате управления с необходимостью вырастала из очередных задач советской власти. "... Поколение работников, – говорил Ленин в 1920 году, – воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта... и ... удержать власть в своих руках...", а строить, созидать социализм сможет только поколение, вступившее в работу при новых условиях[14]. Созидателей необходимо было еще вырастить, подготовить. Осознать этот факт удалось только через три года исканий, удачных и неудачных экспериментов.

Руководя деятельностью СНК, Ленин одновременно налаживал и работу его аппарата. Будучи аккуратным, систематичным и даже педантичным человеком, он требовал того же и от своего окружения. Первые месяцы работы были посвящены неутомимой борьбе с неряшливостью и распущенностью, свойственными тогдашнему аппарату управления. Он вынужден был учить элементарному: вести протоколы заседаний, составлять повестки дня, производить записи в журналах и т.д. и т.д. Заседания Совнаркома, ставшие с середины ноября ежедневными, начинались в точно определенные часы, и глава правительства сам следил за дисциплиной наркомов. Уже через месяц СНК по настоянию Ленина был вынужден принять решение об установлении штрафа за опоздания на заседание: при опоздании на полчаса – 5 рублей, более получаса – 10 рублей. Время прихода на заседания членов правительства и других лиц точно фиксировалось секретарем и докладывалось лично Ленину. Все об этом знали, но положительного результата получить не удалось. Созданная по заданию Ленина в декабре 1917 года комиссия, возглавляемая В.А. Аванесовым, призванная наконец-то навести в аппарате СНК порядок, не нашла лучшего решения, как внести предложение об ужесточении требований: отстранять от работы и запрещать занимать ответственные должности лицам, опаздывающим на заседания без уважительных причин свыше трех раз подряд[15]. Строгости распространялись на всех членов властвующей элиты, независимо от занимаемого положения. Одним, за их инициативу, Ленин угрожал расстрелом[16]; невыполнение требований другими было чревато отправкой на Лубянку к Дзержинскому[17]; третьих он сулил посадить в тюрьму. Председателю Архангельского губисполкома, назвавшего одно из распоряжений центральной Советской власти "нелепым", Ленин послал телеграмму такого содержания: "Я объявляю Вам официально выговор за это и заявляю, что если Вы не возьмете обратно столь недопустимого выражения, то я подниму вопрос о предании Вас суду, ибо если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя"[18]. Драконовские методы касались всех членов элиты, совершавших систематические и серьезные проступки. Руководство партии ставило их в положение персон non grate. Традиция выдворять нежелательных партийцев из столичных городов закладывалась именно тогда. Сохранились свидетельства очевидцев, что анархия в политических структурах Советской власти, свойственная всему аппарату, особенно сильна была на Украине[19]. Председатель Всеукраинской ЧК Лацис жаловался Ленину: "На Украине собрались те из сотрудников, которых мы выбросили в Москве как малоспособных и малонадежных"[20], но, убрав этих людей из аппарата Центра, устранить их из элиты региональной было невозможно, хотя Москва и предпринимала весьма жесткие меры. "Мы, – писал Ленин, – разогнали и раскассировали целую украинскую конференцию" за то, что там "скрылись и спрятались все элементы дезорганизаторские, элементы мещанства и атаманщины, которые на Украине очень сильны"[21].

Властные полномочия осуществляли вчерашние эмигранты, подпольщики, нелегалы, политкаторжане. Именно они составляли правящую элиту, становились наркомами, особыми уполномочен-

ными, чрезвычайными комиссарами. Один из народных комиссаров, Ломов-Оппоков, вспоминал: "Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших, высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии, Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России, с подробным описанием режима, который в них существует. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством..."[22]. Жалоб и обвинений в том, что опыта по управлению государством у партии нет, "а власть в свои руки захватили!"[23], от растерявшихся друзей и непримиримых врагов было предостаточно. Сам глава правительства, услышав от кого-то из ближайших партийных соратников ропот на недостаток опыта, расхохотался: "А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!"[24]. Ленин полагал, что раз "победа Советской власти неизбежна", то "весь опыт неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы сможем управлять"[25]. Впереди у вождя было большое разочарование.

Отсутствие управленческого опыта и страх перед ответственностью породил серьезный конфликт, связанный с желанием правящей большевистской элиты разделить ответственность с элитами других социалистических партий. Поддавшись давлению Викжеля, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и три новоявленных наркома - А.И. Рыков, В.П. Милютин и В.П. Ногин – заявили о своей отставке. Григорий Петровский рассказывал, как состоялось его назначение. Ленин остановил его в коридоре Смольного, сказав: "Как раз вовремя! Сейчас мы вас назначим наркомом внутренних дел. У нас Рыков сбежал с этого поста". Петровский, пытаясь уклониться от назначения, попросил: "Назначьте другого ... а я буду его помощником". Ленин твердо возразил: "Во время революции от назначений не отказываются"[26].

Путь отдельных персон в элиту был далеко не всегда гладок и прям. Некоторые из них примыкали к меньшевикам, сотрудничали с боевыми группами эсеров, но накануне переворота, презрев разногласия, пошли за Лениным и большевиками. Группа "межрайонцев" дала большевистской элите немало "партийного имущества" (например, Троцкого, Луначарского, Урицкого, Антонова-Овсеенко и еще около 4 тысяч человек), что вызвало немало упреков в адрес вождя со стороны его соратников, ревностно охранявших завоеванные позиции. Позднее "межрайонцы" почти полностью были истреблены более жестокими и тщеславными коллегами.

Ленин всегда помнил об ошибках и нелояльности некоторых товарищей по партии и допускал их в элиту либо возвращал в нее только по необходимости, из-за острого дефицита кадров элитного уровня. Подходя к проблеме формирования властвующей элиты с позиции сиюминутной полезности для власти, он уже успел понять, что перед партией после переворота встают совершенно иные задачи, для решения которых требовались люди, обладающие иным качественным рядом. Практика функционирования новой власти подтверждала очевидную истину, что "революции рождают слишком много революционеров, но очень мало компетентных руководителей"[27]. Очень скоро всем стало ясно, что и в России власть захватили неопытные, зачастую просто неподходящие для этой цели люди.

Установление строжайшей дисциплины выдвигало и условие ее достижения. Единственным сохранившимся в неизменном виде требованием была преданность, так как все иные средства и стимулы соблюдения дисциплины были разрушены и не существовали[28].

Переезд правительства в Москву в марте 1918 года положил начало периоду борьбы с невообразимым хаосом и активного создания центральных органов государственного управления. В Москве уже был свой собственный Совет Народных Комиссаров под председательством историка Покровского, из всех представителей большевистской элиты в России наименее всего приспособленного для этой роли[29]. В московском СНК заседали те, кто продолжал мыслить устаревшими пропагандистскими категориями, чего Ленин принять уже не мог: "Да что вы, батенька, – наскакивал он на докладчика, – в Смольном, что ли?"; "Совершеннейший Смольный, – перебивал вождь оратора, говорившего невпопад, – опомнитесь, пожалуйста, мы уже не в Смольном, мы вперед ушли". Ленин никогда не жалел энергичных слов вдогонку вчерашнему дню, когда нужно было подготовить день завтрашний[30].

Серьезным недостатком вчерашних профессиональных революционеров было то, что они продолжали преувеличивать значение революционных возможностей, абсолютизируя порожденные революцией приемы и методы борьбы. Их эпигонский разум не был способен "самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах,

в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому"[31]. Ленин предостерегал революционеров от возможной гибели не по причине внешнего поражения, а из-за внутреннего провала их дела, если они потеряют "трезвость" и подумают, будто "великая, победоносная, мировая" революция обязательно все и всякие задачи при всех обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному. "Откуда следует, – вопрошал он, – что ... революция может и должна применять только революционные приемы? Ниоткуда это не следует"[32]. Советская власть нуждалась в тех, кто обладал способностями учиться управлять.

Чехарда со смещениями, перемещениями, отстранениями, понижениями и добровольными отставками началась так скоро, как вряд ли мог предположить сам глава правительства. За период с ноября 1917 года по апрель 1918 года по различным причинам покинули свои посты 15 человек: Рыков, Милютин, Ногин, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Ломов-Оппоков, Глебов-Авилов, Скворцов-Степанов, Елизаров, Шляпников, Смирнов, Шлихтер, Осинский-Оболенский, Дыбенко, Коллонтай. К апрелю 1918 года из контингента первых назначенцев сохранили за собой портфели только трое: Ленин, Сталин и Луначарский. В числе первых лиц наркоматов оставался еще и Троцкий.

Особенно часто происходила смена тех наркомов, которые не могли дать скорейший положительный результат, обеспечивающий укрепление режима. Недостаток образования, профессионализма и навыков организационно-управленческой деятельности членов новой правящей элитной группы влекли за собой поиск возможности иного их использования, на менее ответственных должностях. За шесть неполных лет (до образования СССР) по четыре раза менялись наркомы внутренних дел и юстиции, по пять раз – почт и телеграфа, торговли и промышленности, финансов, земледелия. Труднее всего пришлось работникам наркомата путей сообщения: их руководство обновлялось восемь раз, пока его не возглавил "хороший якобинец" Ф.Э.Дзержинский. Комиссары периода якобинской диктатуры, действующие смело и решительно[33], часто использовались Лениным в качестве положительного примера. Именно в таком поведении он видел залог успеха. Ведь социализм должен был внедряться и защищаться силой. Если элитная группа умела ею пользоваться, победа становилась реальностью, если нет – поражение было неизбежным.

Процесс формирования правящей элиты шел методом проб и ошибок. Отсутствовала хоть какая-то теоретическая концепция отбора "лучших", наиболее полезных членов партии в элитную группу. Не существовало и специальных планов по ее подготовке. Усилия, предпринимаемые в этом направлении, сводились в первое время только к созданию соответствующей системы обучения для выходцев из пролетарских слоев. Одним из первых учебных заведений, выпускники которого должны были стать кандидатами в элиту, считался Коммунистический университет имени Свердлова. Это было учебное заведение, порожденное революцией. Сюда партийные органы направляли молодых коммунистов из рабочих и крестьян, прошедших школу подполья, службы в РККА. Учащийся университета резко отличался от студента дореволюционной поры, имеющего за плечами гимназический курс. Многие из слушателей не владели элементарной грамотой, правилами арифметики, не знали ни истории, ни географии. Партийная работа могла дать лишь приблизительное знание произведений классиков научного социализма. Выпускники университета, кое-как овладевшие только основами наук, не только претендовали, но и пробивались на элитные посты.

Качественные характеристики революционных вождей, их стремление к лидирующим позициям, первенству во власти и влиянии делали этих людей не столько соратниками, сколько соперниками. Причем, чем устойчивее становилась власть партии, чем сильнее ощущали ее вкус лидеры, тем упорнее становилась внутрипартийная борьба за наиболее респектабельное положение.

Профессиональные революционеры из-за почти полного отсутствия необходимых качественных черт не могли быстро стать профессиональными управленцами. Старая революционерка Р.С.Землячка свидетельствовала, что прежние методы и навыки, которыми большевистская элита владела неплохо, оказались совершенно непригодными для новых условий[34]. Через месяц после октябрьского переворота Луначарский с горечью писал жене: "Массу грубых ошибок совершают все же наши большевистские ... бурбоны, ошибок, от которых морщишься, как от физической боли. Но что же поделаешь?"[35]. Элитные элементы, не только умеющие возбуждать массы и вести их на разрушение отжившей системы, но и способные к созидательной работе по управлению, нужны были срочно и в больших количествах. Научиться управлять становилось первоочередной задачей большевистской власти. Постепенно, шаг за шагом хаос усту-

пал место строгому порядку. В технической и оп ративной областях руководители революции считали необходимым поставить надлежащих людей на надлежащее место и дать им себя проявить. Молодые люди, выделявшиеся административными качествами (деловитостью, усидчивостью, способностью оценивать людей и обстоятельства), получали шанс выдвинуться[36]. От претендентов в элитную группу нового послереволюционного "созыва" прежде всего требовалось немного: точность, неутомимость, бдительность и информированность. Молодые администраторы, обладающие ответственностью, серьезностью и твердостью поступков, достаточно быстро приобрели массу врагов, так как даровитая молодость всегда раздражает почтенную посредственность. Такими отношениями были охвачены практически все советские ведомства[37].

Сторонники теории демократического элитизма в своих трудах подчеркивали, что социальная ценность демократической власти всецело определяется качеством элиты[38]. А утверждение некоторых теоретиков Запада, что правящие элиты образуются "из относительно узкого слоя общества, т.е. из тех, кто имеет более высокий уровень образования и опыт работы в сложных организациях"[39], примером постреволюционной России не подтверждается. Напротив, к власти устремились малограмотные и неопытные люди. Один из членов большевистской элиты, принадлежавший к среде высокообразованных людей, Л.Б.Красин с горечью отмечал: "Источником всех бед и неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, является то, что коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но не способных жить за нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность"[40]. Описанное соотношение сложилось объективно, помимо воли и желания вождей партии. Ведь формирование правящей элиты советского строя могло происходить и происходило двумя путями: через выдвижение представителей революционных слоев, наиболее преданных делу большевистской партии, либо через использование старых чиновничьих кадров из состава свергнутых господствующих классов и интеллигенции. Первый путь для большевиков был стратегический, второй – тактический. Партийные вожди, стремящиеся всеми силами удержаться у власти, реализуя честолюбивые планы охвата своим влиянием практически всех сфер общественной жизни, в силу необходимости не могли отказаться ни от одного из них. Руководство РКП(б) считало, что чем больше будет членов партии из рабочих, тем легче будет отобрать людей с нужными качествами для пополнения элитной группы, состоящей из старого контингента, и замены выбывающих из нее участников. Ротация кадров должна была осуществляться так (и это нашло отражение в работе Ленина "Набросок правил об управлении советскими учреждениями"), чтобы на руководящих и ответственных местах оставались лишь члены РКП со стажем не менее двух лет членства, а остальные места были замещены беспартийными[41]. Пользуясь этим "главным источником пополнения", вожди не обращали внимания даже на вопиющее невежество претендентов. Дмитрий Волкогонов в книге о Сталине приводит любопытный факт: при утверждении уполномоченного ЦК в один из губкомов выяснилось, что товарищ едва умеет читать и писать, но присутствующий генсек бросил на весы решения свое веское слово: "За границей не был, где же ему было выучиться... Справится"[42]. Главное, что особенно ценилось, – это пролетарское чутье и умение быстро и без эмоций экспроприировать собственность бывших эксплуататорских классов. " ...Работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов"[43], – с сожалением отмечал Ленин. В воспоминаниях, принадлежавших перу одного из старейших членов социал-демократического движения, близко знавшего всю семью Ульяновых, говорится, что подобные люди, "считая себя истинными революционерами-победителями, смотрели на народное достояние как на какую-то добычу, по праву принадлежащую им"[44].

Пролетарская революция должна была формировать элиту из представителей рабочего класса. Однако, и это Ленин на IX съезде подчеркнул особо, "всякий новый класс учится у предыдущего класса" и "должен увеличивать число администраторов из своей среды, создать школы, подготовлять в государственном масштабе кадры работников"[45].

Отдавая явное предпочтение процессу смены элиты за счет рабочего класса, Ленин, тем не менее, предупреждал, что об уничтожении старых управленцев "сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это – утопия"[46]. "Откуда взяться лучшим, – отмечал Ленин, – как сделать нам, чтобы лучшие люди сразу в вас поверили. Революции, которая бы сразу могла победить и убедить, сразу заставить поверить в себя, такой революции нет"[47]. Видя, что интеллигенция на сотрудничество идет неохотно, председатель СНК признавался: "Нам пришлось прибегнуть к старому буржуазному средству и со-

гласиться на очень высокую оплату "услуг" крупнейших из буржуазных специалистов"[48]. Привлечение "буржуазных" специалистов постепенно стало принимать повсеместный характер[49]. Участие в правительственных учреждениях "спецов" иногда доходило до 90% (например наркомат финансов)[50]. Красная Армия и даже ВЧК не были исключением.

Политическая элита Советской России не могла выполнять свою функциональную роль и осуществлять властные полномочия[51] не опираясь на силовые структуры. Однако ни армии, ни политической полиции еще не было. Достичь властных вершин революционная элита могла не иначе, "как совершенно разложив старую армию..., как пройдя через труднейший период без всякой армии..., как постоянно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне вырабатывая новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию..."[52]. В создаваемой политической системе военная элита формировалась под пристальным вниманием элиты политической. Однако, по признанию самого Ленина, этот вопрос для политических вождей оказался неожиданным: "Вопрос о строении Красной Армии был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически..."[53]. Военная элита формировалась на основе тех же принципов, что и политическая: "Пролетариат, – писал Ленин, – обязан выдвинуть из своей среды предельно возможное количество людей, способных стать подлинными командирами Красной Армии"[54].

Длительное время в исторической литературе Троцкого обвиняли в чрезмерном увлечении специалистами. Это не совсем верно. В самом начале гражданской войны он с негодованием телеграфировал Ленину: "Ваш кандидат не коммунист и подбирает вокруг себя не коммунистов, а людей с военным образованием и боевым опытом"[55]. Военная обстановка лета 1918 года и угроза краха Советской власти быстро расставили все по своим местам: люди с образованием и опытом оказались не просто полезными, а необходимыми советскому правительству на столь важном участке борьбы. Для военной работы подходили далеко не все партийцы. "Тут понадобился и отбор, и воспитание". В августе 1918 г. Троцкий просил Центральный Комитет отбирать для фронта коммунистов с нужными качествами: "Коммунистов направлять сюда (на фронт) таких, которые умеют подчиняться, готовы переносить лишения и согласны умереть. Легковесных агитаторов тут не нужно"[56]. К этому времени нужда в агитаторах (и не только на фронте) значительно уменьшилась, требовались квалифицированные командиры. За период с 1918 по 1920 годы в рядах Красной Армии сражались 75 тысяч офицеров и генералов царской армии (30% от прежнего офицерского корпуса), не слишком нуждающихся в агитации. На службе у большевиков находились 775 бывших генералов, 252 из которых непосредственно работали в Генеральном Штабе РККА[57].

Военспецы не просто привлекались в Красную Армию в качестве консультантов, они назначались на командные посты. Так, 17 военспецов в годы гражданской войны командовали фронтами, 82 – армиями, 22 человека были начальниками штабов фронтов[58].

В аппарате Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) служили 16,1% прежних чиновников[59], а наиболее успешные дела разведки и контрразведки в первые годы Советской власти планировал бывший заместитель министра внутренних дел царской России и директор департамента отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант Джунковский[60].

Автор объемного и серьезного научного исследования о большевистской революции Эдвард Карр справедливо отметил три главных момента, характеризующих процессы послеоктябрьского периода в российской истории: сосредоточение власти в руках небольшого партийного центра; превращение партии большевиков из революционной организации, устремленной на свержение старых государственных институтов, в руководящее ядро правительственной и административной машины; создание условий для большевистской партии, позволивших ей путем устранения других партий и их элит занять в стране монопольное положение[61].

Ошибочно считать, что обюрокрачивание государственных структур началось при Сталине. Оно началось гораздо раньше. Тенденция к концентрации власти и бюрократизации ее организационных институтов проявилась в стране практически сразу после революции. Идя к власти под демократическими лозунгами, большевистская элита, на первом же, после завоевания политического господства, съезде партии поставила вопрос об изменении ее названия: из "социал-демократической" в "коммунистическую". Высший демократический орган партии – съезд, хотя и собирался при Ленине ежегодно (с 1918 по 1925гг.), становится слишком громоздким, а его проведение – слишком редким для эффективного осуществления власти. Вслед за упадком демократического органа государства – Всероссийского съезда Советов – постепенно, но неуклонно падает и значение съезда партийного. VII съезд РКП(б) был

первым и последним, на котором большевистская гвардия свободно решала жизненно важные политические вопросы путем открытого обсуждения и голосования. На последующих партийных форумах аналогичные по значению вопросы еще обсуждались, но настоящие решения принимались уже не там, а в весьма узком кругу ленинских сподвижников.

Власть стала незаметно уходить из рук "ленинской гвардии" и перемещаться к меньшим, но более действенным и постоянно работающим органам. Опасность окончательной утраты влияния заставила определенную часть большевистской элиты объединяться в оппозиционные группы. Появились "левые коммунисты", "военная оппозиция", "рабочая оппозиция", "группа демократического централизма" и т.д. Столкновение между возникшими новыми группами партии из-за политических полномочий было чревато опасностью саморазрушения. Партию поразил "синдром Наполеона" – болезнь, которая с неудержимой силой прорывалась в правящую элиту большевистской партии. Постоянное ощущение нестабильности ставило элиту перед альтернативой: жертвовать единством и теми преимуществами, которые оно дает, или любой ценой, даже под угрозой окостенения аппарата руководства, сохранить его. Ленин без колебаний избрал второй путь, заложив основу грядущему диктату Сталина и способствуя процессу обюрокрачивания партийной элиты.

За годы гражданской войны проявилась и набрала силу тенденция к максимальному ограничению круга лиц, занятых активной, творческой, теоретической, а не рутинной исполнительской деятельностью. Их количество, в конечном счете, было приведено к единице. Основным успехом такой трансформации следует считать построение тоталитарного государства – совершенно нового, в истории никем теоретически не предвиденного политического режима. Из фундамента централизма могло быть в будущем возведено только здание Etat concentrationnaire.

Революционный вихрь вынес на поверхность общественной жизни немало злобных и мстительных личностей, для которых возникла исключительно благоприятная ситуация вседозволенности и безнаказанности. Эти люди чувствовали себя легко и свободно, получая неплохую перспективу. Историк Н.Е.Какурин в книге "Как сражалась революция" не без оснований утверждает, что "под видом добровольцев в Красную Армию вступало значительное число деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, смотревших на войну как на источник личной выгоды"[65]. Другой автор, исследующий тот же исторический период, поддерживает выводы, сделанные Какуриным: "... наиболее предприимчивые рецидивисты... вступали в РКП(б). В ряде случаев им удавалось занять ответственные административные и военные должности; из этой среды большевики получали наилучший материал для борьбы и истребления врагов партии. Например, военкомом г. Таганрога был Родионов, осуждавшийся ранее за грабеж, морским комиссаром – Канунников, судимый за убийство, и т.п."[66].

Напористые и речистые авантюристы и карьеристы в силу относительной образованности и большой морально-политической гибкости нередко оказывались во главе крупных административных единиц или вооруженных формирований, пытаясь прорваться в элиту. История этого времени подтвердила мнение о том, как много значил в России субъективный фактор и как можно было попытаться одним ударом решить проблему достижения власти, получения почестей, славы и личного благополучия.

Новые претенденты в элитную группу значительно уступали своим старшим товарищам в теоретической подготовке, но превосходили их по вере в мифологический лозунг "Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики" и в харизму вождя. Это явилось причиной ограниченности представлений, вело к догматизму и упрощенчеству, к преувеличению роли грубого администрирования и волевых методов управления. В этих условиях основными и наиболее полезными качественными характеристиками членов элитной группы властвующей партии становились твердость, цепкость, настойчивость, упорство, хитрость и даже беспощадность[67]. Ленин особенно выделял в своем окружении тех, кто умел "нажимать". Именно это качество приобретало первостепенное значение. Претенденты на высшие посты в партийных и правительственных организациях чувствовали себя тем увереннее, чем скорее рос и креп аппарат "нажимания". В основу управления закладывался организационный фундамент. В элиту начали пробиваться люди, почти совершенно лишенные необходимых элитных (в общепринятом смысле) свойств, все их мысли и усилия характера направлялись на закулисные интриги. Высокий умственный кругозор специалистов тяготил их. Сталин, например, группировал вокруг себя людей, кем-то обиженных или, как тогда выражались, с "отдавленными мозолями". У них была одна возможность самим

попасть в элиту: подчеркнуто демонстрировать преданность своему покровителю, поддерживать его, помогать в продвижении "наверх", ослабляя соперников. В свою очередь невежество, узость кругозора, примитивность мысли соратников обеспечивали их собственную безопасность и благорасположение "патрона". Однако, как подчеркивал Троцкий, преданность этих людей не была преданностью учеников учителю, который обогатил их знаниями и мыслями. Скорее всего это походило на преданность рабов своему господину, "которых <он> вывел из ничтожества и которым он помогает обеспечить привилегированное положение"[68].

Трансформационные процессы, затрагивающие социальные группы, слои и классы, происходили в стране с нарушенным равновесием, стремящейся к обретению черт цивилизованного общества, в котором политическая надстройка обусловлена экономическим укладом. Властвующая элитная группа, по мнению сторонников элитистской теории, должна отличаться определенной однородностью с точки зрения основных норм поведения, вытекающих из ее достаточной просвещенности, подчеркнутого внимания к языковым нормам, стремления к порядку и законности, негативного отношения ко всякого рода эксцентричности. Ее сущность – в прагматизме, отсутствии веры в романтические идеалы, в умении ставить перед собой строго определенные реалистические цели, постепенное достижение которых и составляет содержание социально-экономической практики. Возникшие под воздействием теоретических исследований представления о правящей элите свидетельствуют о том, что она свободна от утопизма. Однако пришедшая к власти в России большевистская элита целиком состояла из утопистов и романтиков, огнем и мечом проводивших свои взгляды в жизнь. Все традиционные элитные качества замещались у нее сильной волей, организаторскими способностями и ответственным исполнением принятых партийных решений и указаний вождя.

Английский ученый-обществовед Бертран Рассел, посетивший Советскую Россию в 1920 году, анализируя увиденное, пришел к выводу, что большевистская элита подразделяется на три основные группы. К первой группе относилась старая испытанная партийная гвардия: люди, лично известные Ленину и занимающие благодаря этому высокие посты. Долгие годы эмиграции, тюрьмы и ссылки сделали их несгибаемыми и фанатичными и, до некоторой степени, оторвали от собственной страны. Это были честнейшие люди с глубочайшей верой в то, что коммунизм возродит и обновит весь

мир. "Они безжалостны, – писал он, – преследуя коррупцию или пьянство, когда подобные вещи случаются среди чиновников, но они создали систему, при которой соблазн мелкой коррупции огромен, и их собственная материалистическая теория должна бы убедить их в том, что при такой системе коррупция должна быть безудержной". Ниже верхушки правящей пирамиды, по Расселу, политические посты занимала вторая группа, состоящая "из карьеристов, ставших ревностными большевиками по причинам материального успеха большевиков". К третьей группе англичанин отнес людей, "не являющихся ревностными коммунистами, но которые сплотились вокруг правительства, поскольку оно оказалось стабильным"[69].

Действительно, большевистская властвующая элита имела черты, объединяющие все эти достаточно разнообразные группы. Наиболее значимая черта – "идеологическое единомыслие, у одних искреннее, у других – лукавое, лицемерное, афишируемое в целях занятия государственных постов. Выражалось оно в обязательной приверженности марксистско-большевистским догмам"[70]. Другая общая черта большевистской элиты, проявившаяся вскоре после их прихода к власти, – это политическая нетерпимость и максимализм. Одни, малосведущие фанатики, жаждали немедленного воплощения овладевших ими идей во имя "светлого и прекрасного будущего"; другие спекулировали этими идеями. Те и другие воспринимали лозунги пропагандистского характера прямолинейно, однозначно. Давала о себе знать выработанная в годы "военного коммунизма" идеология: "Мы строим коммунизм ускоренно, непосредственно, значит – "кто не с нами, тот наш враг". Врага, как известно, нужно уничтожать, либо жестко и надолго изолировать для полного перевоспитания.

Годы гражданской войны привели к серьезным изменениям в системе власти, трансформационным превращениям в правящей большевистской элите. У элитной группы бывших профессиональных революционеров выработалась существенная отрицательная черта, о которой говорил А.И.Рыков: "Мы не имели конкурентов, мы их не терпели, мы их всегда убивали, умерщвляли ... даже в том случае, если конкуренты были более толковы, чем наши органы"[71]. Рыков полагал, что теперь, с окончанием гражданской войны, этому следует положить конец. Условия мира соответственно меняют ситуацию с большевистской элитой: "... мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы"[72].

Однако для того чтобы "лучше работать", нужно иметь достаточное количество лучших работников высокого, элитного ранга. Катастрофическая нехватка кадров подобного уровня ощущалась и в партии, и в стране постоянно[73]. Ленин откровенно писал, что к власти идет "новый класс, что берутся за управление люди, которые никогда за такое сложное дело не брались и, естественно, делают ошибки... Мы знаем, что без ошибок нельзя управлять. Но кроме ошибок, мы наблюдаем неумение пользоваться властью только как властью, когда люди говорят: я получил власть, я предписал, и ты должен слушаться"[74]. Опасность сведения управления к бездумному командованию была очень велика. С одной стороны, спрос на компетентность постоянно рос, но с другой, – к наиболее умным, способным к глубоким обобщениям, к адекватному осмыслению реалий и выработке на их основе оптимальных и эффективных решений людям отношение было настороженным.

5

НАРАСТАНИЕ АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Тенденция централизации и концентрации власти в Советской России, неизбежно ведущая к ее бюрократизации, приобрела устойчивое постоянство. В арсенале политической практики большевиков демократические идеи неуклонно обретают исключительно прагматический характер. Они действуют лишь в случае соответствия принципу полезности. Отбросив всякую толерантность, которая при необходимости иногда, хотя и редко, имела место, большевики открыто презирают демократические ценности и преследуют меньшевиков и эсеров за абсолютизацию их значения.

Первый же съезд большевистской партии, проходивший после завоевания власти, сославшись на научную "неправильность"[1], поставил вопрос и после недолгого обсуждения принял решение о переименовании партии: из "социал-демократической" в "коммунистическую". Ленина не смутило даже устранение из названия партии слова "рабочая". Он отнесся к этому как к мелочи, не стоившей внимания. Ленинская аргументация, обосновывающая научную несостоятельность старого названия, заключалась в следующем: рабочие, создав собственное государство, подошли к тому, что старое понятие демократизма оказалось превзойденным. Большевики убеждали российских рабочих, что они создали тот тип демократии, который в Западной Европе никогда и нигде не существовал. "Старая ... демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т.е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства..."[2], а "поскольку сами трудящиеся ... берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, поскольку исче-

зает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять"[3]. Ленин утверждал, что "действительной свободой и равенством будет такой порядок, который строят коммунисты..."[4] и который не содержит даже намека на элитизм. Государственное управление перестает в этом случае быть прерогативой малой социальной группы. В соответствии с задачей прийти, в перспективе, к коммунистическому распределению по потребностям правильнее будет, как считал вождь, наречь партию коммунистической, отказавшись от прежнего социал - демократического наименования.

Поспешность изменения названия сегодня выглядит вполне очевидной. Большевики, устанавливая государство диктатуры, просто спешили устранить упоминание о демократии из названия партии, осуществляющей власть, чтобы не быть стесненными в применении методов насилия и принуждения. Пытаясь именно на них построить новое социалистическое общество, вождь твердо констатировал: "от принуждения мы не отказываемся"[5].

Разразившаяся гражданская война требовала осуществления единоначалия в практических делах: "на войне, – говорил Ленин на III конгрессе Коминтерна, – мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии"[6] – и это объявлялось естественным залогом победы. Окончание гражданской войны и введение новой экономической политики теоретически предполагало смену приемов и методов политической деятельности. Но планы большевистских лидеров имели несколько иной характер: "прежде, – говорил вождь, – война велась при помощи танков, пушек и т.п., которые мешали нам работать, теперь война пойдет на фронте хозяйственном"[7], не обещающем добавить демократизма политической стороне проблемы. "Формальный демократизм, – убежденно высказывался Ленин, – должен быть подчинен революционной целесообразности!"[8], а не теоретическому принципу.

Искусственно вызванный дефицит демократических прав и свобод при новой власти был отражен в тексте первой Конституции Советской России: "Мы способны продержаться несколько лет именно потому, – говорил Ленин, – что вписали в Конституцию лишение прав отдельных лиц и групп"[9] и "с фразами об общей свободе и общем равенстве трудящихся не шли к народу"[10]. К понятиям "демократия" и "демократизм" большевики относились как к буржуазным предрассудкам[11], от которых нужно как можно скорее отказаться.

В русле данной политической концепции и происходили преобразования во властных институтах. Высший демократический орган партии – съезд, как и основной демократический орган российского государства – Всероссийский съезд Советов, хотя еще и собирались в течение некоторого времени достаточно регулярно, начинали неуклонно утрачивать свой авторитет. Оперативное руководство партией и страной нуждалось в иных, более емких и постоянно действующих управленческих структурах, так или иначе замыкающихся на вождя. Последним съездом РКП(б), на котором большевистская элита свободно дебатировала и решала жизненно важные политические вопросы путем открытого обсуждения и голосования без оглядки на ленинскую позицию, становится VII съезд. Секвестирование партийной демократии шло по всем направлениям, ее объем постоянно уменьшался. Активное участие в политической жизни принимало все меньше и меньше старых революционеров.

"Исторический крах буржуазной демократии, – заявлял вождь, – не был выдумкой большевиков, а был абсолютной исторической необходимостью"[12]. Большевистская политическая линия гласила: "ни один человек, сколько-нибудь практически опытный в управлении, не только не осудит, а одобрит нас за то, что мы максимум сделали для сведения коллегиальных учреждений при исполкомах к минимуму..."[13], "парламентом в эпоху диктатуры нельзя ни решать вопросы, ни направлять партию или советские организации"[14]. Решать вопросы, по мнению партии, можно было исключительно путем установления командно-административной системы управления с жесткой вертикалью власти.

Часть большевистской элиты, представлявшая коллегиальность "основным типом организации советского управления", скоро убедилась, что вождь совсем не разделяет ее взглядов и стремится разубедить в этом других. Ленину коллегиальность виделась как "нечто зачаточное, необходимое на первой стадии, когда приходится строить вновь. Но при установившихся более или менее устойчивых формах *переход к практической работе связан с единоначалием* (курсив мой. – *Н.С.*), как с той системой, которая больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную ... проверку работы"[15]. Вождь определил общую тенденцию развития в движении "от случайной, расплывчатой коллегиальности через коллегиальность, возведенную в систему организации, проникающей все учреждения ... и теперь, как общая тенденция, подошел к единоначалию как к единственно правильной

постановке работы"[16]. "Опыт армии, – констатировал он, – показал нам на закономерное развитие организации управления от первоначальных форм коллегиальности к единоначалию..."[17]. Новое общество предполагалось создавать по военному образцу и к осознанию этой "истины" нужно было спешно готовить все руководящие силы партии. Наиболее ценные кадры назначались на ответственную практическую работу для того, чтобы опытным путем принудить их к отказу от своих прежних взглядов. Например, имевший в партии значительный авторитет Г.Л.Пятаков, несомненный администратор, "с запасом воли и революционной энергии" выступал за широкую коллегиальность. Его полуанархические убеждения могли нанести существенный вред делу революции. Троцкий повел с ними решительную борьбу, дав сразу ответственное назначение, которое вынудило Г.Л.Пятакова от слов перейти к делу. "Способ этот не нов, – писал Троцкий, – но во многих случаях незаменим. Административный смысл скоро подсказал ему (Пятакову), что надо применять те самые методы, против которых он вел словесную войну"[18]. Таких превращений в годы гражданской войны было немало. Члены "военной оппозиции" стали активно втягиваться в работу, соглашаясь с принципом единоначалия. Ленин сам откровенно признавался, что многие свои умозаключения он выводил из опыта армии, и сетовал, что "...главный недостаток партии ... не изучение практического опыта. Это корень всех бед и всего бюрократизма"[19].

Проблема бюрократизма приобретала одновременно и теоретическое, и практическое значение. В период, непосредственно предшествовавший Октябрьскому перевороту, Ленин полагал, что удастся утвердить пролетарскую диктатуру без бюрократии. Возникновение этой проблемы уже через несколько месяцев после прихода большевиков к власти стало для него неожиданным и, к тому же, неприятным открытием, побудившим вводить все новые и новые поправки в социалистическую концепцию. Проблема бюрократии, возникшая как феникс из пепла "военного коммунизма", явственно показала, насколько мало подготовленными к ее решению оказались и большевистская партия, и, что особенно важно, ее вождь. Бюрократизм оставался за пределами ленинской теории социализма. Лишь позднее стало очевидным, что проблема бюрократии из "побочной", "походя" решаемой в ходе "экспроприации экспроприаторов", превратилась в одну из центральных проблем современной цивилизации, определяющих ее судьбу, включая и судьбу революций, свершающихся в ее фарватере[20].

Опасность обюрокрачивания советского и партийного аппаратов становилась совершенно реальной: "бюрократизм советского аппарата не мог не проникнуть в аппарат партийный, ибо эти аппараты переплетаются между собой тесным образом"[21], а опытных и знающих людей чрезвычайно мало[22]. Если "борьба с бюрократизмом, – предупреждал Ленин, – направляется не туда, куда надо, то положение становится очень опасным, например, по отношению к специалистам. Наше положение плохо не потому, что у нас много специалистов, а потому, что у нас нет строгой централизации. <...> Надо ставить в учреждения побольше рабочих-середняков, которые, приучась около специалистов к работе, сумели бы их заменить и вести самостоятельно практическую работу"[23]. Ленин стремился успокоить своих соратников и убедить их в том, что масштаб грозившей опасности невелик и при большом желании можно обойтись без старых управленцев. "Сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работают отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас"[24]. Он утверждал, что в центре, "где мы имеем государственную власть, аппарат ... функционирует, в то время как внизу они (старые управленческие кадры. – *Н.С.*) самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий"[25].

Относя себя к ортодоксальным марксистам, Ленин не мог не ставить во главу угла идеи социализма. Все остальное, в том числе и проблема бюрократии, рассматривалось им как вторичное. Вождь решал задачи, стараясь опереться на уже полученный политический опыт, "превращая саму действительность в поле "экспериментального" доказательства истинности теории"[26], которой он служил. Большевистским лидерам первоначально казалось, что проблема бюрократии окончательно снимается революцией: "Бюрократия побеждена. Эксплуататоры устранены. Но культурный уровень не поднят, и поэтому бюрократы занимают старые места. Бюрократию можно потеснить только ... привлечением рабочих к управлению"[27]. Это указание вождя настоятельно требовало немедленно приступить к формированию политической элиты именно из рабочих.

В рамках социалистической теории бюрократизм приобретал явно зауженный характер, но неизбежно вел к серьезным практически-политическим ошибкам. Применяемый Лениным редуцированный подход к проблеме отчасти скрывал, отчасти сознательно запутывал суть дела. Бюрократизм преподносился в качестве "пережитка" свергнутого строя: мол, "бюрократическая машина" раз-

рушена, а вот "бюрократизм" продолжает существовать; "Мы, – говорил Ленин, – переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас"; "...после того как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: "Пожалуйста, вернитесь к нам назад". И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем"[28].

Однако объективные условия, создаваемые новой властью, вели к возрождению бюрократизма. Уже на VIII съезде констатировалось, что в течение всего 1918 года с момента переселения правительства в Москву и до съезда Советов в декабре не было ни одного заседания ЦК партии, и все решения за ЦК принимали Ленин со Свердловым, из которых один тогда был председателем Совнаркома и фактическим лидером партии, а другой – председателем ВЦИК и фактическим руководителем всего партийно-государственного аппарата[29]. Это свидетельствовало о том, что процесс узурпации властных полномочий набирал силу и обретал контуры пирамидальной системы.

Ведавший всей организационной работой Свердлов был талантливым организатором, инициативным и весьма экспрессивным человеком. Он прекрасно разбирался в людях и имел обширные связи в центральных и местных органах власти. В своей голове он держал сотни имен с исчерпывающими объективными данными, извлекаемыми на свет по мере надобности. Свердлов, располагающий уникальной "внутренней" картотекой, не спешил передоверять ее бумаге или какой-либо организационной структуре. В своей роли, и это было для него очень важно, он был незаменим и крайне необходим. "Он, – писал Б.И. Николаевский, – не любил официальных протоколов, стенограмм и канцелярского делопроизводства"[30]. Свердлов поступал точно так же, как это делал еще в эмиграции Ленин: со всеми мало-мальски крупными партийными и советскими деятелями, когда они попадали в столицу, он старался встретиться лично, лично узнавал о положении дел на местах, лично давал устные инструкции относительно дальнейшего[31], лично определял профессиональную пригодность представителя провинции, выявлял наиболее способных. "В этой работе, – говорил на VIII съезде Ленин, – мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения"[32]. Неожиданная смерть Я.М. Свердлова в марте 1919 г. поставила партию в весьма сложное положение. На съезде даже некому было делать доклад по организационному вопросу.

Отношения в большевистской элите первые постреволюционные годы строились почти исключительно на базе личного знакомства, доверия и товарищеской лояльности. Ленинские письма и записная книжка Свердлова хранят характеристики большого числа большевиков, отвечающих за определенный участок советской или партийной работы. Сменивший Я.М. Свердлова Н.Н.Крестинский, не имевший столь обширных личных связей, вынужден был обратить особое внимание на формальную сторону дела и посвятить немало времени разработке устава – официальной концепции отношений в партии.

Объективные обстоятельства вынудили аппарат ЦК весной 1919 года создать специальный учетно-распределительный отдел. Перед учраспредом сразу были поставлены задачи: создать систему, способную "действительно обеспечить идеологическое и политическое соответствие" партийных работников занимаемым должностям; гарантированно обеспечить руководящее влияние партии в деле подбора кадров госаппарата и хозяйственных органов; систематически пересматривать и осуществлять важнейшие назначения в государственных и хозяйственных структурах; вести учет работников в направлениях, намеченных распределительной работой; приступить к изучению резервов партии, в частности обучающихся в комвузах; усилить практическое их выдвижение на руководящую работу; организационно оформить распределительную систему[33].

Однако выполнить это партийное поручение не представлялось возможным. Учраспред, как и весь Секретариат ЦК, располагал чрезвычайно слабым аппаратом. До апреля 1920 года делопроизводство отдела, от быстроты, точности и аккуратности работы которого зависело успешное распределение партийных кадров, осуществлялось всего девятью малограмотными сотрудниками, не справляющимися даже с текущей работой. По мере повышения значимости отдела росла и его численность. К 15 февраля 1921 года в отделе работало уже 30 человек[34].

До 1921 года работу учраспреда можно разделить на две части. Первая часть, продолжавшаяся по конец ноября 1920 года, – военная. В этот момент деятельность отдела сводилась главным образом к проведению партийных мобилизаций на фронт. Борьба с Польшей и Врангелем требовали от ЦК огромного количества сил. Положение усугублялось продовольственной проблемой и разрухой на транспорте. Удовлетворяя все эти потребности, учетно-распределительный отдел передвинул к новым местам работы 37 547

партийцев. Причем из них 25 249 было мобилизовано Губкомами по разверстке ЦК РКП(б)[35].

Вторая часть (с декабря 1920 года) связана с началом мирного строительства. Резко уменьшилось (почти в 2 раза) количество перемещений[36], изменилось их основное направление. Если в военное время масса партийных работников шла из губкомов на фронт, то теперь сама армия поставляет партийцев для иных надобностей. С ноября до середины февраля было демобилизовано в организованном порядке 3 364 члена партии, из которых 897 поступили непосредственно в распоряжение ЦК партии. Учраспредом впервые было отобрано 20 наиболее способных работников для назначения председателями губкомов и губисполкомов[37]. При распределении работников четкого разделения на рядовых и ответственных в отделе еще не проводилось. Только в 1921 году намечается постепенный переход от мобилизационной формы работы, суетливого, случайного и бессистемного распределения членов партии к плановым их перемещениям на основании учета потребностей организаций и личных качеств товарищей[38].

Первый опыт плановых перемещений был осуществлен еще в августе 1920 года. К февралю 1921 года было произведено 5 плановых перебросок, охвативших в общей сложности около 200 человек – ответственных работников губернского и уездного масштаба из 40 губерний и ряда областей в центральные учреждения[39].

Переброска партийных кадров сопровождалась введением карточек кандидатов на перемещение, разосланных губкомам вместе с циркулярным письмом[40]. На основе введенной карточной системы Центральный Комитет намеревался следить за перемещениями партийных работников, ибо нередко случалось так, что "сегодня невозможно было установить куда вчера направили того или иного партийного деятеля"[41].

Работа учраспреда в первый мирный год сосредотачивалась на отработке карточной системы, с помощью которой ЦК мог отслеживать перемещения работников и осуществлять объективный учет наиболее способных партийных функционеров. Отделу удалось собрать некоторые количественные данные на работников губернского масштаба (членов губкомов, губисполкомов, президиумов губпрофсоветов), однако недисциплинированность местных партийных органов затрудняла эту работу (только один Рязанский губком выполнил все параграфы циркуляра об изменениях в личном составе указанных категорий)[42].

Необходимость скорейшего формирования достаточно стабильной группы партийной элиты заставила провести летом 1921 года всероссийскую перепись ответственных партийных работников всероссийского, областного, губернского и уездного масштаба. Перепись показала, что образовательный и культурный уровень опрошенных "коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие)"[43] оказался подчиненным культуре побежденных классов. Ленин характеризовал культуру побежденных классов как жалкую и мизерную, но более высокую, "чем у наших ответственных работников-коммунистов". Он писал: "…у них нет достаточного умения управлять, для этого надо учиться, а у нас не учатся"[44]. Перепись дала ценные результаты и положила начало действительного систематического учета и изучения руководящих кадров партии.

Однако в своей работе учраспред ЦК наталкивался как на непреодолимое препятствие на крайнюю организационную слабость и неподготовленность учетных, распределительных и статистических аппаратов на местах. В губкомах это были самые захудалые и неавторитетные отделы. Способные и подготовленные люди работать в них не хотели. Отсюда частые смены заведующих, которые лишали отделы элементарных условий преемственности. Несерьезное отношение обкомов и губкомов к их деятельности приводило к тому, что эти отделы или существовали только на бумаге, или влачили жалкое существование. Во главе их нередко ставили лиц, совершенно неподходящих, ведущих исключительно канцелярскую, механическую работу переписчиков и хранителей анкет. Многочисленные циркуляры ЦК, обращавшие внимание местных органов на ненормальность такого положения, мало помогали делу, и только совещание секретарей губкомов после декабрьской (1921 г.) конференции, на которой по докладу учраспреда ЦК было проведено решение всемерно укрепить аппараты учета на местах, положило начало изменению положения. Постановление ЦК о пересмотре состава заведующих учетных и статистических отделов и заведующих учетными столами укомов, замене слабых работников на более подходящих несколько поправили дело[45].

Основной смысл всей деятельности ЦК РКП(б) в этом направлении состоял в отказе от неосуществимой и вредной мысли сосредоточить в Центральном Комитете учет решительно всех членов партии, а учраспреду заниматься их распределением непосредственно. ЦК установил порядок, при котором учраспред должен учитывать и готовить материалы для распределения лишь в отношении

руководящих кадров партии, вошедших в категорию уездного, губернского, областного и всероссийского масштаба. Число таких работников, взятых на учет в 1921 году, "исчислялось 30 – 32 тысячами человек, но в более строгом смысле учраспред имел дело с более узкой группой, примерно в 7 000 работников всероссийского, областного, губернского и уездного масштаба"[46]. Эта цифра позднее еще более сократится.

Стратегический план завоевания господствующего положения партии в жизни страны базировался на двух взаимодополняющих принципах: один выдвигал требование обособления партийных организаций от организаций общесоветских при строгих субординационных связях, а другой предписывал коммунистам, работавшим в правительственных и хозяйственных учреждениях, полное подчинение решениям соответствующих партийных структур: "Во всех советских организациях абсолютно необходимо образование партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисциплине"[47].

Еще восьмая партийная конференция (декабрь 1919 г.), принявшая партийный устав, внесла определенность и закрепила решение VIII съезда: "Фракции, независимо от их значения, целиком подчинены партии. По всем вопросам, по которым существует законное решение соответствующей партийной организации, фракции обязаны строго и неуклонно держаться этих решений. Комитет имеет право ввести в состав фракции и отозвать из нее любого члена, обязательно извещая фракцию о причинах подобной меры"[48]. Существенные разногласия между партийным комитетом и фракцией преодолеваются их повторным рассмотрением и принятием окончательного решения, подлежащего "немедленному исполнению со стороны фракции"[49]. "На все важнейшие должности в том учреждении или организации, в которых работает фракция, кандидаты намечаются фракцией совместно с соответствующей партийной организацией.

Таким же порядком производится и перемещение с одной должности на другую"[50].

Политические приоритеты большевистской партии просматриваются здесь весьма отчетливо. Логика их последовательной реализации вела, во-первых, к созданию института ответственных лиц, во-вторых, – единоначалию, в-третьих, – к установлению диктатуры партийного аппарата над всеми аппаратами советского государства и корректированию работы второго по об_азу и подобию первого.

Член большевистской элиты и один из руководителей "рабочей оппозиции" В.В.Осинский, обиженный недооценкой своих личных способностей, высказал претензию, что партийная работа сосредотачивалась исключительно вокруг Центрального Комитета, который "как коллегиальный орган, в сущности говоря, не существовал", поскольку "тт. Ленин и Свердлов решали очередные вопросы путем разговоров друг с другом и с теми отдельными товарищами, которые опять-таки стояли во главе какой-нибудь одной отрасли советской работы"[51]. Это обстоятельство публично отмечали не только постоянные ленинские оппоненты, но и верные сподвижники. Леонид Борисович Красин откровенно писал, что на работу ЦК влияют отдельные личности, а не весь коллектив. В этом негативном явлении Красин обвинял сам Центральный Комитет, так как именно этот партийный орган способствовал "прохождению в ЦК на съездах таких членов, которые исполняли волю отдельных личностей"[52]. Далеко не все члены Центрального Комитета допускались к выработке и принятию важнейших политических решений. Даже "несмотря на то, что ЦК партии в силу традиции, в силу истории за 25 лет существования сложился в такую группу, которая всасывает в себя все наиболее авторитетное из партии"[53] – он становится малопригодным для принятия правильных решений. Аналогичные высказывания делал и сам Ленин: "Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету"[54]. Потому-то "в нашем положении строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью"[55].

Ленин, отмечая действительные трудности в управлении государством, вызванные отчасти гражданской войной, отчасти тем, что "организационная деятельность никогда не составляла сильной стороны русских вообще и большевиков в частности, а между тем главная задача... – именно *организаторская задача*"[56], приводил в оправдание допускаемых властью ошибок данные, не позволяющие большевистскому руководству принимать и проводить адекватные решения: "Регулярные сведения (в ЦК.– *Н.С.*) поступали от организаций 4-х губерний, нерегулярные сведения из 14-ти губерний, случайные сведения из 16-ти губерний"[57]. В таких условиях говорить о систематической и эффективной управляемости партией и государством из единого центра было бессмысленно.

Укрепление исполнительской дисциплины превращалось в неотложную потребность. Централизация сопровождалась узкой спе-

циализацией. В этом плане, как отмечают многие исследователи[58], съезд предпринял "роковой шаг", приняв решение о создании трех новых органов: Политбюро – для решения политических вопросов; Оргбюро – для решения вопросов организационного характера; Секретариата ЦК – для осуществления текущей организационно-исполнительской работы. Ленин, возложив на себя обязанности верховного арбитра, внимательно следил и мгновенно пресекал любые попытки членов его элитной группы присвоить себе чужие права, расширить собственные властные полномочия. "Вообще неправильно, – строго отчитывал он Молотова за разосланный Оргбюро ЦК партии циркуляр о взаимоотношениях партийных и судебно-следственных органов, – такие вопросы решать в Оргбюро: это чисто политический, всецело политический вопрос"[59].

Три партийных органа в последующие несколько лет разделили все функции партийного съезда между собой и узурпировали все, кроме чисто внешнего атрибутивного свойства власти. Опасность столкновения между новыми структурами, по мнению Ленина, должна была быть сведена к минимуму соединенным членством наиболее способных, проверенных и близких к вождю лиц.

На Секретариат Центрального Комитета устав партии возлагал самые неясные функции. Как отмечал Б. Бажанов: "то ли он должен был решать менее важные вопросы, то ли готовить более важные вопросы для Оргбюро и Политбюро"[60]. Устав "хитро" декларировал, что "всякое решение Секретариата, если оно не опротестовано никем из членов Оргбюро, становится автоматически решением Оргбюро, а всякое решение Оргбюро, не опротестованное никем из членов Политбюро, становится решением Политбюро, то есть решением Центрального Комитета; всякий член ЦК может опротестовать решение Политбюро перед Пленумом ЦК, но это не приостанавливает его исполнения"[61]. Секретариат, по существу, не нарушая партийного устава, имел право принимать к исполнению любые дела, формально не присваивая чужих прав, ибо вышестоящие инстанции имели возможность изменить или отменить его решения. Генеральный секретарь, обладающий достаточным авторитетом, вполне мог "командовать через Секретариат"[62].

Однако Сталин в этот период еще не имел большого авторитета в партии и стремился избегать открытых конфликтов с Политбюро и вождем. Он избрал другой, более верный путь увеличения своего влияния от незначительного до беспредельного: без лишней шумихи заняв с помощью Ленина пост Генсека, стал проводить "вполне

своих" людей сначала в провинциальные комитеты, потом в состав ЦК, а затем и Политбюро, постепенно противопоставляя их "ленинским гвардейцам", которые становились ненужными ни делу, ни восходящему на политический Олимп новому лидеру. Начиная с 1929 года Политбюро ЦК было настолько подчинено Сталину, что у него не было никакой необходимости управлять иначе, чем через Политбюро[63].

На заседаниях Секретариата только секретари ЦК имели право решающего голоса. Все присутствующие заведующие отделами и старшие помощники секретарей ЦК обладали голосом совещательным. Их, пока, не допускали до влияния на принятие властных решений, а на практической работе проверяли способность понимать ситуацию и правильно использовать приобретенный управленческий опыт.

Процесс отбора на руководящие партийные посты, осуществляемый в Секретариате ЦК, с назначением Сталина, по оценке Троцкого, "пошел бешеным темпом"[64]. Вероятнее всего, Сталин был призван в Секретариат для устранения с ответственных постов в партийных и государственных структурах сторонников Троцкого, назначенных туда при поддержке Н.Н. Крестинского, Е.А. Преображенского и Л.П. Серебрякова. За период с апреля 1920 г. по март 1921 г. они осуществили распределение 42 014 партийцев, среди которых ответственных деятелей партии было около 15%[65]. В.М. Михайлов, В.М. Молотов и Е.М. Ярославский, сменившие в Секретариате ЦК сторонников Троцкого, с задачей не справились: "Перебрасывая, перемещая и мобилизуя членов партии для усиления ударных областей работы", новый секретариат чрезмерно уделял внимание рядовым партийцам, а не ответственным работникам. На долю рядовых работников, прошедших через учраспред ЦК в 1921 году, приходится 2/3 от общего количества, хотя "по решению всероссийского совещания секретарей губкомов и ЦК РКП(б) они должны были распределяться вне ЦК решением губернских комитетов"[66]. Став у "рукоятки аппарата", Сталин начал привечать тех, кто находился на антитроцкистских позициях и имел "качества твердости и практического ума"[67]. Невежество, крайняя узость политического кругозора, неразборчивость в выборе средств, моральная грубость (качества сталинской личности) не служили больше препятствием для высоких назначений. Напротив, это превращается в основные искомые величины. Главным критерием становится антитроцкизм назначаемых чиновников. Всех тех, кто теперь

пробивался на командные позиции, Троцкий называл аппаратными узурпаторами, незаконными наследниками Октября и эпигонами большевизма[68]. Люди, оценивающие Сталина критически, для работы на ответственных партийных постах не годились. Самостоятельность мысли, уже в первый год его работы, уступила место четкой организационной схеме аппарата. Аппарат был разбит на 8 отделов, из которых каждый, в свою очередь, распадался на подотделы[69]. Во всех отделах и подотделах действовали утвержденные самим Сталиным жесткие инструкции. Внутри каждого отдела был свой мини-секретариат, который должен был быть в курсе всей работы отдела, в основных его линиях. От этих мини-секретариатов нити сходились в центральном бюро. В его задачу входило быть в курсе всех деталей работы каждого отдела, контролировать и выправлять их линию, выявлять и удалять с элитных постов аппарата скрытых оппозиционеров и их сторонников. Секретари отделов и подотделов фактически были явными агентами центрального бюро для надзора за их работниками[70].

Наиболее важную роль в жизни всего Секретариата ЦК начал играть учетно-распределительный отдел, поскольку "на первый план выдвигалась... задача "учиться работать", правильнее размещая людей, добиваясь установления индивидуальной ответственности каждого за точно определенную работу, внимательнее изучая и проверяя практический опыт работы, а не гоняясь за "новыми" планами новых учреждений или новой постановки дела, переорганизаций и т.п."[71]. Однако подбором кадров дело не ограничивалось. Не полагаясь только на личные отношения, учраспредотдел поддерживал связи с местными организациями, разрабатывал для них руководящие инструкции, контролировал деятельность партийных фракций в центральных советских учреждениях, изучал персональный состав коммунистов, работавших в наркоматах, профсоюзах, хозяйственных органах[72]. Подобные же органы были созданы при ЦК национальных компартий, областных и губернских комитетах партии.

Повышение роли и значения Секретариата в механизме партийной машины сказывалось в постоянном численном росте его аппарата. В момент его создания по численности он не превышал 30 человек, в марте 1920 года уже насчитывал 150 сотрудников, а год спустя, в канун X съезда, эта цифра увеличилась до 602 без учета военного отряда из 140 человек, исполняющих обязанности часовых и курьеров[73].

Секретари ЦК и заведующие отделами на первых порах из-за плохой организации буквально тонули в море текущих бумаг и тратили огромное количество времени на поиск нужного документа. Проведенная вскоре реорганизация, коснувшаяся технической стороны дела, привела к тому, что его сотрудники постепенно перестали считать себя простыми канцелярскими служащими: через их руки проходили все государственные и партийные секреты. Люди теперь с полным основанием относили себя к весьма важным и особо доверенным лицам[74], ибо партийный вождь уже не мог обходиться без них.

Очень скоро партийным аппаратом на учет были взяты, во-первых, практически все хоть сколько-нибудь квалифицированные партийные работники, а, во-вторых, все оппозиционеры. Первые получили выгодное пастбище мест, должностей, привилегий и влияния, другие – тощую пищу обещаний. Начинается игра на нуждах и аппетитах, на легковерии и тщеславии. Составлялись специальные досье, в которых были собраны данные на членов и кандидатов в члены большевистской элиты по трем показателям: как о партийцах, как о специалистах и как о людях. Сталин изучал их сильные и слабые стороны и определял выгоду, которую он может извлечь от общения с каждым из них. Все досье хранились в архиве центрального аппарата учраспреда. Архивы местных учраспредов обладали данными только на низовых работников, которыми они и должны были распоряжаться. Все работники, состоящие на учете ЦК и получившие наименование "номенклатура"[75], находились в полном распоряжении учраспреда Секретариата ЦК РКП(б). Его право регулирования и манипулирования членами элитной группы было фактически неограниченным, любого наркома, полпреда, высокопоставленного военного или чекиста могли отправить "на низовую работу", куда-нибудь в далекую провинцию (на Север, в Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток) под предлогом необходимости и целесообразности. Протесты, просьбы, отказы людей в расчет не принимались, их использовали как партийное имущество на том участке работы, где считали это нужным руководители учраспреда.

Приводной пружиной, заставляющей действовать сложную систему Секретариата ЦК, было Оргбюро. В Оргбюро входили все секретари ЦК, заведующие его ведущих отделов (Л.М. Каганович, С.И. Сырцов), начальник ПУР и один-два члена ЦК, избираемых в Оргбюро персонально. Все эти лица были подобраны самим Ста-

линым, лично ему подчинялись и только от него зависели. Сталинское Оргбюро вообще поддерживало людей, которые способны были политически существовать только милостью аппарата[76]. "Сталин и Молотов, – вспоминает Бажанов, – заинтересованы в том, чтобы состав Оргбюро был как можно более узок – только свои люди из партаппарата"[77]. Организационное бюро – важнейший инструмент влияния на провинциальные партийные структуры – осуществлял подбор и распределение партийных работников. Чрезвычайная важность этого дела заключалась в возможности в будущем получить большинство на партийных съездах и обеспечить себе место на вершине властной пирамиды. Значение этого органа Троцким, Зиновьевым и Каменевым будет в полной мере оценено только тогда, когда каждый из них попытается закрепить за собой статус умершего вождя.

Секретариат, Оргбюро и Политбюро во многом способствовали обюрокрачиванию партийного аппарата, влияя на весь характер работы основных партийных инстанций. Деятельность этих структур считалась секретной и строго секретной и, следовательно, обеспечивала допуск к ней лишь минимальному кругу чрезвычайно проверенных и преданных лиц.

Исследователи процесса бюрократизации партаппарата пришли к выводу, что ЦК постепенно, естественно и как-то незаметно подменил собой местные партийные органы не только в принятии большинства резолюций, но, что, возможно, было важнее, – в подборе кадров на всех уровнях, утверждая тем самым свое право действовать единолично. Только за 1922 год (первый год сталинского руководства Секретариатом) были смещены или переведены Центральным Комитетом партии 37 секретарей губкомов, а 42 назначены по его "рекомендации". Обиженный отстранением и выводом из состава ЦК за, казалось бы, аналогичные действия Е.А.Преображенский жаловался съезду на то, что 30% всех секретарей губкомов были "рекомендованы" ЦК, который он называл "государством в государстве"[78]. Однако съезд не внял его жалобам.

Оргбюро должно было помогать и оказывать протекцию своим креатурам, защищать их всеми силами, способствуя тем самым развитию политического властолюбия. Добывая этим людям места в партийной системе, Оргбюро принимало на себя обязанность поддерживать их, какова бы ни была их неосведомленность и неаккуратность в работе. Поскольку Политбюро было перегружено текущей работой, а Ленин серьезно болен, многие решения о назначе-

ниях (при поощрении Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева) принимались единолично Генеральным секретарем. За период между XI и XII партсъездами Секретариат и Оргбюро произвели 10 351 назначение, а к XIII съезду еще 6 028. Причем Сталин, в отличие от своих предшественников, сосредотачивал внимание не на низовых, а на ответственных работниках. В первом случае среди назначенных было 4 738 (45,7%) ответственных работников, а во втором – 4 569 (75,8%)[79]. Причем, если к XII съезду работников губернского масштаба было назначено 1 798, то к XIII съезду – уже 2 109[80]. От кандидатов на ту или иную должность требовалось только одно – догадаться, чего от них хотят. Кто "догадывался", тот закреплял свое положение и имел шанс подняться выше. Так возник особый вид карьеризма, который позже получил открытое имя "антитроцкизма". "Процесс персонального отбора, – писал позднее Троцкий, – опускался все ниже. Уже нельзя стало занять пост директора завода, секретаря цеховой ячейки, председателя волостного исполкома, бухгалтера, переписчика, не зарекомендовав себя антитроцкистом"[81]. Конечно, Троцкий утрирует ситуацию, но он прав по существу: троцкистов смещали со всех ответственных постов и отодвигали от власти.

Процесс борьбы с оппозиционными группировками еще больше усилил тенденцию концентрации власти. Коммунистическая партия, развиваясь с неоспоримой логикой, сначала подчинила себе все политическое руководство страны, затем Центральный Комитет взял на себя руководство партией, подавляя всякую инициативу и критику, потом все решения за ЦК стало принимать уже только Политбюро, затем триумвират – Сталин, Зиновьев, Каменев – начал полностью контролировать Политбюро, и, наконец за Политбюро стал все решать один-единственный человек – Сталин[82]. Власть сосредоточилась на самом "верху", а передача управленческих команд и решений осуществлялась по системе "пирамиды" – сверху вниз. Вождь, как высший иерарх, находясь в верхней точке власти, распределял весь объем необходимых действий в партии и стране, возлагая ответственность за каждую ее часть на отдельных людей, которые в целом и составляли уже обновленную элитную группу.

"Аппарат", превращаясь в самодовлеющий фактор, все более затруднял созидательную работу. От него страдало даже военное ведомство и Ленин предлагал Троцкому обдумать организационную сторону борьбы с бюрократизмом. Он намечал создание при

ЦК РКП(б) специальной антибюрократической комиссии. Причем оба лидера, Ленин и Троцкий, должны были в нее войти. Эта комиссия, по словам Троцкого, должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии[83]. Однако сделать это не удалось.

Правящая партия, строящая свою деятельность на бюрократических принципах, создавала благоприятные условия для карьеры и продвижения на более высокие уровни командной цепочки максимально лояльных представителей. Речь идет пока лишь о преданности и лояльности, минимально затрагиваются такие элитные качества, как компетентность. Смертельная схватка преданности с компетентностью была еще впереди, но первые ее симптомы обозначились уже при Ленине. Сознавая, что повышение в должности одновременно сулит и власть, и полномочия, и иные статусные позиции, члены правящей элиты начинают проявлять особый интерес к интригам. Интрига превращается в главный инструмент политической борьбы.

Однако объективная потребность в достижении позитивных результатов не могла не вносить коррективы и в бюрократическую кадровую политику, заставляя лидеров подбирать и повышать по службе не только преданных, но и осведомленных в конкретных делах людей. Кадровые характеристики элитных деятелей нуждались теперь в существенном дополнении: способна ли персона к эффективной работе или нет. Время оценок "как сделал, так и ладно" отходило в прошлое. Такой подход к делу уже не мог удовлетворить партийное руководство. Переход к означенному принципу позволял отбирать кандидатов в элиту, обучать, проверять в работе и удерживать в ее составе преданных членов партии, одновременно являющихся и квалифицированными специалистами-администраторами. Но для тех, кто страстно хотел всего и сразу, это был слишком долгий и сложный путь, далеко не всегда сулящей успех даже в перспективе. Эти люди лихорадочно искали другие подходы к властным вершинам.

6

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ

К весне 1921 года у большевистской элиты сложилось мнение, что принципы построения и методы борьбы, избранные партией и дважды обеспечившие ей положительный результат (в момент достижения государственной власти, удержания и укрепления ее в годы гражданской войны), вполне могут быть перенесены и на период мирной, гражданской, инноваторской деятельности, способствующей строительству небывалого в истории социалистического общества. Только такой подход мог, как им тогда казалось, стать залогом быстрого достижения поставленных целей, ибо они знали только одно правило поведения – то, которое кратчайшим путем вело к быстрой победе. Определяя политические приоритеты в работе "Об едином хозяйственном плане", Ленин вновь возвращается к проблемам, заявившим о себе еще в начале 1918 года: "Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили – мы должны научиться Россией управлять"[1], однако теперь вождь лучше понимал глубину разрыва "между величием начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной"[2]. Главная трудность в приобретении навыков управления – отсутствие культурности[3]. Имея за плечами опыт, полученный в период гражданской войны, большевистский вождь утвердился во взгляде, что "время свободных речей и трудной борьбы в Центральном Комитете" должно уйти в прошлое. Основной задачей, наиболее соответствующей историческому моменту, становится обеспечение кумулятивного воздействия всех властных ресурсов на процессы укрепления собственных позиций. Революционные мероприятия уже не могли носить прежний характер. Они неизбежно должны были поменять направленность в зависимости от перехода с военного фронта на хозяйственный[4].

Однако такое впечатление оказалось обманчивым. Начавшаяся еще в годы гражданской войны внутриэлитная борьба, оставившая множество глубочайших отметин в честолюбивом сознании большевистской гвардии, развернулась с новой силой. Надежда на спокойную и планово-размеренную созидательную работу быстро развеялась, когда под влиянием необъяснимых, с точки зрения марксистской теории, экономических трудностей поднял голову политический мятеж.

На X съезде партии, проходившем под знаком победоносного завершения гражданской войны, уже с очевидностью ощущалась неопределенность ситуации. Этот период Ленин назвал периодом "кризиса партии", который на деле был кризисом большевистской элиты. Попытка преодоления его путем введения новой экономической политики не была достаточно осмыслена делегатами съезда и серьезно не обсуждалась. "Никто, – говорил он на VII московской губконференции, – не спорил, и вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла ее совершенно единогласно"[5]. Но подлинным лейтмотивом проходившего партийного форума был настойчиво проводимый Лениным тезис о единстве партии. В кратком вступительном слове он подчеркивал: "Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!

Я не знаю, как вы оцениваете теперь это. Вполне ли, по-вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным и духовным?"[6].

Подмена понятия "политическая партия" понятиями "академия наук" или "дискуссионный клуб", от которой в свое время предостерегал Плеханов и с чем в новую эпоху активно боролся Ленин, проявилась во фрондерстве групп "демократического централизма" и "рабочей оппозиции", которые, с одной стороны, отстаивали право "рабочих" на непосредственную инициативу в выборе людей и определении мероприятий, а с другой, хотели подчеркнуть несостоятельность старых лидеров. Ленин, резко осадив В.В.Косиора, обвинявшего ЦК в том, что он передвигал руководящих партийных и профсоюзных работников из фракционных соображений[7], твердо заявил: "Если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику. Хотя

мы и делаем ошибки, перебрасывая тех или иных людей, но ... Политбюро ЦК за все время его работы сделало минимум ошибок"[8], "какой бы ЦК вы ни выбрали, он не может отказаться от распределения сил"[9]. В отношении выступлений лидера "рабочей оппозиции" А.Г.Шляпникова Ленин настойчиво рекомендовал: "Все эти рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые... пестрят и сквозят во всех речах "рабочей оппозиции", составляют девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла... <...> У нас прошло довольно много времени в дискуссии, и я должен сказать, что теперь "дискутировать винтовками" гораздо лучше, чем тезисами, преподносимыми оппозицией. Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо – тут, либо – там, с винтовкой, а не с оппозицией"[10].

Выступление Ленина должно было заставить задуматься членов оппозиционных групп над своей ролью в функционировании партийных и советских учреждений. В нем совершенно отчетливо слышалась угроза отлучения от партии тех, кто останется глухим к его увещеваниям. Характеризуя наиболее активного оппозиционера В.В. Осинского, Ленин отметил сильную его сторону – "с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берется"[11], но указал и на сторону слабую – "по любому вопросу давать платформу"[12]. Товарищеские советы "умерить свои слабости", даваемые В.В. Осинскому в ЦК, не подействовали, и Ленин публично вынес вердикт обреченному на политическую смерть партийцу: "был человек...", но "как работник погиб"[13].

Стремление членов большевистской элиты любым способом проявить себя, свою, зачастую богато одаренную натуру нередко противоречило новым требованиям вождя и Центрального Комитета: "ЦК должен смотреть за тем, чтобы натура проявлялась с пользой. ЦК должен устраивать так, чтобы (неправильные. – *Н.С.*) рассуждения обрезать... Это будет полезно. Нужно свои способности умерить… у нас хотя бы в одном наркомате сделано что-нибудь без спора? Не сделано"[14].

Попытка установления политического консенсуса, предпринятая Лениным еще на X партсъезде, далеко не сразу нашла понимание в среде "большевистской гвардии". На второй день после поименного голосования резолюции "О единстве партии" по инициативе Ленина было созвано специальное совещание, которое не стенографировалось, не велся даже протокол[15]. Воспоминания участников совещания (только они свидетельствуют о событиях, развер-

нувшихся на нем) рисовали картину сложной политической борьбы между отдельными элитными группами. Приглашение на совещание получили только делегаты съезда с дореволюционным партстажем. Ленин с тревогой говорил своей элите о важности консолидации усилий партии, которая накануне не поддержала его резолюции: "Вы – старая гвардия партии, вы в первую очередь несете перед партией ответственность за сохранение ее единства"[16]. В единстве большевистской элиты он видел залог благополучного проведения в жизнь всех решений партийного руководства, а, следовательно, и успехов в созидании нового. В то время возникновение отдельных оппозиционных групп с особой платформой и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину угрожало, по его мнению, смертельной опасностью – расколом. Подчеркнув необходимость немедленной и решительной ликвидации гибельной для партии фракционности, Ленин выдвинул требование, чтобы всякий, кто выступает с критикой недостатков в советской и партийной работе, предлагал средства их устранения и своим участием в практической работе помогал их исправить[17].

На совещании Ленин, как опытный боец, сразу попытался расстроить ряды оппозиционеров, вбить клин между их лидерами и основной рядовой массой, предоставив возможность выступить не "идеологам" групп, преследующим цель борьбы за власть, а тем представителям руководящих коллективов этих фракционных образований, которые практически работали в партийном и советском аппарате[18]. Выступление этих представителей убедили Ленина в том, что они не сделали правильных выводов из речи большевистского вождя. Эти люди не желали понимать предостерегающего значения кронштадтского восстания. Повторив упреки и претензии своих фракций, уже высказанные на съезде, и они не внесли никаких деловых практических предложений и не приняли никаких ответственных обязательств, хотя, казалось бы, признали, правда, в довольно общей и неопределенной форме, вред фракционности[19]. Уклончивые декларации представителей оппозиции о том, что они не будут нарушать партийного единства, не удовлетворили Ленина. Твердой уверенности в том, что оно не будет нарушено в будущем, их безответственные заявления не вселяли. В этих условиях гарантию единства Ленин видел в одном из пунктов предлагаемой им резолюции, дающем ЦК полномочие применять в случаях нарушения дисциплины и рецидивов фракционности все меры

партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК – перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, – исключение из партии[20].

Попытки лидеров оппозиционных групп повысить свой политический статус не за счет компетентности и эффективности работы, а за счет непосредственной апелляции к партийной массе становились для них опасными. Не все это приняли. Но выбор был не слишком богатый: либо занимать место, указанное большевистским вождем и его ближайшим окружением, либо – отлучение от партии со всеми вытекающими последствиями. Однако стремление во что бы то ни стало с помощью политической лестницы подняться еще выше побуждало идеологов оппозиции снова и снова штурмовать властные вершины. Оппозиционеры стремились убедить всех в том, что только они правильно выражают мнение и защищают интересы большинства партийной массы, и нужно лишь, используя демагогические приемы, повести ее за собой. Амбициозность лидеров оппозиции, их страстное желание пробиться к властным рычагам, заставляло во что бы то ни стало настаивать на проведении в жизнь своих взглядов, доказывать правильность и полезность своей линии и подтверждать это постоянно, не обращая внимания на угрозы, мнение вождя, резолюций центральных партийных органов.

Ослабление влияния властвующей элиты, отсутствие у нее опыта и навыков управленческого труда не могло не сказаться и на функционировании государственной машины. Исчерпывающую характеристику этому мы находим в материалах XI съезда партии: "Государство в наших руках, но действует оно не по нашему. Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, – но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины. <...> ... нужна перегруппировка сил"[21].

В сложных условиях выбора направления движения дамоклов меч раскола, нависший над большевистской элитой, многократно увеличивал опасность гибели революционных завоеваний. Угроза разрасталась и начинала обретать вполне реальные очертания. Положение усугублялось позицией второго после Ленина партийного вождя – Троцкого, подогревавшего "дискуссионные" настроения у

своих приверженцев в Центральном Комитете РКП(б). Ленину пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы Секретариат был сформирован из его сторонников. То, что на мартовском (1921г.) Пленуме ЦК Крестинский, Преображенский и Серебряков не только лишились партийных постов, но и навсегда потеряли свое членство в составе ее Центрального Комитета, свидетельствовало о крайней степени раздраженности вождя и его недовольстве безответственностью их политической позиции.

Поворот к новой экономической политике в очередной раз в истории большевизма потребовал от правящей элиты качественно новых черт: "*Нам нужно,* – писал Ленин, – *построить всю нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области*"[22]. Вождь указывал своим соратникам на ошибочность политики подбора и расстановки кадров. Государственные учреждения повсеместно возглавлялись добросовестными коммунистами, испытанными в борьбе людьми, прошедшими тюрьму, но торговать не умеющими и по этому случаю поставленные во главе гострестов. Такие коммунисты имели все неоспоримые достоинства, но с купцами конкурировать не могли[23]. Обращаясь к ним, Ленин настоятельно подчеркивал требование времени: "Кому "скучна", "неинтересна", "непонятна" эта работа, кто морщит нос или впадает в панику, или опьяняет себя декламацией об отсутствии "прежнего подъема", "прежнего энтузиазма" и т.п., – того, лучше "освободить от работы" и сдать в архив, чтобы он не мог принести вреда, ибо он не желает или не умеет подумать над своеобразием данной ступени, данного этапа борьбы"[24]. Члены партии, научившиеся действовать по-революционному, по-военному, должны были либо вновь переучиться новым методам работы, либо уступить место другим, более подходящим для новых условий людям. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим всю партийную обстановку, является пример Г.Я.Сокольникова. "Сокольников, – пишет Ленин, – делает ... во всей своей работе гигантскую ошибку, которая нас погубит наверняка, если ЦеКа вовремя не исправит его линии и не добьется действительного выполнения исправленной линии. Ошибка эта – отвлеченность, увлечение схемой (чем всегда грешил Сокольников как талантливый журналист и увлекающийся политик)". В той или иной мере подобная ситуация была характерна для большинства элитных элементов большевистской партии. Они были плохо приспособлены к конкретной управленческой работе. "Проект Сокольникова доказал, что наш милый, талантливый и ценнейший т.Сокольников в практике торговли ничего не смыслит. И он нас погубит, если ему дать ход"[25]. "Ошибающегося" Сокольникова, по установившейся уже традиции, направляют на работу подальше от центра, в Среднюю Азию, и даже тогда, когда Москве потребовались его таланты финансиста, от прежней должности освобождают не сразу: "Назначить Сокольникова членом коллегии НКФина к членам Финансовой комиссии *при условии*, что он остается *председтуркестанбюро* и обязать *ездить* в Туркестан по надобности, впредь до полного упорядочения там"[26]. Судьба Сокольникова была типична для членов большевистской элиты, совершающих просчеты, промахи и оплошности в политической работе и не выполняющих требования вождя.

Сопротивление, оказываемое непривычным требованиям, предъявляемым к партийным функционерам, выразилось в выступлениях на московской губконференции в конце октября 1921 года. Суть протеста заключалась в тезисе: "Нас в тюрьмах торговать не учили". Возражение Ленина носило весьма логичную и убедительную форму вопроса: "А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность – такой, весьма неприятной, штуке учили нас где-нибудь?"[27]. ""Когда нам говорят: "Нас в тюрьмах торговать не учили", – подчеркивал Ленин, – то в этих словах видно именно ошибочное понимание практических задач сегодняшней нашей борьбы и деятельности партии. И это как раз такая ошибка, которая состоит в перенесении приемов, подходящих к "штурму", на период "осады""[28]. Вождь с издевкой и сарказмом оценивал качества добросовестных и всеми уважаемых коммунистов, занимающих ответственные советские посты: такой коммунист "и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, – торговли вести не умеет, потому, что он не делец, этому не учился и не хочет учиться"[29]; он "немножко дерет, но зато в рот хмельного не берет", не научился бороться с волокитой и покрывает ее: "*от этого врага мы должны очиститься...*"[30]. Коммунист-революционер, в котором у властвующей партии теперь была большая нужда, чрезмерно гордящийся сделанной им величайшей в мире революцией, "на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма ... должен учиться от рядового приказчика..."[31].

Документы, принадлежащие ленинскому перу, создают устойчивое впечатление, что значительная часть старой партийной элиты становится помехой на пути реализации его планов, а потому требует серьезного обновления. Вождь откровенно признавал, что "в настоящее время ... политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него"[32]. Качественные характеристики именно этого слоя перестали удовлетворять Ленина: "Коммунист, – говорил он, – не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца"[33]. В этом заявлении таился серьезный конфликт. Бесполезность значительной части партийных чиновников Ленину была совершенно очевидна: "Если у нас имеется в партии 300–400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии"[34]. Когда Молотов в октябре 1921 года сделал на пленуме ЦК доклад об учете ответственных работников и порядке их распределения, Ленин дал категоричное указание "разработать вопрос об изучении состава ответственных работников коммунистов с точки зрения их пригодности к работе разного масштаба и разного рода, хотя бы сначала по городу Москве и одной из губерний"[35]. Вождь инструктирует аппарат и обращает его внимание на допущенную ошибку: "Мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных"[36].

Большевистскому вождю необходимо было как можно скорее избавляться от партийного балласта, "найти какие-либо средства фактической чистки партии, т.е. к уменьшению ее состава, ... и если над этим подумать, то ...ряд подходящих мер может быть изыскан"[37]. Методы устранения из партии за "комчванство" применялись самые различные и даже жестокие: "Каждого члена коллегии НКЮста, каждого деятеля этого ведомства надо бы оценивать по послужному списку, после справки: скольких коммунистов ты закатал в тюрьму втрое строже, чем беспартийных за те же проступки? <...> Не можешь ответить на этот вопрос? – значит ты шалопай, которого надо гнать из партии за "комболтовню" и за "комчванство""[38]. Предлагая проведение чистки партийных рядов, Ленин прямо указывал: "Из партии должны быть удалены все сколько-нибудь сомнительные, ненадежные, не доказавшие своей устойчивости члены РКП..."[39]. Особое внимание он требовал сосредоточить, во-первых, на вступивших в РКП(б) из других партий после октября 1917 года; во-вторых, вступивших из среды чиновников и должностных лиц, бывших на службе старых правительств; в-третьих, занимавших должности, связанные с какими-либо привилегиями; в-четвертых, принадлежащих к совслужащим[40]. "Если бы, – писал Ленин в статье, помещенной в "Правде" в сентябре 1921 года, – нам действительно удалось таким образом очистить партию сверху донизу, "не взирая на лица", завоевание революции было бы в самом деле крупнее"[41].

Вождь постоянно обращал внимание на позитивные результаты работы и строго взыскивал с соратников за промахи и неудачи. Успех в делах вполне извинял отношение недоверия "к декретам, к учреждениям, к "реорганизациям" и к сановникам, особенно из коммунистов; ... смещение коммунистов, не учащихся делу управления всерьез – такова должна быть линия наркомов и СНКома, его председателя и замов"[42]. "Главное, – по мнению Ленина, – перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на *выбор людей и проверку исполнения*. В этом гвоздь"[43]. "Мы помним, – подчеркивал Ленин, – как в Смольном мы проводили зараз по 10 и 12 декретов. То было проявлением решимости и желания пробудить опыт и самодеятельность пролетарских масс. Теперь этот опыт у нас есть. Теперь мы от рабочего контроля ... подошли вплотную к рабочему управлению..."[44].

Во второй половине февраля 1922 года Ленин в записке "О работе по-новому" дает указания своему заместителю по Совнаркому Цюрупе начать подбор элитных кадров из наиболее талантливых работников аппарата наркоматов: "Вам (и Рыкову) уделять *в первую голову*... проверку работы: вызывать к себе (или ездить) не сановников, а членов коллегий **и пониже,** деловых работников наркомата X, Y, Z, – и проверять работу, докапываться до сути, школить, учить, пороть всурьез. Изучать людей, искать *умелых* работников. В этом суть теперь..."[45]. Вождь торопился наладить работу и без сожаления расставался с теми, кого еще совсем недавно считал весьма полезными для партии элитными револю-

ционерами и кто теперь перестал отвечать потребностям времени, исчерпав свой ресурс: “Сменить людей в НКВТ. То же самое с нашими гострестами, где “во главе” святенькие члены ВЦИКа и “знаменитые” коммунисты, коих водят за нос дельцы”[46]. Ленин настаивал на том, чтобы без бюрократизма и проволочек начать формировать новую компетентную и лояльную элиту, привлекая для этого наиболее способных представителей провинциальных кадров с помощью “личного обращения к отдельным партийным товарищам, занимающим на местах достаточно влиятельное положение. <...> Но развить применение ... метода (живой связи) возможно лишь при достаточном знакомстве с действительным составом ответственных работников на местах. Поэтому просьба – срочно составить и прислать... соответствующие списки особо пригодных ... надежных товарищей с хорошим стажем, из числа членов исполкомов, губчека и т.д. по 1–2 на губернию.

... Необходима полнейшая гарантия добросовестности таких товарищей, именно: возможно более подробный стаж, партийный и советский, и *личное* ручательство за безусловную честность со стороны *нескольких* старых партийцев”[47]. Эти ленинские слова были прямым ответом на прозвучавшие из уст В.В. Осинского обвинения в отсутствии коллегиальности в партийной работе[48]. Приведенные высказывания достаточно красноречиво демонстрируют, что роль старых партийцев, участвовавших в выработке, принятии и реализации важнейших политических решений, начинает сводиться к простой рекомендации молодых кадров, обладающих качествами элитного уровня, на посты, которые они, пока еще, продолжали занимать. Это не могло не обеспокоить часть “стариков”, не вселить оппозиционность в настроения, не подтолкнуть в стан оппонентов вождя. Ленину приходилось, в который уже раз, укреплять свои позиции в партии, искать и выдвигать на командные посты новых, проверенных, надежных и способных последователей.

Требования, предъявляемые Лениным к элитным кадрам весной 1922 года, были сформулированы в его письме Каменеву: “...бросить игру в декреты (была необходимая *полоса пропаганды декретами*; это было нужно для успеха революции. *Это прошло*).

Ни тени доверия ни к декретам ни к учреждениям. Только проверять практику и *школить* за волокиту.

Только этим должны заняться умные люди. А за остальное посадить... *остальных*”[49].

Делу отбора в правящую элиту надо было придавать масштабность и ставить его на научную основу. “Написав анкету или листок последней переписи членов РКП, – обращается Ленин к Молотову по вопросу, касающемуся работы статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б), – я пришел к твердому убеждению, что дело статистики в ЦК (а, вероятно, и все учетно-распределительное дело) поставлено никуда не годно.

Либо статистикой у Вас заведует дурак, либо где-то в этих “отделах” (ежели так называются сии учреждения при ЦК) на важных постах сидят дураки и педанты, а присмотреть Вам, очевидно, некогда.

1. Надо прогнать заведующего статистическим отделом.

2. Надо перетряхнуть этот и учетно-распределительный отделы *основательно*”[50].

Ленин был крайне удивлен и возмущен тем, что при громадной власти и гигантских возможностях ЦК не может справиться с задачей объективного выявления наиболее способных к созидательной деятельности и достойных партийцев для ответственной партийной и хозяйственной работы: “Распределяем 200 – 400 тысяч партработников, а через них тысячи и тысячи беспартийных.

И это гигантское коммунистическое дело вдрызг изгажено тупым бюрократизмом!

Все переписи закончить в 1 месяц.

Разработку их свести к минимуму так, чтобы тоже кончить в месяц.

Потом разогнать 9/10 статистического и столько же учетно-распределительного отдела ЦеКа и начать строить их заново.

Была перепись “ответственных работников”? Результат, очевидно, тоже нуль; хуже, вероятно, результат минус”[51].

Требования, выдвигаемые вождем, были вполне скромны и реалистичны: без бюрократизма и волокиты составить объективный документ, вполне и всесторонне характеризующий партийного руководителя и указывающий на направление его наиболее эффективного использования. “Нужны карточки на несколько сот (для начала) крупнейших работников партии с делением на пропагандистов, администраторов, агитаторов, преподавателей и т.п. и с *отзывами* об их работе (стаж – пять, скажем, последних должностей) со стороны *таких-то* (4 – 6) лиц. А мы гонимся за тысячами и сотнями тысяч, играя в бюрократические бирюльки и *не учась* распределять людей”[52].

Вождя удручало состояние дел в аппарате ЦК, который занимался лишь подведением итогов, но “едва ли мог ... руководить в подлинном значении этого слова”[53], и в котором вполне назрела необходимость кардинальной перестройки. Решение этой задачи было поручено Сталину как противовесу Троцкому и троцкистам. Молотов вспоминал: “На XI съезде появился так называемый “список десятки” – фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. И против фамилии Сталина рукой Ленина было написано: “Генеральный секретарь””. Ленин подготовил и провел собрание кандидатов в новый состав ЦК. Несмотря на запрещение X съездом фракций и группировок, собрание носило, безусловно, фракционный и секретный характер: троцкистов, членов групп демократического централизма и рабочей оппозиции на него не пригласили. Присутствовали “только одни крепкие сторонники “десятки””. “Я хочу, – инструктировал их Ленин, – чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию, надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! Список “десятки” надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам, добавлять: вот этот хороший литератор, его надо, этот хороший оратор – и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить!”[54]. Чтобы обеспечить в объединенном пленуме ЦК и ЦКК 2/3 голосов за своими сторонниками, Ленин предложил от “платформы десяти” избрать в члены Центрального Комитета 25 человек, кандидатами в члены ЦК – 15 и членами ЦКК – 7. Делегатам съезда, не стоящим на “платформе десяти”, предлагалось предоставить 9 мест для членов ЦК, 2 или 3 места – для кандидатов[55].

Ленин в этот период особенно нуждался в политической поддержке, в верных исполнителях своей воли, сконцентрированной в решениях партии. Он требовал от элитных работников, входящих в аппарат ЦК, заниматься исключительно политическими вопросами, а вопросы технического характера переложить на заместителей и помощников. “Вам надо *себя избавить* от мелочей (свалить их на помов и помпомов) и заняться целиком делом *полит-секретаря* и *заведующего направлением* работы по организации, учету и т.д.”[56] – писал он Молотову. Проблема возникла не случайно. Секретариат ЦК тратил уйму времени на мелкие, так называемые “вермишельные вопросы” и за ними не замечал главного. По оценке Молотова, его предшественник в Секретариате Центрального Комитета – Крестинский – был скорее управделами, а не

политическим работником[57]. Избранный пленумом ЦК 16 марта 1921 года новый состав Секретариата: Молотов, Михайлов, Ярославский – не сразу преодолел сложившуюся тенденцию. Молотов свидетельствует о том, что Ярославский стремился повышать свой авторитет, выполняя всякие мелкие просьбы: “кому штаны достать, кому ботинки”. Информация дошла до Ленина и тот на августовском Пленуме ЦК неожиданно для всех поставил вопрос о посылке Ярославского в Сибирь: “Здесь мы найдем вместо него человека, члена ЦК, а в Сибири – там не хватает людей, надо подсобить”[58]. Ярославский сразу понял, кто стоит за этим ленинским решением и обвинил Молотова в интриганстве и карьеризме. Однако вопрос был уже решен: “Я ... хочу, – отвечал Молотов, – чтобы вы работали где-нибудь в другом месте”[59].

Большие надежды Ленин возлагал на молодых партийных работников. В 1922 году на одном из заседаний Политбюро он говорил: “Мы, товарищи, пятидесятилетние, вы, товарищи, сорокалетние, нам надо готовить смену, тридцатилетних и двадцатилетних: выбрать и постепенно готовить к руководящей работе”[60].

Для начала решили ограничиться двумя тридцатилетними: В.М.Михайловым и Л.М.Кагановичем. Оба обратили на себя внимание вождя и показались ему перспективными молодыми политиками, которые после приобретения опыта работы в центральных органах партии могли бы стать ее лидерами; оба были выдвинуты на ответственную работу в аппарат ЦК. Однако только Каганович оказался достаточно способным человеком и оправдал возлагавшиеся на него надежды. Михайлову большие государственные дела оказались не под силу: с должности секретаря ЦК ВКП(б) его переместили в Московский комитет, затем в Замоскворецкий райком; в конце концов его вовсе отстраняют от партийной работы и направляют сначала руководить профсоюзами, а потом переводят на работу хозяйственную[61]. В 1937 г. он погиб.

Каганович, по оценкам знавших его людей, живой и умный, все быстро схватывающий, державшийся сначала при Молотове, постепенно становится одним из основных сталинцев, выполняющих все его поручения. Подстраиваясь под начальника, он поневоле перенимал его черты, приемы и методы работы. “Если, – пишет Б.Бажанов, – у него была вначале совесть и другие человеческие качества, то потом в порядке приспособления к сталинским требованиям все эти качества исчезли, и он стал, как и Молотов, стопроцентным сталинцем”[62]. Его качественный ряд постепенно дрейфовал, претерпевая существенные изменения.

Дефицит образованных партийных кадров в организационных структурах ВКП(б) был очень велик. Партийная перепись 1922 года показала, что 79% членов партии занимали чиновничьи места. Их власть была вопиюще несоразмерна с культурным уровнем (только 0,6% из них имели высшее образование, а 6,4% – среднее). Почти 93% членов партии были полуграмотными или вовсе неграмотными[63]. Задача добиться позитивных сдвигов в деятельности аппарата ЦК требовала хотя бы небольшого количества образованных людей, и их стали принимать туда даже без всесторонней проверки. Один из друзей студента МВТУ Б.Бажанова подсказал: "аппарат ЦК сейчас сильно расширяется, там нужда в грамотных работниках". Управляющий делами Центрального Комитета Ксенофонтов (бывший член коллегии ВЧК), производящий первичный отбор, узнав, что Бажанов был в прошлом секретарем укома партии и секретарем ячейки в Высшем техническом училище, сразу направил его в Орготдел ЦК, где он и был принят[64]. Этим путем прошло немало высокопоставленных партийных функционеров (например, Малышев, Первухин, Сабуров)[65], но более других преуспел Георгий Маленков[66], ставший вторым, после Сталина, человеком в правительстве и партии.

Хранившуюся в течение десятилетий тайну отношений, сложившихся в аппарате Центрального Комитета РКП(б) в двадцатые годы, приоткрывают в своих воспоминаниях люди, работавшие в нем непосредственно: Борис Бажанов, Лазарь Каганович, Вячеслав Молотов.

Выгоды службы в аппарате ЦК описывает Б.Бажанов. Определившись на работу, он резко улучшил свои жилищные условия, качество питания и весь бытовой уклад[67]. Ему удалось быстро доказать свою полезность: за малограмотного Кагановича написал статью в журнал "Советское строительство"; внимательно слушал и умело правил речи выступающих на XI съезде партии; приложил руку к подготовке проекта нового партийного устава; легко формулировал резолюции и решения различных комиссий, в которых участвовал; навел порядок в бумажном море, бушевавшем в канцелярии Молотова. Молотов, прямой начальник Бажанова, благодарно отмечал: "Вы мне сберегаете массу времени"[68]. На него обратил внимание Сталин. Бажанов становится его помощником и секретарем по Политбюро.

Молодые сотрудники аппарата ЦК, нуждающиеся в опоре и защите, часто задумывались над вопросом, на кого из партийных лидеров делать ставку[69]. Правильная и своевременно сделанная ставка могла обеспечить в будущем весьма респектабельное положение в пирамиде власти, а при некоторой доле везения вознести на ее вершину. Судьба многих молодых функционеров – яркий пример подобной головокружительной карьеры. Секретари и помощники вождей большевизма, находясь в лучах славы своих патронов и действуя от их имени, приобщались к кормилу правления. В дальнейшем судьбы этих людей сложились по-разному: большинство погибли в сталинской мясорубке, другие эмигрировали на Запад, третьи, сделавшие правильный выбор, умело маневрируя, пополнили правящую элиту.

Каждый политический лидер предъявлял к своим сотрудникам и последователям различные эталонные требования и на основе вполне определенных критериев негласно формировал собственные элитные группы, которые, пользуясь огромным доверием, помогали лидерам в осуществлении самых сокровенных замыслов. Секретари вождей набирали себе помощников исходя, главным образом, из того же принципа – принципа личной преданности. Внутриэлитная борьба находила выражение в стремлении крепко сколоченных групп, ориентированных на лидера, усиливать свое влияние в партийных структурах. Занимая господствующее положение, такая элитная группа расширялась и объективно начинала борьбу за поглощение и вытеснение менее сильных объединений и, в конце концов, избавлялась от соперников. Надвигающийся крайний экстремизм не прощал их не вследствие их естественных слабостей и недостатков, а по причине твердой и обдуманной умеренности и умственной независимости, – т.е. тех черт, которые особенно были ненавистны новой волне невежественного радикализма.

На XI съезде партии Ленин открыто говорил о трудностях, вызванных нехваткой исполнительных и опытных людей. Он вступился за Сталина, обвиненного Е.А.Преображенским в том, что тот одновременно руководил двумя комиссариатами: "Кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе?"[70]. Тем не менее, сам вождь достаточно резко критиковал работу Наркомнаца[71] и РКИ[72] – подведомственных Сталину учреждений: "от Рабкрина ... **смешно** ждать большего, чем исполнение *п р о с т ы х* поручений"[73], "наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать"[74].

В этой связи нелепо и достаточно наивно выглядят планы большевистского лидера использовать для победы в борьбе с бюрократизмом и волокитой всю рабочую массу. Он требует: "мужчин и *женщин особенно*, провести через участие в Рабоче-Крестьянской инспекции", "участие это, – писал Ленин, – сделать различным, смотря по степени различия участников: начиная с роли "послуха" или свидетеля или понятого или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян, – кончая всеми правами ... для грамотных, развитых, *испытанных* так или иначе"[75]. Директива Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о рабочей инспекции, принятая в январе 1920 года, гласила: "на рабочую инспекцию не брать квалифицированных рабочих, а только неквалифицированных и главным образом женщин"[76]. Переоценивая значение этих действий, вождь с необъяснимой надеждой говорил: "мы создали органы, через которые не только мужчины, но и женщины, самый отсталый и неподвижный элемент, могут быть проведены поголовно"[77]. Участвовать в государственном управлении, по мнению вождя, могли и должны были неграмотные и неквалифицированные люди. Этим "кадрам" нашли самое "достойное применение" – направили управлять государством. Мало того, участие малограмотных людей в управлении большевистским вождям было жизненно необходимо. Вероятно, отсюда и берет свое начало весьма привлекательный для партийных низов лозунг о "кухарках, управляющих государством". По крайней мере, контроль этих кадров за управлением, должен был, по мнению вождя, удержать советский партийно-государственный корабль в рамках определенного большевиками курса. "При нашей отчаянной "ведомственности", – писал Ленин, – даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы"[78].

Стремление во что бы то ни стало заполучить партийно-государственный аппарат из представителей рабочего класса заставляло Ленина снова и снова думать над этой проблемой: "Сейчас в Рабкрине около 12 000 человек аппарата, плохого и плохо оплачиваемого ... следует сократить и улучшить его; например, оставить 1/6 долю при 1/2 прежнего содержания, т.е. повысить содержание втрое; выделить сначала десятки, потом сотни наилучших, безусловно честных и умелых работников, кои имеются и сейчас, но не

подсчитаны, не выделены, не сгруппированы, не организованы. Это можно и должно сделать"[79]. Вполне возможно, что Ленин не смог предусмотреть того, что плохо образованные люди будут отдавать предпочтение не содержательной стороне работы и ее качеству, а, главным образом, форме и различным ее внешним проявлениям. Вероятно и то, что он просто не мог придумать ничего более подходящего для привлечения массы к деятельности по управлению государством.

Ленин планировал повысить роль и значение Рабкрина организационными перестановками. Перевод Сталина в Секретариат ЦК позволил затем заняться селекцией лучших, наиболее способных людей из аппарата РКИ, коих начали подбирать Цюрупа и Рыков. Их задача была определена Лениным: "выработать (путем испытания их и Вами и обоими замами на *практических* поручениях) людей особо и безусловно надежных, умеющих быстро и безусловно а) *добиваться* исполнения; б) проверять исполнение; в) проверять правильность *аппарата* в том или ином наркомате, отделе, Мос или Петросовете и т.д.; г) инструктировать насчет того, *как* ставить работу. <...> Этих людей подбирать *очень* медленно, с тем чтобы лишь после многократного испытания превращать их, так сказать, в "особоуполномоченных" инспекторов и инструкторов; число их довести, *постепенно*, до нескольких десятков"[80].

На общем, весьма безрадостном, фоне такое положение с элитными кадрами не выглядело чем-то исключительным, из ряда вон выходящим: "У нас 18 наркоматов, – с грустью признавался Ленин, – из них не менее 15-ти – никуда не годны, – найти везде хороших наркомов нельзя, дай бог, чтобы люди уделяли этому больше внимания"[81]. Однозначно положительную оценку получили лишь два бывших наркома, ставших заместителями председателя СНК – Рыков и Цюрупа: Рыков за то, что, работая в Чусоснабарме, "сумел подтянуть дело, и дело шло", а Цюрупа в Наркомпроде сумел поставить "один из лучших наркоматов". И если они оба "максимум внимания обратят на то, чтобы подтягивать наркоматы в смысле исполнения и ответственности, то тут, хотя и маленький, шаг мы сделаем"[82]. Рыков, по мнению вождя, "должен быть членом бюро ЦК и членом Президиума ВЦИК, потому что между этими учреждениями должна быть связь, потому что без этой связи основные колеса иногда идут вхолостую" и потому, что он хороший администратор[83].

Вождю было совершенно очевидно, что правящую группу придется формировать заново и не из представителей "старой гвардии", а из совершенно иных людей: "Надо сознать, – настойчиво убеждал своих соратников Ленин, – и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны учиться"[84].

Неумение управлять, неумение торговать, нежелание нести ответственность за принимаемые решения и неспособность учиться всему этому – отличительные особенности значительной части большевистской революционной гвардии. Ошибки, сделанные при отборе в государственный аппарат, были, по мнению вождя, во многом обусловлены стихийностью этой работы и слабым участием в ней пролетариев. Именно пролетарские слои вождь считал основным резервом новой волны правящей элиты. Однако "лучшие рабочие (а только на одних рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма)[85] шли и боролись за самые трудные обязанности и в области военной и в области гражданской, брались сплошь и рядом неправильно..."[86], "они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще"[87]. Приток представителей рабочего класса в управленческие структуры, вопреки всем декретам, призывам и агитации, был слишком слабым. Вождь справедливо подчеркивал: ""Без известной "передышки" этих новых сил нет; иначе как медленно они не нарастут; иначе как на базе восстановленной крупной индустрии ... им взяться *неоткуда*""[88]. Эти люди были недостаточно просвещены и не могли непосредственно выдвинуть из своих рядов не только полноценных представителей в правящую элиту, но и составить ее достойный резерв. Грандиозные идеи марксизма не могли быть осуществлены путем "красногвардейской атаки". Вождь призывал не торопиться в деле просвещения большевистских масс. "Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его – не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме – на высшие ступени культуры"[89]. При этом, считал Ленин, "надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо

взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал.

Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности"[90], но "для нашего госаппарата именно теперь настала, наконец, пора, когда мы должны поработать над ним как следует, со всей серьезностью, и когда едва ли не самой вредной чертой этой работы будет торопливость"[91]. "У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих"[92].

Из ленинских высказываний становится очевидным, что основным источником пополнения правящей элиты должны были стать служащие Рабкрина и члены ЦКК непременно пролетарского происхождения. "Служащих Рабкрина мы, – пишет Ленин, – должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания"[93]. "Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты, и я думаю, что над ними надо еще длительно поработать, чтобы обучить их приемам и задачам их работы"[94]. Кроме того, "помощниками в этой работе должно быть определенное число секретарского персонала, от которого надо будет требовать тройной проверки перед назначением его на службу. Наконец, те должностные лица, которых мы решимся, в виде исключения, поставить сразу на места служащих Рабкрина, должны удовлетворять следующим условиям:

во-первых, они должны быть рекомендованы несколькими коммунистами;

во-вторых, они должны выдержать испытание на знание нашего госаппарата;

в-третьих, они должны выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления, делопроизводства и т.д.;

в-четвертых, они должны сработаться с членами ЦКК и со своим секретариатом так, чтобы мы могли ручаться за работу всего этого аппарата в целом"[95].

Ленин требовал назначения двух специальных комиссий: одну для составления первоначальной программы экзаменов "на кандидата в служащие Рабкрина; то же – на кандидата в члены ЦКК"; другую, подготовительную, "для подыскания кандидатов на долж-

ность членов ЦКК"[96]. Он выражал уверенность в том, что "на эту должность … найдется теперь уже более чем достаточно кандидатов как из числа опытных работников всех ведомств, так и из числа студентов наших советских школ", в которых "мы должны искать соединения многих качеств, соединения неодинаковых достоинств..."[97]. Он считал абсолютно "нежелательным, если бы новый наркомат был составлен по одному шаблону, допустим, из типа людей характера чиновников, или с исключением людей характера агитаторов, или с исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги, не особенно обычные для такого рода работников, и т.д."[98].

Однако и плохо образованная масса партийцев, стоящая вне культуры, но имеющая большие заслуги перед новой властью, нуждалась в хорошо оплачиваемых местах. Их убежищем было бесчисленное количество комиссий, советов, коллегий, где они быстро научились прятать свою некомпетентность за коллегиальные решения. Совет Народных Комиссаров даже принял специальное решение: "1) Поручить ВСНХ проводить постепенно сокращение числа членов коллегий, в частности выяснить опыт единоличного управления либо коммунистами, либо спецами при комиссарах-коммунистах. 2) Наряду с коллегиальностью обсуждения и решения неуклонно проводить осуществление единоличной ответственности за исполнение как определенных видов работ, так и отдельных операций"[99]. В марте 1922 года Ленин вновь вернулся к этой теме: "На днях была проведена чистка комиссий. Насчитали 120 комиссий. А сколько оказались необходимыми? 16 комиссий. И это – не первая чистка. Вместо того чтобы отвечать за свое дело, вынести решения Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ, – прячутся за комиссии"[100]. "Те, – жестко обращался он к партии, – десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ведут и не умеют вести, подвергнутся той же чистке"[101].

Однако ни сокращение кадров, ни чистки не обеспечивали желаемого результата. Еще в августе 1918 года в Москве была произведена первая перепись управленческого аппарата, выявившая 231 тысячу государственных и советских служащих (центральных, местных московских, городских). В октябре 1922 г. перепись повторили. Уверенность большевистского руководства в том, что аппарат, несколько раз подвергавшийся сокращению, окажется меньшим, не была вознаграждена – он возрос на 12 тысяч человек и достиг уровня 243 тысяч[102]. Причем было совершенно ясно, что

большинство из них не были пригодны к управленческой работе, но не хотели этого признавать. Надеяться на то, что, осознав свою профнепригодность, они сами уйдут с насиженных мест, не приходилось. Поэтому нужна была большая работа по "*проверке пригодности людей*" и их ротации. Выступая на заседании коммунистической фракции съезда металлистов, вождь угрожал: "Следующая чистка пойдет на коммунистов, *мнящих* себя администраторами". Ленин решительно предлагал этим людям, пока не поздно, пробираться "лучше в область пропагандистской, агитаторской и всякой иной полезной работы"[103], но оставить руководящие административные посты.

Борьба с подобными явлениями невольно обостряла отношения в большевистском руководстве, подталкивая к расколу. Партийные функционеры, имевшие различные ранги и не способные к практической работе, обеспокоились своим будущим. Одни не желали мириться с ролью политических статистов, другие, напротив, хотели иметь привилегии и доступ к материальным благам, не претендуя на высокие властные позиции, но выражая готовность поддержать того, кто мог им это обеспечить.

Ленин через Политбюро усиливал нажим на некомпетентных административных работников. Он требовал максимума быстроты, энергии, устранения бюрократизма и волокиты в этом важном деле.

Политика "кнута" дополнялась политикой "пряника". Эффективное выполнение заданий руководства партии поощрялось переводом на премиальную систему возможно большего числа ответственных лиц[104], которые вслед за "спецами" приобщались к принципу материальной заинтересованности[105]. Это требование в первую очередь относилось к ответственным работникам НКВТ, Госбанку, Центросоюзу и ВСНХ[106] . Ленин считал, что "всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как орденом трудового знамени, так и денежными премиями"[107]. Вождя не пугала опасность развития стяжательских тенденций как у кадров правящей элиты, так и у претендентов на ее членство. Он обращал внимание главным образом на полезные для дела партии свойства характера и мало интересовался моральной стороной вопроса. Между тем, нравственное разложение партийной "верхушки" становилось все очевиднее. Один из ответственных представителей большевистского руководства Адольф Иоффе в частном письме Троцкому жаловался на гниение, поразившее организм партии: "сверху донизу и снизу доверху – одно и то же. На самом низу дело сводится к паре сапог и гимнастерке;

выше – автомобилю, вагону, совнаркомовской столовой, квартире в Кремле или "Национале"; а на самом верху, где имеется уже и то, и другое, и третье, – к престижу, громкому положению и известному имени"[108].

Один из самых значительных пороков человеческого общества – зависть – у оппозиционных вождей была очень развита. Примечательно, что, по свидетельству старого революционера Георгия Соломона (Исецкого), некоторое время работавшего с Иоффе в Советском полпредстве в Берлине, эти мысли стали приходить в голову Иоффе только тогда, когда он, сделав ставку на Троцкого, упустил шанс приобрести более важное положение в большевистской политической элите[109]. Паркинсон, специалист в области изучения бюрократических систем, назвал такое положение "синдромом осложненной неполноценности", распознать который намного легче, чем вылечить[110]. Профессиональная карьера члена большевистской элиты в его мнимом идеале базировалась на своеобразном контракте между ним и вождем: элитный элемент посвящает себя служению вождю, олицетворяющему идею, в обмен получая гарантированную должность (нередко пожизненную), стабильную и высокую оплату своего "труда" и возможность продвижения по служебной лестнице.

Требование фанатичной преданности социалистической идее и делу партии, предъявляемое большевистской гвардии на ранних этапах борьбы, постепенно стало дополняться непременными условиями – квалифицированной компетентности и преданности, но не идее, а новому вождю. Переход к этим принципам позволил по-новому подойти к отбору кандидатов в правящую элиту, поощряя за успехи, проверяя в деле и способствуя продвижению высококвалифицированных специалистов-управленцев, обеспечивающих поступательное движение всей системе. "Сплошь и рядом, – продолжал убеждать Ленин своих соратников, – буржуазные деятели знают дело лучше, чем лучшие коммунисты, имеющие власть, все возможности и ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своей властью"[111]. Некультурность принижала авторитет Советской власти, воссоздавала бюрократию, затрудняла отбор действительно лучших в партийную элиту. Глубинная суть большинства возникающих конфликтов в руководстве партии заключалась в том, что власть, по причине некомпетентности, стала незаметно уходить из рук основной массы "большевистской гвардии" и перемещаться в сторону сотрудников перманентно функционирующих органов, новых лидеров и их команд.

7

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЭЛИТА И НОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Процесс превращения Сталина в общепризнанного вождя партии и лидера страны коренным образом повлиял на приоритеты и параметры большевистской элиты. Внезапность и скоротечность этих событий широкими кругами партийцев воспринималась как крутой поворот, как сдвиг в самой революции. Резко меняются востребованные "эталонные" характеристики новых кандидатов, отбор в элиту начинает осуществляться людьми, которые сами, еще совсем недавно, из-за отсутствия требуемых "вождем-основателем" качеств в нее не входили. На элитные должности пробиваются совершенно несоответствующие столь высокому положению кадры. Во многом спонтанный и мобилизационный характер отбора, сложившийся в ходе революционных и военных событий, постепенно уступал место целенаправленному формированию элитных групп. Причем идентификация элитообразующих качеств начинает осуществляться не как раньше – с качествами профессиональных революционеров, командиров и комиссаров Красной Армии, а с качествами трудящегося класса – "рабочих от станка" и "крестьянина от сохи". Новый вождь, новые соперники и новая обстановка стали диктовать иную политику подбора кадров. Мотивация отбора проявлялась в целях и результатах политических чисток. Их данные свидетельствовали о том, что из партии в первую очередь удалялись представители наиболее образованных и, следовательно, по мнению большевистских лидеров, наименее надежных городских слоев[1].

Из каких же социальных слоев, групп, классов вождь-основатель завещал последующему поколению лидеров партии черпать материал, который гарантировал бы большевистскому руководству создание самого демократичного и "лучшего в мире аппарата"? Что следовало бы предпринять для приобщения новых кандидатов к элитной цекистской работе? Как предотвратить ситуации, "чтобы

конфликты небольших частей ЦК" не могли получить слишком большое значение "для всех судеб партии"? Из этой, на первый взгляд тупиковой ситуации, вождь-основатель предлагал лишь один-единственный выход: опираясь на широкие пролетарские массы, увеличивать правящую элиту, составляющую значительную часть ЦК, президиума ЦКК и РКИ, исключительно за их счет.

Необходимо подчеркнуть, что вождь-основатель, не удовлетворенный старым кадровым составом, настоятельно рекомендовал осуществлять формирование новых элитных элементов, используя иной принцип: "преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться"[2]. В приведенном ленинском высказывании прямо не уточняется, что это за нежелательные традиции и предубеждения, но из многих иных его рассуждений становится ясно, что речь идет о приемах, методах и сложившихся навыках работы бюрократического свойства. Большевистский вождь предлагал включать в число членов высшей организационной структуры партии – ее Центральный Комитет – преимущественно рабочих, стоящих "ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих", и принадлежащих "ближе к числу рядовых рабочих и крестьян"[3]. Он рекомендовал не заниматься одним только "перетряхиванием" исключительно верхушки аппарата, его элитных слоев, а обратиться к основной массе пролетариата. Политические наследники Ленина приняли к строгому исполнению его завет – заняться поисками более подходящих людей для замены уже сложившихся кадров руководящих деятелей партии, государства, хозяйственных и иных структур. Это было в их интересах.

Социальный состав РКП(б), из которого в будущем и должна была формироваться новая, уже сталинская, политическая элита, претерпевает существенное изменение. Партийные ряды росли теперь не столько за счет разночинцев и рабочих (как до революции), сколько за счет крестьян и нигде не работающих городских низов. "Наша партия, – писал в 1922 году Ленин, – теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская"[4]. Недостаточно пролетарская среда в стране с разрушенной после империалистической и гражданской войн промышленностью давала партии прирост более пятидесяти процентов ее численности. Однако такое положение не отвечало "выражавшей интересы пролетариата" теории и практике большевизма. Мало того, лидеры "рабочей оппозиции" постоянно инкриминировали большевикам недоверие к "силам и способностям" рабочего класса, пренебрежительное и стойкое нежелание выдвигать на элитные посты рабочих. Большевистское руководство, признавая сам факт незначительного притока пролетарских представителей в партию и слабое их выдвижение, решительно возражало против критики в свой адрес якобы за сознательное нежелание привлекать в элиту представителей пролетарских масс. Эти обвинения были небезосновательными. Категорически отвергая нападки "рабочей оппозиции", большевики оправдывали сложившееся положение тем, что это происходит как раз "вопреки всем декретам, призывам, агитации, вопреки всем приказам о "выдвигании беспартийных"". Действительно слабый пролетарский приток на "командные посты" большевистские лидеры объясняли тем, что "силы рабочего класса не безграничны"[5] и они существенно растрачены в годы революции и гражданской войны. Условия разрухи объективно сдерживали такое "выдвигание". Его мог обеспечить только промышленный подъем, который еще только планировался. А пока, считал вождь-основатель, "под лозунгом "побольше доверия к силе рабочего класса" проводится ... *на деле* усиление меньшевистских и анархистских влияний..."[6]. На закате своей политической карьеры Ленин пришел к выводу, что пролетарская масса в России вполне и с успехом может быть использована как слепое орудие чужой воли. От того, кому (аппарату или оппозиции) удастся распространить на партийную массу свое влияние и направить ее энергетический потенциал в требуемое русло, зависели перспективы созидательной работы, мощь Советского государства и победа последователей Ленина во внутриэлитной борьбе.

Большевистские вожди, сменившие у руля управления Ленина, прекрасно усвоили его наставления. Они разделяли его взгляды и считали, что рассчитывать на сокрушение всех оппозиционных группировок и удерживать в руках политическую власть, не делая ставку на привлечение надежных и "способных" рабочих, будет весьма затруднительно. Необходимость непосредственного обращения к пролетарской массе, вовлечения ее представителей в партию, а затем и размещения наиболее лояльных из них на руководящих постах при одновременном существенном ограничении доступа к этому "позитивному" процессу выходцам из иных социальных групп становилась очевидной. Ситуация в партии и стране

серьезно осложнялась наступательными действиями оппозиции, рассчитывающей на успех благодаря сосредоточенным в ее рядах наиболее качественным политическим и хозяйственным силам[7]. Однако законы функционирования власти требовали укрепления позиций одной части вождей в ее борьбе с другой частью. "Тройка" (Зиновьев, Каменев и Сталин) не выглядела в данном вопросе монолитно единой. Зиновьев и Каменев, хотя открыто и не выступали против продвижения в элиту рабочих, в борьбе с троцкистами делали основную ставку на наиболее им близкую и поддерживающую их группу старых большевиков, в среде которых Сталин не пользовался большим авторитетом и влиянием. Позиция Сталина формировалась под воздействием объективных обстоятельств, личного интереса и ленинских взглядов. Выгодность проекта, предложенного Лениным, была для Сталина очевидной, и он старался использовать этот благоприятный момент в своих целях.

Члены "тройки" не вступали в конфликт друг с другом из-за этой проблемы потому, что у них были куда более важные задачи. Им необходимо было хотя бы временно зафиксировать сложившееся статус-кво, а затем, в удобный момент, окончательно переместиться на лидирующие позиции. Устранение угрозы своим намерениям они видели в ослаблении группировки Троцкого путем элиминации тех, на кого он опирался. Для продвижения на элитные посты учитывалось только одно качество – антитроцкизм, все остальное имело вторичный характер.

Аппарат, находящийся под влиянием Сталина, начинает осуществлять интенсивную подготовительную кампанию по массовому приему в РКП(б) представителей пролетарских слоев и выдвижении их на командные посты. Начальный этап реализации этих планов не сулил успеха. Все принимаемые в 1922 году меры дали ошеломляющий для руководства партии результат: рабочих, непосредственно занятых на заводах и фабриках физическим трудом, вступило в партию лишь 3,2%, крестьян "от сохи" – 3,4%, в то время как число вступивших служащих было на порядок выше – 39,4%[8]. Служащие, в составе которых находилось немало работников управленческого аппарата царской России, а также члены враждебных большевикам политических партий – меньшевики и эсеры – для проникновения в партию проявляли особую настойчивость и изобретательность. Обеспокоенность большевистских лидеров заметно возросшим влиянием непролетарских элементов была публично выражена еще на XI партийном съезде. Их естественное выбытие и даже искусственное удаление с лихвой покрывалось такими же представителями, вступившими вновь. Этому процессу, с точки зрения сторонников "тройки", необходимо было поставить искусственный заслон: социальный состав партии нуждался в постоянном пристальном контроле и регулировании. В связи с этим важнейшей задачей очистительных кампаний и кампаний по приему новых членов становилось существенное изменение классовых и политических пропорций.

Реализация этой целевой установки побудила политическое руководство незадолго до смерти Ленина и при его настойчивом требовании принять специальное решение о массовой вербовке в партию "рабочих от станка" и "крестьян от сохи". "Тройка", во многом определяющая политику партийного строительства и осуществляющая свои планы в борьбе за власть, инициировала на XIII партконференции вовлечение в РКП(б) в течение года минимум 100 тыс. человек[9], широко раскрыв двери перед рабочими и максимально сократив прием непролетарских элементов[10]. Январский (1924 г.) Пленум ЦК, проходивший после кончины вождя, объявил ленинский призыв, в ходе которого в партию должны были влиться исключительно рабочие кадры с промышленного производства. Для этой категории людей устанавливались упрощенные правила приема: без рекомендаций (на общем собрании) и даже через подачу групповых заявлений. Уже через четыре месяца XIII съезд РКП(б) объявил о приеме свыше 200 тысяч новых кандидатов-рабочих, благодаря чему существенно изменилось количественное соотношение членов партии, происходящих из пролетарских и непролетарских слоев, и качественное состояние партии в целом.

Цель поставленной съездом задачи заключалась не в простом увеличении числа членов партии. Слишком большая и плохо управляемая партия ни вождям, ни аппарату не требовалась. Более того, для них она была опасна. Находящийся под контролем Сталина аппарат прекрасно сознавал, что наиболее активные рабочие-коммунисты, являющиеся связующей нитью между ЦК и беспартийными, почти целиком поглощены административной и хозяйственной деятельностью и потому отвлечены от основной массы своего класса. Обеспечение партийного прироста должно было быть осуществлено за счет наиболее управляемых пролетарских кадров именно с производства, поэтому партийным организациям поручалось уделять особое внимание этой категории работников, делая все возможное, чтобы, не отрывая их от производственной

работы и сохраняя в пролетарской среде, "помочь в повышении культурного уровня, всемерно облегчая возможность действительного их участия во всех делах партии"[11], разумеется, под контролем и влиянием самого аппарата и в его интересах.

Эту стратегически важную для партийного руководства кампанию нельзя было упускать из поля зрения, предоставив стихийному и естественному ходу – самотеку. Оппозиция могла перехватить инициативу. Формулируя резолюцию XIII съезда РКП(б), подводящую итог целенаправленного партийного строительства, аппарат с "чувством глубокого удовлетворения" констатировал: "опыт вербовки ... показал, что в партию идут в настоящее время в первую голову те из рабочих, которые лучше знают работу партии *последних лет* (курсив мой. – Н.С.), цели и задачи ее борьбы и которые за последний год уже близко стояли к самой партии"[12]. Желаемые для сталинского аппарата процессы начали набирать силы и ускоряться именно так, как они и хотели. Бесстрастный архивный материал свидетельствует: если в партийной среде в целом лиц с высшим и средним образованием находилось 8,7%[13], то в среде оппозиции их было 45,1%[14]. Оппозиционным группировкам противопоставлялся мощный количественный противовес из малограмотных и плохо разбирающихся в теоретических и эмпирических вопросах людей, незнакомых с историей партии и той ролью, которую ее элитные элементы, находящиеся теперь как в оппозиции, так и в партийном аппарате, играли в революционных событиях. В новую генерацию партийцев старались включать тех, кто на своем жизненном пути в непосредственный контакт с активными членами оппозиционных групп не входил и, следовательно, личных мотивов для их поддержки иметь не мог. Новобранцы сталинского призыва относились к поседевшей в эмиграции и подорвавшей здоровье в ссылках и на каторге большевистской гвардии не как к людям, имеющим пожизненное легитимное право на элитные посты. Они поддерживали не тех, кого травят и преследуют, а тех, кто травит и преследует; они шли не совершать революцию, а занимать "тепленькие" места[15].

Аппарат ЦК под лозунгом преодоления оппортунизма всячески поощрял обострение внутриэлитной борьбы, интриговал, стимулировал раскол, усиливал междоусобную вражду. Одновременно он лицемерно и категорически угрожал "политически уничтожить всякого, кто покусится на единство партийных рядов"[16]. Борис Бажанов отмечал "лживость и надуманность большинства разногла-

сий. Главное – повергнуть соперника и завладеть властью. Но нельзя было иметь такой вид, что это безыдейная борьба пауков в банке. Надо было делать вид, что это борьба высокоидейная и разногласия необычайно важны: от того или другого их решения зависит будто бы чуть ли не все будущее революции"[17]. Руководство партии делало вид, что является выразителем мнения партийного большинства. Идти против партийного большинства означало нарушать положения устава РКП о партийной дисциплине. Единство аппарат понимал как безоговорочную капитуляцию, как безусловное подчинение и отказ от своих убеждений. Однако добиться от старой гвардии готовности всем пожертвовать ради того, что они считали правильным, было невозможно. Эти люди были не способны к долготерпению, свойственному простому русскому человеку. Попытки соратников Сталина добиться от оппозиционеров рабского послушания, готовности выполнить любой приказ вождя, признать его превосходство над собой были обречены. Настороженное отношение сталинистов к старшему поколению революционеров объяснялось просто: они боялись заговора. "Каждое недовольство, – писал Троцкий, – каждое сближение между собой недовольных, критика и рассуждения о том, что сделать, как приостановить пагубную политику правительства, есть, с точки зрения Сталина, заговор. И при тоталитарном режиме, несомненно, всякая оппозиция является эмбрионом заговора"[18].

В руководстве РКП(б) пришли к выводу, что движение кадров в элиту следует осуществлять через обучение на практике, а не через обучение теории. В партийных документах 1924 года с настойчивой требовательностью подчеркивалось, что привлечение новых членов партии – промышленных пролетариев – на практическую государственную и партийную работу нельзя откладывать даже на самый незначительный срок, а следует как можно скорее "максимальное их количество связать с той или другой практической работой в государственных ... партийных и других организациях". Причем, специально оговаривалось положение, что "этому *не должна мешать неподготовленность новых членов партии* (курсив мой. – *Н.С.*) и, в частности, не должно мешать *непрохождение ими какого-либо партийно-пропагандистского курса*"[19]. Неподготовленность, неопытность и необразованность из отрицательных для элитных кадров качеств с возвышением Сталина превращаются в качества положительные и даже наиболее востребованные.

Новый вождь и его соратники спешили, сознательно делая ставку на ту категорию партийных руководителей, которые вместо учебы выполняли очень важную для аппарата административно-командную функцию[20]. Мало того, для срочного "укрепления" партийных органов из учебных заведений отзывали "некоторую часть коммунистов, имевших возможность получить за последние годы *некоторую* (курсив мой. – *Н.С.*) подготовку"[21]. В партийных документах не уточнялось, какую же именно подготовку должен был иметь кандидат на выдвижение, но, судя по всему, слишком высокой она быть не должна. В этом состояло одно из главных условий отбора к выдвижению. Очищая большевистскую элиту от противников новой руководящей группы, съезд, не считаясь с серьезными издержками такой политической линии, принял судьбоносное постановление: "выдвигать на более ответственные работы следует именно из среды вновь вступивших в партию товарищей, производя соответствующее обновление административных, хозяйственных и других аппаратов"[22]. Стержневой идеей аппарата была идея замены постоянно "бунтующих" оппозиционеров, либо людей, связанных с ними, хотя и имевших уже определенные знания и опыт, на людей преданных, пусть даже не имевших ни знаний, ни опыта. Резолюция лукаво гласила: "Без привлечения внимания ... масс к своей работе, без вовлечения их в дело улучшения госаппарата, без подбора людей из этих масс для замены ими старого неисправимого чиновничества не может быть и речи о больших достижениях в работе..."[23]. Но двигала партийными руководителями не столько забота о социальной стабильности и улучшении экономического положения, возможных благодаря высокой компетентности элитных кадров и, следовательно, эффективности их работы, сколько желание любыми средствами удержаться у власти. Назревала уже не персональная и даже не частичная, а массовая, всеобщая ротация большевистских кадров. Молодые, бойкие и нахрапистые карьеристы старались не упустить свой шанс и успеть занять те места, которые вскоре должны были освободиться. Партийные документы недвусмысленно указывали на важность замены "вычищенных" из советского аппарата новыми кадрами, выросшими на фабриках, заводах и на низовой советской работе[24]. Хотя партийными органами и принимались решения об устранении с элитных постов "прежде всего и главным образом на основании оценки качества работы", однако скрытый их смысл состоял в ином: в замене кадров на основе принципа политической лояльности и личной преданности новым вождям, неприятия вождями идей и методов работы оппозиции. При этом четко оговаривалось, что "пролетарское происхождение и принадлежность к Коммунистической партии ни в коем случае не должны превращаться в *страховку от чистки*"[25]. Естественно, ведь все оппозиционеры были членами партии, а рабочих и крестьян среди них было 68,2%[26], что не намного, но все же меньше, чем в целом по партии, – 72,8%[27]. Главное заключалось в отборе претендентов на членство в элитной группе лично известных и наиболее доверенных лиц. Для коммунистических вождей уже не имело существенного и принципиального значения социальное происхождение и статус кандидата в их ближайшее окружение, предпочтение отдавалось в меру способным и непременно лояльным.

Проведенный анализ доли большевистской гвардии в руководящих партийных органах показывает, что в период 1921 – 1924 годов она постоянно возрастала, а затем, к 1930 году, неуклонно снижалась. В 1921 году их доля среди делегатов съезда составляла 35,4%, в 1923 году – 59,2%, в 1927 – 37,8%, в 1930 – 10,9%. Так же снижается доля старых большевиков и в других органах (данные табл. 1 в процентах).

*Таблица 1**

Элитные кадры	1922 г.	1924 г.	1927 г.	1930 г.
Делегаты партконференций	50,4	61,7	51,5	19,1
Секретари обкомов, губкомов, крайкомов	48,3	77,6	58,1	32,5
Секретари окружкомов	–	40,5	28,3	17,8
Секретари укомов	–	25,9	14,5	11,2

*Таблица составлена на основании данных, опубликованных в стенографических отчетах XI – XVI съездов партии и архива РГАСПИ (ф. 17, оп. 69, ед. хр. 259, л. 3-4).

Некоторые абсолютные данные о старой гвардии в руководящих органах партии и Советского государства можно найти в справочном материале за 1924 год[28]. Из 53 членов ЦК, избранных XIII съездом, вступивших в партию до или во время первой русской революции было 42. Остальные накрепко связали свою судьбу с партией не позднее 1915 года. Из 34 кандидатов в члены ЦК только 5 стали членами партии в 1917 году или чуть позже. С уверенностью можно сказать, что президиум ЦИК СССР, сформированный в феврале 1924 года, по крайней мере на 80% состоял из ленинской гвардии (о двоих – Игнатовском и Кульбишерове – сведения отсутствуют, а двое – Андреев и Червяков – стали членами партии соответ-

ственно в 1914 и 1917 гг.)[29]. Среди 152 членов ЦКК старых большевиков было 74, с дореволюционным стажем – еще 71 и только 7 вступили в партию после 1917 года[30]. Из 17 членов Совета Народных Комиссаров СССР только один Чичерин вступил в партию большевиков в 1918 году, хотя в революционном движении участвовал с 1905 года.

Для секретарей губернских комитетов обязательным считался уже не дореволюционный партийный стаж, категорически требуемый от этой категории служащих еще совсем недавно, а 7-летний. Соискатель поста секретаря губкома вполне мог вступить в партию не ранее 1918 года. Кроме того, Устав, принятый XIV съездом, допускал, по согласованию с вышестоящей партийной инстанцией, сокращение и этого незначительного срока[31]. Чем дальше отодвигался от октября 1917 года очередной партийный съезд, тем больше среди его делегатов появлялось малоизвестных и не имеющих общепризнанных заслуг людей, подвергающих критическим нападкам старых гвардейцев. Их грубые речи ударяли бойцов ленинской когорты "гораздо острее, чем прежде, когда партийные кадры знали друг друга гораздо ближе и теснее"[32]. Однако их личная близость, сплоченность рядов, приобретенный опыт, смелость поступков, постоянное отстаивание своей правоты раздражали. Конфликты с ними создавали впечатление подрыва авторитета лидеров и ответственных работников аппарата Центрального Комитета, ставили под сомнение управляемость партии и государства. Копившееся напряжение приближалось к критической отметке. Образовавшаяся критическая ситуация была чревата взрывом.

В конце 1927 года основная часть партийной элиты состояла уже не только из партийцев с большим дореволюционным и подпольным стажем, она включала в себя значительное количество молодежи, вступившей в партию во время или даже после гражданской войны[33]. Лозунг XIII съезда РКП(б): "добиться, чтобы в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка", – безраздельно определял задачи ближайших перспектив кампании вербовки в партию[34]. Это решение, в основном, было реализовано к середине 1928 года. Именно тогда аппарату удалось приблизить социальный состав ВКП(б) к "идеалу", укрепив его пролетарское ядро, которое выросло за это время более чем в три раза и достигло 62%. Однако к тому времени этот результат не соответствовал новым, предъявляемым аппаратом ЦК требованиям[35]. В руководстве партийных органов преобладали интеллигенты и служащие как по социальному положению, так и по происхождению: среди секретарей областных, губернских и краевых парторганизаций рабочих было 48,7%, а "служащих и прочих" – 51,3%, среди секретарей окружкомов рабочих было 44,4%, а служащих – 51,9%[36]. Такое положение сталинское руководство не устраивало.

В дальнейшей работе Центральный Комитет планировал основные партийные кадры обновлять за счет политического роста и партийного воспитания новых членов – рабочих – в процессе их участия в деятельности организаций РКП. В то же время допуск в большевистскую партию кандидатов не из рабочей среды был возможен лишь после обязательного выяснения способностей нового члена и его желания на деле помогать партии и органам пролетарской диктатуры. Им необходимо было доказывать "свою действительную полезность и стойкость"[36]. Действительная "полезность и стойкость" выступали атрибутивными качествами всех кандидатов в элиту, происходящих из представителей нерабочей среды. Особо взыскательный спрос при приеме в партию требовалось предъявлять к интеллигентам-служащим. Съезд как глубоко положительное явление отметил поворот в сторону Советской власти широких слоев интеллигенции. Однако в то же время он предостерегал от вероятных отрицательных последствий, ибо, по мнению аппарата, существенно увеличивалась опасность идеологического окружения рабочих-коммунистов. Борьба за идеологическую чистоту партии "против мелкобуржуазного и сменовеховского обволакивания" становилась одной из важнейших задач[37]. Интеллигентам отводилась "почетная" роль идейных помощников рабочих и крестьянских масс. Их деятельность нуждалась в тщательной проверке на практическом, полезном для рабочего государства деле. "Таким образом, – говорилось в резолюции съезда, – наряду с формальными критериями для приема в партию должны играть не меньшее значение критерии *по существу полезности* (курсив мой. – *Н.С.*) для партии желающего вступить в нее членом"[38]. Настороженное внимание и даже откровенное недоверие лидеров к людям, имеющим культурный уровень "выше среднего развития", выражались в предъявлении более высоких требований по идейной подготовке, выдержанности, действительному выполнению коммунистических обязанностей в отношении улучшения работы в партийных, государственных и других органах[39], при одном непременном и жестком условии – агрессивном неприятии любой оппозиционности. К либералам и

соглашателям относились как к врагам, их в элиту не допускали, а тех, кому все же удавалось туда внедриться, "вычищали".

Современные исследователи качественных характеристик членов большевистской партии в 20-е годы не без основания полагают, что "рядовые члены партии стояли по своему культурному уровню, в лучшем случае, не выше основной массы населения"[40]. Не оспаривая этого, на наш взгляд, в целом справедливого утверждения, считаем необходимым уточнить сказанное. Устранение из партийных рядов значительной части представителей наиболее образованных интеллигентских слоев и замена их малограмотными либо вовсе неграмотными людьми из пролетарской и полупролетарской массы не могло не понизить ее общекультурную планку, даже по отношению к среднему уровню общества. Вступающие в партию зачастую не имели элементарной подготовки, ни общей, ни политической[41]. Среди членов партии начальное образование имели 82,6%, а среди кандидатов в члены ВКП(б) и того больше – 87,3%. Людей, имеющих лишь минимальный навык чтения, насчитывалось в партии свыше 20 тысяч, а азбучно неграмотных по обеим категориям было 3,4%, что в абсолютных цифрах составляло 17 994[42].

Слабая грамотность и низкая культура – бич пролетарской властвующей партии на протяжении нескольких десятилетий, заставили Ленина еще в 1922 году назидательно написать: "Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика"[43]. Между тем, для руководства властвующей партии этот факт не являлся однозначно отрицательным. Как раз наоборот, малообразованные люди составляли весьма податливый материал в руках высших партаппаратчиков. Они с готовностью верили (или, из карьеристских соображений, делали вид, что верят) в красивые утопии, активно распространяемые большевистскими пропагандистами и агитаторами, и потому являлись желанными кандидатами в члены правящей партии, а затем и в выдвиженцы на элитные посты.

Говоря о строительстве партийного механизма, Сталин весьма емко изложил свое видение проблемы: "...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками"[44]. Приведенное высказывание красноречиво свидетельствует

о том, что новый вождь на элитных постах желал видеть тех, и только тех, кто из всего спектра деловых качеств имел лишь способность наиболее ретиво исполнять директивы. Очевидно, что в этом случае уровень общего образования и политической грамотности имел совсем небольшое значение и не нес самостоятельной и необходимой элитообразующей нагрузки. Элитные элементы вынужденно деградировали и превращались в винтики огромного партийного механизма, выполняющие строго определенные функции: передачи распоряжений сверху вниз и контроля за их реализацией.

Этот вывод подтверждается социологическими данными. В начале 20-х годов уровень общей и политической неграмотности коммунистов составлял 60%, а в некоторых губерниях доходил даже до 70%[45]. Однако упорное стремление к сохранению имиджа и к достижению беспрекословного подчинения ее членов высшему партийному руководству заставляло набирать в партию людей, отличающихся низким социальным и культурным статусом. Для таких людей РКП(б) становилась не только и не столько политической партией, сколько своего рода религиозным орденом, требующим самоотверженного служения и абсолютного, безапелляционного подчинения. Принадлежность к партии-ордену давала надежду, вселяла чувство твердой социальной опоры, обозначала ориентиры целей и смысла жизни, определяла глобальную перспективу. Солдат партии находил в ней устойчивую защиту, ощущение своего ничтожества заменялось чувством огромной собственной значимости, если и не равной по масштабу самой революции, то близкой к ней. Идентифицируя себя с партией, такой человек вырастал в собственных глазах и, что не менее важно, в глазах окружающих до гигантских размеров, занимаемых новой властью. Отсюда проявление азиатских качеств, выражающихся, с одной стороны, в нерассуждающей преданности, а с другой – в агрессивном неприятии любой, даже справедливой, критики в адрес партии и ее вождей, воспринимаемой индивидом как посягательство на собственную личность[46]. Такой человек, занимая чиновничий пост и не имея для этого ни образования, ни соответствующих знаний и навыков, был вынужден пресмыкаться перед своими начальниками. Вступив в партию достаточно поздно, когда все было уже известно (т.е. на чьей стороне власть и сила), он страстно желал стать своим для тех, кого он боялся и "уважал". Подобного рода люди испытывали наслаждение, когда начальники им улыбались, похлопывали по плечу и обращались на "ты". Панибратство тех, кто выше по рангу,

улыбки и похлопывания воодушевляли, вселяли радужные надежды, пробуждали готовность на следующий день работать еще больше и лучше, выполнять задания с полунамека, чтобы еще сильнее понравиться, еще теснее сойтись с "верхами", сблизиться с ними. Очень умных и умничающих подчиненных они не выносили и рядом с собой не держали. Ученые, конструкторы, литераторы и другие творческие личности прежде всего должны были быть "своими ребятами", а уже потом профессионалами своего дела. Партийные идеалы для них были чем-то ритуальным: им нужно было публично поклоняться, но совсем не обязательно следовать в повседневной жизни.

Емельян Ярославский, некоторое время осуществлявший контроль за политическими и идеологическими ориентациями коммунистов в сельских партячейках, которых, как мы помним, Ленин включал в состав рабочих, в одном из выступлений приводил любопытные данные: 23,4% членов партии ничего не знали об этой политической организации, 27,7% имели о партии весьма "смутное" представление, 27,8% усвоили лишь организационное строение, 3,7% – усвоили хорошо, 11,7% не имели никаких понятий об Уставе, 5,6% о партии никогда и ничего не читали[47]. Политическая культура большинства новых членов была столь низкой, что активное участие в дискуссиях и размежевание на фракционной основе в соответствии с какими-либо теоретическими взглядами было практически невозможным[48]. Кроме того, тяжелое материальное положение, боязнь потерять работу, традиционная забитость и приниженность, маргинальная психология, склонная к беспрекословному подчинению начальству и страху перед высокопоставленными лицами, фанатичная вера в возможность лучшего будущего делали свое дело.

Аппарат безошибочно определил направление своей политики по формированию "новой" партии: ставил твердую ставку на рабочих от станка (многие из которых еще вчера были крестьянами), которые, как всесокрушающий таран, шли в одном направлении – за ЦК, что на деле означало – "за аппаратом". В этих условиях серьезной ошибкой, допускаемой всеми оппозиционными группами, явилась прямая апелляция к партийной массе как к единственному высшему арбитру в возникающих спорах. Они не могли понять, что место масс в системе властных ресурсов изменилось и их мнение уже не имеет того значения, на которое рассчитывала оппозиция. Оппозиция выступала от своего имени, а партаппарат от имени всей партии. В сознании рядовых членов складывалось мнение, что с партией борются чужеродные и враждебные силы. "Как показал ход и исход … дискуссий, – справедливо подчеркивает О.Березкина, – апелляция к массам ни разу не дала (а от себя добавим, и не могла дать) оппозиции желаемого результата"[49]. Большинство членов партии (да и немалая часть аппарата) не относились к разряду "шибко грамотных" и не разбирались в хитрых приемах, используемых в дискуссиях и теоретических спорах, то есть в существе межгрупповых отношений. Им проще, спокойнее, а главное, выгоднее было поддерживать уже сложившуюся политическую систему, власть людей, которых они, казалось бы, хорошо знали, понимали и принимали.

Изменения в качественном составе партии, вызванные НЭПом, таили в себе серьезную опасность. Она состояла в том, что в ее ряды неизбежно вливались "чуждые элементы", выражающие желания и отстаивающие интересы нэпманов. В документах orграспреда ЦК прямо говорилось, что "первый период НЭПа давал возможность продвигаться и закрепляться на руководящей работе в первую очередь непролетарской части, как работников партийного и государственного аппарата вообще, так и отдельных членов партии"[50]. Такое положение объяснялось тем, что "лучше всего сумела приспособиться к новым, весьма сложным условиям интеллигентская и служилая часть партии"[51]. Кроме того, все оппозиционные группировки, положительно восприняв новую экономическую политику, имели целью продвинуть своих представителей на ответственные посты в аппарате. Поэтому страховкой от всех опасностей должно было стать рабочее большинство в руководящих органах партии и ее управленческих структурах. Политика "орабочивания" управленческого аппарата превращается в важнейшую задачу большевистского руководства.

На начальной стадии деятельности единственным резервом партии были сотни тысяч выборных депутатов по всей стране, которые должны были выполнять три функции: 1) политического руководства, направляющего работу в определенное русло; 2) управления учреждениями и наблюдения за их работой в роли политических комиссаров; 3) привлечения к участию в отборе тысяч пролетарских элементов[52]. Такая работа, по мнению сталинского аппарата, сама по себе не давала гарантии успешного разрешения задач управления, но сочетание кадров советских депутатов и профессиональных революционеров должно было обеспечить основу

вводимой партийным руководством системы подбора и расстановки работников. Вождь считал, что система, испытанная в годы гражданской войны и разрухи, доказала свою жизнеспособность. В одном из отчетов орграспреда ЦК за 1927 год кадры ответработников, распределяемых Центральным Комитетом ВКП(б), характеризовались как беспрекословно выполняющие предписания партии, дисциплинированные товарищи, сознающие необходимость своих назначений. Именно они составляли остов этой системы[53]. В центре внимания системы, как центральных, так и губернских ее элементов, оказался качественный учет работников. Вопрос сосредотачивался на том, чтобы поставить работника на дело, соответствующее его знаниям, опыту, способностям, стойкости и выдержке[54]. Управляя партией с помощью выходцев из свергнутого класса, ЦК ставил задачу: "вербовать своих управителей из рядов своего класса. Вместе с этим мы должны весь аппарат государственный употребить на то, чтобы учебное заведение, внешкольное образование, практическая подготовка – все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян"[55]. Важнейшее значение в деле приобщения трудящихся классов к управлению приобретало не общее и специальное политическое образование, а практика, эмпирический опыт.

Выполняя волю вождя-основателя, его соратники принимают решение о расширении состава Центрального Комитета до 40 членов и 17 кандидатов[56], что явилось лишь частичной уступкой требованию об увеличении данного партийного органа до 100 человек и именно за счет рабочих. Количество людей, принимающих участие в заседаниях партийных пленумов, одно присутствие которых, по мнению Ленина, должно было блокировать все раскольнические действия оппозиции, увеличивалось (кроме членов ЦК с решающим голосом, присутствовали с совещательными голосами кандидаты в члены ЦК и члены Президиума ЦКК). Этот партийный ареопаг среди прочих мер обязывал партийные органы считать одной из основных задач систематическое изучение состава аппарата и организацию учета и подбора работников на основе соответствующих директив ЦК[57]. Причем контроль за столь важным процессом возлагался на высший партийный орган: необходимо "*будет... каждый год на съездах ... регулировать состав партии* (прием в члены и пр.) *с тем, чтобы систематически улучшать состав РКП*"[58]. На аппаратном сленге того времени "улучшать" означало подбирать и воспитывать послушных, исполняющих волю начальников, а в случае необходимости – публично и агрессивно отстаивающих интересы руководства партийцев. "На руководящих партийных, государственных и профсоюзных постах стоит большое число рабочих. Но партия все еще не добилась достаточного перевеса промышленных рабочих среди всего полумиллиона членов и кандидатов РКП"[59]. Для решения этой проблемы всем партийным организациям страны было дано строгое указание: "Переводить в 1923 – 1924 гг. (до XIII съезда партии) из числа кандидатов в члены партии *только* промышленных рабочих, работающих у станка, оставив всех остальных на положении кандидатов еще на один год, с целью дать этим кандидатам возможность предварительно получить лучшую партийную подготовку"[60].

Меры по улучшению подбора "руководящего кадра работников партии, начиная от секретаря губкома и обкома и кончая секретарем ячейки", выражались в выяснении социального положения по происхождению и роду занятий, в установлении партстажа, "в проведении замены прежних секретарей ячеек, выполняющих преимущественно технические функции"[61], в подборе организаторов ячеек, что позволяло сосредоточить на партработе политически "более воспитанных и выдержанных партийных товарищей".

Осуществлялась дальнейшая концентрация и централизация партийной власти. Устанавливался инструкторский институт аппарата от ЦК до укома и райкома, который, с одной стороны, способствовал усилению значимости партработы, с другой – использовался как способ практической подготовки новых кадров самих партийных работников. Вносятся изменения в соответствующую часть пункта 35 партийного Устава, в котором было записано положение: установить для секретарей губернских комитетов 6-летний стаж пребывания в РКП(б) и отменить ранее существующий обязательный дооктябрьский партийный стаж[62]. Имидж бывшего профессионального революционера уже не давал тех политических и статусных дивидендов, которыми совсем еще недавно так гордились его носители. Напротив, этих людей все дальше и дальше отодвигали от власти и направляли на "посильную" для них работу. В то же время в качестве важнейшей задачи партии становится "усиление партийного руководства в деле подбора руководителей советских ... и других органов, что должно осуществиться при помощи правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников партийных, советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций.

В этих целях съезд поручил ЦК принять все меры к расширению и укреплению учетных и распределительных органов партии в центре и на местах с целью охвата всей массы коммунистических и сочувствующих коммунизму работников во всех без исключения областях управления и хозяйствования"[63]. Одновременно, для повышения роли и значения аппарата, съезд, продолжая линию по свертыванию внутрипартийной демократии, сужению коллегиальности и укреплению единоначалия, постановил, что очередные губернские партконференции должны собираться не 2 раза в год, как прежде, а 1 раз[64].

Внутриэлитная борьбы заставляла сосредоточить "заботливый интерес" руководства партии на молодом поколении. Молодежь, активно участвующая в преобразующей деятельности, имела колоссальный энергетический потенциал и от того, на чью сторону она перейдет, зависел выигрыш либо оппозиции, либо новых лидеров партии. Причиной неудач в деле выдвижения кадров, их слишком медленной ротации, по мнению сталинского руководства, являлось сопротивление аппарата, видевшего в рекомендуемых выдвиженцах своих конкурентов. Положение нуждалось в исправлении. Лидеры стали жестко критиковать аппарат за отсутствие должного внимания со стороны партийных и советских органов к подготовке молодых кадров, за недостаточную помощь со стороны руководителей учреждений, за слабую связь с выдвинувшими их предприятиями[65]. Упустить контроль над этой работой означало проиграть борьбу за власть. Поэтому констатируя, "что *работе среди молодежи все еще уделяется слишком мало внимания*"[66], съезд обратился к Центральному Комитету с предложением принять в этом направлении самые энергичные меры. Активность чиновников от РКП объяснялась тем, что оппозиция пыталась использовать молодое поколение коммунистов против обюрокрачивающегося партаппарата. Троцкий раньше других оценил молодежный потенциал. Он справедливо считал, что "барометром" для партии должна являться наиболее образованная часть, т.е. настойчиво овладевающая знаниями учащаяся молодежь. Комячейки многих вузов поддержали "самого способного члена ЦК". Архивные данные свидетельствуют о том, что более 20% активных оппозиционеров получали не только общее, но и партийно-политическое образование или имели связи с Институтом красной профессуры, Коммунистическим университетом, Центральным институтом марксизма, прочими комвузами и другими учебными заведениями[67]. Зная это, лидеры партии настаивали на том, что партии следует равняться по ее основному пролетарскому ядру, по молодым рабочим-коммунистам, работающим на производстве у станка[68] и не имеющим контактов с оппозицией. На воспитание партийцев среди этой категории направлялись те старейшие и еще сохраняющие свой авторитет в рядовой среде члены партии, использование которых на других направлениях работы аппаратом уже было признано нецелесообразным.

Большевистская гвардия, готовя "к работе молодое поколение коммунистов", должна была учитывать стремление амбициозной молодежи к командным постам и сглаживать возникающие на этой основе внутриэлитные противоречия, предотвращая конфликты между различными возрастными группами. Аппарату просто необходимо было сохранить за собой право на преемственность и "*установить непрерывную связь между подрастающей молодежью и старым поколением революционеров*, объединяя в рядах партии все, что есть жизнеспособного среди революционеров обоих поколений"[69]. Впервые наблюдавшая острые споры внутри партии коммунистическая молодежь, наиболее близко стоящая к фабрично-заводской жизни, без колебаний поддержала линию Центрального Комитета, в то время как значительная часть учащейся молодежи вузов "проявила колебания" и нередко шла за оппозицией[70]. Реакция аппарата была незамедлительной: срочно вырабатывались меры воздействия на учащуюся молодежь как организационного, так и идейного порядка. У правительственных органов "неожиданно" обнаружился острый недостаток материальных средств, ассигнуемых на высшие учебные заведения, в которых были сторонники оппозиции. На необходимое материальное подкрепление могли рассчитывать только те вузы, которые из своего состава начали удалять студентов-оппозиционеров. Обосновывая такую политику, Центральный Комитет ВКП(б) сформулировал резолюцию, согласно которой "партия должна предпочесть иметь меньший контингент учащихся, но зато улучшить их материальное положение ... и усилить качественную сторону работы в вузах"[71].

Партийных чиновников особенно волновал активно распространявшийся в молодежной среде троцкистский лозунг "ломки партаппарата и переноса центра тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на "бюрократизм" в аппарате партии"[72]. Такой лозунг, несомненно, был очень опасен для аппаратных работников. Подспудно признавая справедливость обвинений, партийный ап-

парат не мог не отвергнуть его публично. Критику со стороны оппозиции попросту назвали "огульной попыткой прямой дискредитации ЦК, объективно ведущей ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии, к отрыву государственных органов от партии"[73].

Работу партийного аппарата, осуществляющего через орграспред ЦК ротацию кадров на элитные посты, значительно усложняло усилившееся сопротивление старых служащих, продолжающих оказывать ощутимое сопротивление выдвижению рабочих и крестьян. В сложившихся условиях старые методы работы – отдельные кампании по выдвижению, – проводимые почти исключительно силами партийных комитетов и ячеек, оказались, по мнению лидеров партии, недостаточными[74].

Сталинская группировка не могла больше полагаться на случайных людей, попадавших в партийные органы лишь благодаря "объективным факторам": своему социальному происхождению, партийному стажу, опыту работы на ответственных постах, старым заслугам. Среди необходимых качеств кандидата в элиту на первое место выдвигаются качества, устраивающие непосредственно вождя. По отчету Центральной ревизионной комиссии XIV съезд принял очень важное предложение о мерах по формированию "постоянного состава ответственных и технических работников в отделах ЦК"[75]. Именно это решение заложило основу создания оригинальной социальной группы – партноменклатуры. Если Ленин как вождь революции изобрел и построил организацию профессиональных революционеров, а затем и заложил основы ее бюрократического аппарата, – считает М. Восленский, – то возглавивший этот аппарат Сталин изобрел и сформировал номенклатуру[76].

Кандидаты в сталинскую номенклатуру должны были вытеснить с господствующих высот в партии, государстве, народном хозяйстве, профессиональных союзах, кооперативных организациях те остатки ленинской гвардии, которые не проявляли рабской покорности, исполнительности и явной благосклонности к новому вождю. Планы выдвижения на руководящие должности и в городе, и в деревне обретали вполне законченное выражение: "только на конкретную, заранее определенную работу"[77]. При отборе выдвиженцев в обязанность парторганизаций вменялось: учет склонностей и способностей, выяснение уровня подготовки кандидата и, лишь в соответствии с этим, определение характера и масштаба той работы, для которой он предназначался. Руководитель организации принимал окончательное решение о выдвижении кандидата[78] и нес персональную ответственность за создание наиболее благоприятных условий для успешного закрепления выдвиженца на новом деле[79]. И хотя в постановлении Центрального Комитета строго оговаривалось, что отбор выдвиженцев должен был осуществляться не на руководящую работу "вообще", а только на конкретную и заранее определенную работу, это требование не соблюдалось.

Нередко выдвижение осуществлялось людьми малосведущими. Неудачный и даже случайный подбор выдвиженцев, не соответствующих требованиям, предъявляемым к работникам государственного управления, был весьма заурядным явлением[80]. В архивных материалах можно найти этому немало свидетельств. Так, некто Коняев три года работал членом правления консервного синдиката, выдавал себя за инженера-механика с высшим образованием, писал и заявлял, что в совершенстве знает английский язык; когда же ему дали перевести одну фразу на английский язык, то он сумел перевести только слово – "экономика"; не сумел разобрать простейшие математические формулы, а на допросе в ОГПУ признался, что он никакой не инженер, никаких высших учебных заведений не заканчивал, а имеет за плечами только 2 класса реального училища[81].

Практика свидетельствовала о том, что несмотря даже на быстро обнаруживаемую непригодность к делу государственного управления значительной части коммунистов-выдвиженцев, губительная для них самих и мешающая улучшению работы аппарата переброска из учреждения в учреждение и из района в район не прекращалась[82]. Жесткое требование добиться их неуклонного возвращения на прежнее место работы по специальности[83] не выполнялось. Саботаж партийных решений объяснялся, с одной стороны, острым дефицитом кадров, приводившим к тому, что эти люди продолжали оставаться в списках номенклатуры и покидали его лишь по решению комиссии по чистке либо (если они оказывались замешанными в деятельности оппозиционных группировок) органов ОГПУ, с другой – желанием руководителей сохранить удобных для них людей в своем непосредственном распоряжении. Робкие попытки перевода некоторых из них (тех, кто еще мог исправиться) на "низшую должность" широкого распространения не получили. Значительно шире практиковалась чистка "*без права работы в советском аппарате* (на срок или особо злостных – навсегда)". Этих людей категорически воспрещалось принимать "на другую должность и в другое учреждение, и списки их должны опубликовываться ко всеобщему сведению в пе-

чати"[84]. Попавшим в "черные списки" людям найти работу представлялось делом весьма проблематичным.

Партийным комитетам и ведомствам поручалось принимать все зависящие от них меры к поднятию квалификации выдвиженцев, заботиться о том, "чтобы они получили постоянное и всестороннее руководство на самой работе, посылая их на существующие специальные курсы подготовки и переподготовки по отдельным отраслям работы и содействуя открытию, в случае надобности, новых курсов для этой цели"[85]. Общее руководство всей работой по выдвижению партактива оставалось за партийными комитетами и ячейками[86].

Естественно, что долго такая весьма пагубная для партии и государства политика в отношении формирования номенклатурных и элитных кадров продолжаться не могла. Необходимость борьбы с оппозиционными группировками с помощью партийной массы становилась малоактуальной; государству и народу требовались реальные успехи в улучшении положения трудящихся, в укреплении экономического и оборонного потенциала страны. К тому же ущерб от деятельности "выдвиженцев" значительно превосходил ту пользу, которую они могли принести, работая на высоких постах в партийном аппарате. "Мы, – писал Сталин Молотову в сентябре 1930 года, – то и дело вырываем из производства ("выдвижение"!) всех сколько-нибудь инициативных рабочих и отдаем их куда-нибудь в канцелярию, где они умирают от скуки в непривычной им среде, опустошая, таким образом, состав кадровых рабочих в производстве. <…>. Терпеть дальше такие порядки – значит идти против интересов социалист[ического] строит[ельства]". И, далее: надо "воспретить выдвижение рабочих от станка во все и всякие аппараты, поощряя их выдвижение лишь по производственной (и может быть, по профессиональной) линии. Пусть выдвигают рабочих от станка (знающих свою профессию) в помощники мастера, в мастера, в начальники цехов и т.п. Теперь такое выдвижение нужно нам как воздух, как вода. Без этого мы растранжирим весь кадровый состав производственных рабочих и отдадим наши предприятия на съедение рвачам"[87]. Пагубность проводившейся элитообразующей политики становилась вопиющей. Это отмечали не только оппозиционеры[88], но и некоторые из сторонников Сталина[89]. Они даже пытались ее изменить. Однако политику партии по кадровому вопросу формировали не они. В партийных документах еще значительное время продолжала присутствовать старая концепция отбора и выдвижения в партийную элиту.

Ближайшее окружение Сталина далеко не сразу пришло к выводу, что пролетарские кадры в партии выполнили свою миссию и процесс пополнения элиты должен был приобрести несколько иной характер. Но для кардинальных перемен в этом деле должна была произойти трагедия Великой Отечественной войны. Высшее руководство ВКП(б), бесспорно, знало о тех издержках, которые несли с собой все крупные идеологические и их неизбежные спутники – организационные кампании, сопровождавшие борьбу с оппозицией, а позднее – с "врагами народа". Однако цель (и об этом открыто говорил Г.М. Маленков) оправдывала эти издержки. Сегодня совершенно очевидно, что та страшная цена, которую народ заплатил за эти кампании и чистки, была преступной ошибкой тогдашних правителей. Именно тогда была заложена основа подрыва системы. Практически все идейно-политические кампании, имевшие целью устранение из элитных групп фрондирующих кадров, были раздуты и преувеличены[90].

Большевистские вожди не могли не понимать, что "власть есть такая же профессия, как и всякая другая"[91], что управление – это наука и искусство, что далеко не всякий человек обладает необходимыми знаниями, способностями и психологической предрасположенностью для такого рода деятельности. Однако понадобилось не одно десятилетие для того, чтобы требования образованности, компетентности и эффективности, объективно присущие правящей политической элите, превратились в необходимый атрибут новой властвующей группы.

8

ПОДБОР КАДРОВ В СТАЛИНСКУЮ ЭЛИТУ

Смена вождей в тоталитарных и авторитарных режимах всегда приводила не только к существенным коррективам в процессах трансформации элитных кадров, но, что не менее важно, и к переменам критериев и принципов целенаправленного ее отбора. “Сталин явно умел подбирать кадры, находить и по-своему “выращивать” нужных ему людей”[1] – писал в своих мемуарах бывший ответственный работник аппарата ЦК КПСС К.Н. Брутенц. Однако это высказывание относится скорее к послевоенному периоду, когда Сталин приобрел гигантский опыт, а авторитет его был столь велик, что никто не мог покуситься на его место и роль в партии и государстве. А до этого он двигался вперед методом проб и ошибок, пытаясь при формировании элиты решить проблему сочетания качеств личной преданности и ненависти к оппозиции с компетентностью и высокой эффективностью. “Сделавшись генсеком”, Сталин сумел превратить Оргбюро и Секретариат ЦК в мощный рычаг партийной власти[2].

С апреля 1922 года по март 1923 года распределение партийных сил все больше и больше приобретало характер планомерного и систематического подбора, перемещения и назначения ответственных работников, в значительной части санкционированных Секретариатом или Оргбюро ЦК. Вопросы распределения в повестках заседаний Секретариата или Оргбюро иногда занимали 2/3 или даже 3/4 места. Если в этот период посмотреть количество постановлений Секретариата и Оргбюро о перемещениях и назначениях, будет ясно, какое внимание Сталин уделял этим вопросам. Так, об отзывах с занимаемых должностей на Секретариате было принято 257 постановлений, на заседаниях Оргбюро – 73 постановления, вопрос о назначениях решался на заседаниях Секретариата 898 раз, на заседаниях Оргбюро – 284 раза, об отзывах и назначениях, главным образом членов коллегий наркоматов, – 144 раза[3]. Интерес,

проявляемый Сталиным к ответственным партийным работникам провинции, четко прослеживается в документах учраспреда ЦК. Именно к этому времени относятся первые объективные данные о партийных секретарях губернского уровня. Так, в фондах учраспреда появляются сведения на всех первых секретарей губкомов[4]. Из имеющегося списка на 61 человека:

по партстажу – с 1905 года и раньше – 6 человек, 1906 – 1916 годы – 22, 1917 год – 11, 1918 – 1919 годы – 21, 1920 год и позже – 1;

по возрасту – до 25 лет – 9 человек, 26 – 30 лет – 27, 31 – 35 лет – 13, 36 – 40 лет – 9, 41 – 50 лет – 3;

по социальному происхождению – рабочих – 26, крестьян – 5, интеллигентов – 30;

по образованию – высшее – 6, среднее – 22, низшее – 30, домашнее – 3;

по национальной принадлежности – русских – 39, евреев – 7, прочих – 15.

Как видим, учитывались исключительно количественные показатели, а качественные признаки (насколько человек способен, как он справляется с работой, соответствует ли своей должности, поддерживает ли оппозицию и др.) в материалах отдела пока отсутствуют. Между тем, в связи с обостряющейся борьбой за власть, эти данные приобретали исключительное значение. Их сбор, обработка и систематизация в учетно-распределительном отделе выдвигаются в число важнейших задач. Кроме того, образовав корпус личных секретарей, помощников и должностных лиц, отобранных в силу их таланта, смекалки, преданности и полезности, Сталин пребывал в курсе всех событий в любой сфере[5]. Разработанный им механизм собственного возвышения, по мнению известного американского политолога Р.Такера, основывался на двух моментах. Во-первых, была создана стратегия использования аппарата ЦК для образования в провинции надежной партийной клиентуры и последующего, путем перемещения, превращения местной силы в силу центра. По заданию Сталина учраспред и разъездные инструкторы Центрального Комитета выявляли способных людей, могущих в будущем выполнять главную функцию формируемой заново элиты – быть наиболее преданной и полезной новому вождю. Во-вторых, создавались условия, помогавшие этим людям сделать политическую карьеру, прежде всего в республиканских и губернских партийных организациях. В 1924 году в учетно-распределительном отделе ЦК появляется специальная форма учета работников: “с какой

на какую работу переведен"[6]. В табл. 2 и 3 приведены данные (в процентах) о перемещениях, произведенных в 1925 году с учетом социального положения и партстажа.

Таблица 2

Переведены	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие
С уездной работы на губернскую	43,2	0	54,1	2,7
С менее ответственной губернской работы на более ответственную губернскую работу	37,5	8,3	51	3,2

Таблица 3

Переведены	Партстаж				
	до 1917 г.	1917 г.	1918 –1919 гг.	1920 г.	позже
С уездной на губернскую	27	18,9	48,7	2,7	2,7
С менее ответственной губернской работы на более ответственную губернскую работу	29	17,7	40,6	11,5	3,2

Архивные данные свидетельствуют о том, что в 1925 году выдвижение на 72,2% коснулось губернских и лишь на 27,8% уездных ответственных работников. Как о значительном успехе в отчете учраспреда сообщается о том, что количество выдвинутых рабочих меньше по сравнению с количеством служащих и интеллигентов только на 12,8%, а количество выдвинутых с партстажем не менее 5 лет составляет 88%. Выдвижение с менее ответственной на более ответственную работу происходило главным образом на волостном и уездном уровнях, меньше – с уездного на губернский и еще меньше – с губернского на областной.

Очевидно, что очень тяжело раскручивался маховик партийной машины. Пробиться на верхние этажи власти было непросто. По материалам девяти губерний известно, что из 11 007 человек, прошедших через партийные комитеты, было выдвинуто на более ответственную работу 403 человека (около 3,7%), в том числе губернского масштаба – 65, уездного – 210, волостного – 128. Эти данные не могут считаться исчерпывающими, так как выдвинутых с менее ответственной работы на более ответственную было гораздо больше. В числе выдвинутых с менее ответственной на более ответственную работу рабочие составляли 31,7%, крестьяне – 38,4%, служащие – 29,9%. На партийной работе из общего числа выдвинутых оказались лишь 17,2%, остальные использовались на советской и административной (31,7%), хозяйственной (13,7%), профессиональной (8,4%), кооперативной (8,3%), просветительской (4,7%) работе, на прочих работах – 18,8%[7].

Имеющиеся данные о наличии и потребности в работниках по целому ряду пролетарских губерний: Ленинграду, Нижнему Новгороду, Донбассу и др. – в целом подтверждают это положение. Так, в Ленинградской губернии на июль 1925 года из 12 578 ответственных должностей от волостного до областного масштаба партийными и беспартийными работниками были заняты 11933. Орграспред предлагал заменить членами партии 1 855 беспартийных работников. Из 4 293 членов партии соответствовало требованиям квалификации 3 314, а 979 человек подлежало замене. В Нижегородской губернии из 2276 ответственных должностей 2 153 были заняты партийными и беспартийными ответработниками. С учетом замены подлежащих снятию беспартийных и не соответствующих требованиям квалификации членов РКП(б) получается нехватка, равная 719 ответработникам, квалифицированным членам партии. В их числе требовалось 86 работников губернского масштаба, 453 уездного и 180 волостного. Орграспред ЦК настоятельно рекомендовал местным партийным органам произвести перегруппировку сил и назначить на свободные места выдвиженцев[8]. Используя благоприятную ситуацию, новые люди постепенно и настойчиво продвигались вверх по иерархической пирамиде, вытесняя представителей старшего поколения. Приток в партию ленинского (а точнее, сталинского) призыва привел к существенному обновлению всего ее состава, что не только значительно увеличило количественный, но и создало основной качественный резерв для выдвижения[9]. Из 1088 тысяч членов и кандидатов ВКП(б) в 1925 году[10] около 35,3% было занято в промышленном производстве и 16,8% у сохи. "Эти 52,1% членов и кандидатов, – говорится в материалах орграспреда ЦК, подготовленных к XIV съезду ВКП(б), – являются лучшим резервом, откуда партия в дальнейшем будет черпать и подготавливать новых работников для выдвижения"[11]. "Сталинский резерв" уже был готов штурмовать высокие места, освобождающиеся от оппозиционеров всех мастей.

"В конце 1925 года, – пишет Троцкий, – Сталин говорит еще о вождях в третьем лице и восстанавливает против них партию. Он вызывает аплодисменты среднего слоя бюрократии тем, что отказывает вождям в поклонах. В это время он уже был диктатором. Он был диктатором, но не чувствовал себя вождем, никто его вождем

не признавал. Он был диктатором не силою своей личности, а силою аппарата, который порвал со старыми вождями"[12]. "Сталин, – продолжает Троцкий, – завладел властью не при помощи личных свойств, а при помощи безличного аппарата"[13]. Здесь Троцкий прав лишь отчасти. Сталин обладал качествами, необходимыми в закулисной борьбе. Троцкий отзывался о Сталине как о "посредственности". Но факт остается фактом – именно эта "посредственность" свергла Троцкого с его пьедестала, изгнала из России, приговорила к смерти и привела в исполнение этот приговор. По некоторым качественным характеристикам отнести его к посредственностям никак нельзя: сила воли, терпение (весьма редкое качество для деятельной натуры), коварство, способность выявлять человеческие слабости и с презрением использовать их в своих интересах и, наконец, высший дар – способность идти к цели неуклонно, не останавливаясь ни перед чем. Этими "талантами" Сталин был одарен в полной мере. "Он может думать медленно и осторожно, но умеет действовать быстро и беспощадно, если он принял решение"[14]. Однако только эти качества были недостаточны для руководства партией и государством. "Ленин, – свидетельствует Троцкий, – видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля. Самостоятельных идей, политической инициативы, творческого воображения он от него не ждал и не требовал. Ценность Сталина, в глазах Ленина, почти исчерпывалась в области администрирования и аппаратного маневрирования"[15]. Ленин, действительно, не был слишком высокого мнения об интеллектуальных качествах Сталина. "В партийной карьере Сталина до 1925 года гораздо большую роль сыграли его недостатки, чем достоинства. Ленин кооптировал его в Центральный Комитет в свое окружение, не боясь со стороны малокультурного и политически небольшого Сталина какой-либо конкуренции. По этой же причине сделали его Генсеком Зиновьев и Каменев: они считали Сталина человеком политически ничтожным, видели в нем удобного помощника, но никак не соперника"[16]. Б. Бажанов в книге воспоминаний пишет о дискуссии, происшедшей на одном из заседаний, где Ленин назначал Сталина наркомнацем. "Когда Ленин предложил это назначение, один из участников заседания выдвинул другого кандидата, доказывая, что его кандидат человек толковый и умный. Ленин перебил его: "Ну, туда умного не надо, пошлем туда Сталина"[17]. М.И. Ульянова подтверждает данную ленинскую оценку[18]. Такие люди способны концентрировать вокруг себя выдающихся и талантливых личностей, только обладая административным ресурсом. Волей автоматически и стихийно стремящегося к власти аппарата Сталин постоянно оказывался на поверхности благодаря достаточно умелым собственным действиям.

В партии, где уровень грамотности был ниже среднего уровня общества, у Сталина, отличавшегося грубостью и подозрительностью, было достаточно кадров, готовых ему преданно служить. Но эта служебная преданность была особого свойства. Это была "не преданность учеников учителю, который обогатил их мысли, а преданность людей, которых вождь вывел из ничтожества и которым он помогает обеспечить привилегированное положение"[19]. Умение Сталина показаться толпе "своим" через апелляцию к худшим ее сторонам: "невежеству, узости кругозора, примитивности мысли"[20] – делали его достаточно популярным человеком. Мысль его, в отличие от мыслей Ленина, была лишена оригинальности, смелости, меткости. Анализ ее стиля обнаруживает крайнюю неуверенность в себе. Решителен он только в области практического действия, которое могло быть воплощено в реальность через посредство массивного аппарата. Талант обобщения ему не был свойствен, его сознание слишком медленно и эмпирично, неповоротливо и скудно[21]. Александр Бармин, характеризуя Сталина, пишет: "... хотя он, может быть, не менее культурен, чем средний политик, но по сравнению с Лениным и его ближайшими соратниками он невежда. Это был еще один фактор в формировании его комплекса неполноценности. Верхний эшелон лидеров большевистской революции принадлежал к среднему классу или аристократии и был воспитан на культурном наследии не только своей страны, но и Европы. Они знали по несколько иностранных языков. Многие обладали литературным талантом, были не чужды искусству. Среди них Сталин – исключение, он наименее способный из них – ни оратор, ни публицист, ни теоретик. В отличие от других он очень мало времени провел за границей. Даже в российских масштабах его кругозор был ограничен провинциальным происхождением"[22]. В силу изложенных обстоятельств он не мог, да и не хотел, концентрировать вокруг себя людей неординарных, превосходящих его образованием, интеллектом, опытом и знаниями. Ленин продвигался к власти не как массовый оратор, "а прежде всего как писатель, инструктор, организатор и пропагандист, воспитывавший кадры, в том числе и кадры ораторов"[23]. Сталин оказался на вершине власти потому, что обладал личными качествами, присущими подавляю-

щему большинству тогдашних членов партии, однако партийные интеллигенты не воспринимались массой как вполне свои, близкие люди; в их отношениях всегда ощущалась какая-то натянутость, высокомерная дистанция, настороженное недоверие и, возможно, даже презрительная отчужденность.

Аппарат партии с приходом Сталина подбирался из карьеристов и льстецов, "верных собак партии"[24], готовых "загрызть" любого, на кого укажет Хозяин. Он упорно трубил о том, что Сталин – великий теоретик и вождь, гениальный ученик Ленина[25]. Однако Сталин, по словам Троцкого, не чувствовал себя в силах парировать полемические удары. "Лишенный быстрой реакции и находчивости, этих непременных свойств высокого интеллекта, он избегал подставляться и почти всегда переходил на личности и срывался на грубость. Поэтому в полемике и дискуссиях стремился участия не принимать, а наблюдать со стороны. Ответственность за дела, в правильности и успехе которых он не был уверен, старался поручать другим. В случае удачи, ее можно было приписать себе, в случае поражения – свалить на нерадивых помощников"[26]. Неспособный подняться на вершины теоретического и духовного величия, он был намерен, наоборот, опустить окружающих (да и все общество в целом) ниже уровня собственной величины: "если господствующие классы с помощью печати и обработки сознания масс превращали гениальных людей в авантюристов, то почему же господствующая клика авантюриста не может превратить в гениального человека!" – говорилось в платформе "Союза марксистов-ленинцев"[27].

У Ленина настойчивость и непримиримость проистекали из видения большой исторической перспективы. Эти качества направлялись на решение крупных политических и хозяйственных проблем, и его личные конфликты происходили только по причинам неумения или нежелания действовать в соответствии с партийными решениями. Как только Ленин обеспечивал торжество своих идей, он проявлял величайшую уступчивость и лояльность в области личных отношений. М.И.Ульянова вспоминала, что Ленин "срабатывался с людьми и очень не любил без крайней необходимости менять их"[28]. Сталин, напротив, расставался с людьми легко, никогда об этом не жалел и редко потом о них вспоминал.

Троцкий небезосновательно подозревал, что Сталин в качестве Генерального секретаря стремился сосредоточить в своих руках все компрометирующие старых революционеров сведения: недостойно

вели себя на допросах в царской полиции, держались без достаточного мужества, либо, позднее, допускали серьезные теоретические и тактические ошибки, выступали с критикой вождя и политики большевистского правительства, сотрудничали с меньшевиками или эсерами. Эти сведения в его руках являлись лучшим орудием против сотен старых большевиков. Шельмуя, грозя разоблачением или исключением из партии, Сталин добивался от этих лиц рабского послушания и доводил их, шаг за шагом, до полной деморализации. Зная за собой серьезные грехи, они стремились не только выполнить любой, даже преступный, приказ, но и угадать тайные желания вождя и предвосхитить их (например, А.Я. Вышинский, И.М. Майский, А.А. Андреев, Н.С. Хрущев и некоторые другие).

Будучи человеком грубым и малокультурным, Сталин не имел внутренних сдерживающих мотивов и, следовательно, располагал значительно большим набором приемов и методов во внутриэлитной борьбе. Многие оппозиционеры отмечали, что "не было такого средства, перед которым он бы остановился"[29]. Примером особой гнусности Троцкий считал передачу отдельным лицам мнения о них, высказанные в Центральном Комитете при обсуждении кандидатур для разного рода ответственных назначений. Это делалось Сталиным целенаправленно, чтобы восстановить заинтересованное лицо против противника и привязать к себе[30]. Эти приемы развернулись постепенно в целую организационно-психологическую систему "сортировки" кадров. Чтобы избежать угрозы исходящей от людей превосходящих его "он подбирал аппарат из людей, которые подчинялись ему"[31]. Смерть Ленина сейчас же была использована Сталиным для устранения старых технических секретарей, которые хорошо знали все нюансы отношений внутри ЦК, и в частности, отношение Ленина к Сталину. Так, Гляссер, очень способный, обладающий превосходной памятью и блестяще знающий свое дело секретарь, была заменена Б. Бажановым.

Аппарату Сталин придавал огромное значение, считая, что осуществление власти без него невозможно. Проникновение в аппарат, овладение им и действия через его структуры – та задача, которую он ставил перед собой. Кадровые вопросы, являющиеся для Сталина фундаментом политики, для Ленина были выводом, кристаллизацией теории, программы и тактики[32]. Сталин предпочитал подбирать в элиту людей, с готовностью выполняющих любое, лично им данное поручение. Ленин не слишком верил во всесторонние возможности людей и вводил в элиту лишь тех, кто наилучшим

образом соответствовал конкретной ответственной работе. Если Сталин рассматривал кадровый вопрос в качестве цели, то Ленин подходил к нему как к средству ее достижения. Не случайно Сталин в основу своей активности закладывал организационную пружину, направленную на решение необходимой задачи.

Принцип личного вождизма в партии при Ленине не был особенно популярен. Это, разумеется, не означает, что в руководстве отсутствовали фигуры, окруженные особым доверием и восхищением, но уже сложился твердый и устойчивый стереотип, что руководство исходит из Центрального Комитета. Положение Сталина резко поменялось во время празднования его пятидесятилетнего юбилея. Газеты наперебой печатали восхваляющие статьи, приписывающие ему победы, которых он не совершал; они присвоили ему титул "вождя" партии. Многие члены большевистской элиты испытали психологический шок. Это происходило всего лишь через пять лет после публичного заявления Сталина Троцкому: "Партии не нужны вожди – у нее есть коллективный вождь, Центральный Комитет". "Этот аргумент, – пишет Бармин, – Сталиным был подан в очень корректной форме и оказал сильное впечатление на тех, кто не одобрял нападок на Троцкого"[33]. Сталин здесь противопоставлял личному авторитету авторитет Центрального Комитета. К концу 20-х годов всем стало очевидным, что это был интригующий ход, тривиальный обман.

В большевистской партии признавали, что непререкаемый авторитет вождей может быть для нее и ее борьбы выгоден, если способен вызвать априорное доверие к тем руководителям и руководящим органам, откуда исходит авторитетный голос. Но он может превратиться и в тормоз для критической мысли. При определенных условиях привычка к авторитетному руководству имеет возможность повернуться своим острием против самой партии[34]. Авторитет может способствовать консолидации сил для ускорения победы. Однако опасность злоупотребления властью, как показывает исторический опыт, неизбежно сопровождает тотальную революцию. Причем позитивных превентивных мер против этого не существует.

Партийный авторитет имел свойство привлекать внимание большого количества людей, желающих искупаться в его лучах. Однако Троцкий, один из авторитетнейших в партии людей, принципиально отказывался от неформальных контактов со своими сторонниками. Он всегда держал с ними дистанцию. Вероятно, именно поэтому и не смог приобрести себе среди партийной массы сколько-нибудь значительное количество личных друзей[35]. Сталин же, навязывая карьеру чиновников другим, сам производил впечатление спокойного, уравновешенного и вдумчивого политика, терпеливо отыскивающего теоретические ошибки в работах своих коллег и без каких-либо эмоций выносящего их на общее обсуждение. Он не командовал, а предлагал, сохраняя фикцию голосования.

Часть молодого поколения партийцев, следующая за Троцким, завидуя "старикам", страстно желала подготовлять тайную революционную борьбу во всем мире, полную опасностей и интереса, а канцелярская бумажная работа вызывала у них отвращение. Многих прельщал романтизм, исходящий из теории "перманентной революции" и обещавший сделать их её агитаторами и организаторами. Субъекты, вводимые в партийную элиту Сталиным, вполне осознавали несоответствие между своими амбициями и личными ресурсами. Возвышение воспринималось ими как результат не собственных усилий, а какого-то странного случая, почти исторической лотереи. Причем в их партийной карьере, в отличие от троцкистов, гораздо большую роль играли недостатки, чем достоинства[36].

Каким же качествам сам Сталин отдавал предпочтение, что он ценил в людях, на что обращал внимание? Ответ на этот вопрос, или по крайней мере на его часть, можно обнаружить на полях ленинской книги "Материализм и эмпириокритицизм" из его личной библиотеки. Свою мысль он записал так: "Если человек 1) силен (духовно), 2) деятелен, 3) умен (или способен), то он хороший, независимо от любых иных "пороков"". Очевидно, что в данном случае к порокам Сталин причислял духовную слабость, нерешительность, глупость. "Все остальное, – продолжал он, – при отсутствии вышеуказанного составляет, несомненно, д о б р о д е т е л ь"[37]. К добродетели, по Сталину, не могли быть отнесены образованность, культурность, благородство, честность, порядочность, верность слову, терпимость, правдивость, т.е. все те качества, которые по традициям старой христианской цивилизации общество склонно считать необходимым связующим элементом, делающим жизнь социума возможной и сносной. К порокам же, следовательно, нельзя было причислить клевету, зависть, доносы, жестокость, обман. Опираясь на эти "нравственные принципы" и благодаря своим организационным полномочиям – назначать и смещать сотрудников аппарата любого уровня, – Сталин заложил основы той системы, которую позднее разгромленные оппозиционеры будут клеймить как "диктатуру Секретариата"[38].

Ценность интеллектуальных качеств руководящих партийных кадров проявлялась в соотношении: новый вождь – кандидат в элиту. Кандидат, разумеется, не должен быть глупцом, но и ни в коем случае не должен был превосходить своим интеллектом вождя. Попытка Н.И .Бухарина создать в Институте красной профессуры “школу” молодых партийных интеллектуалов закончилась ее полным провалом. Сталин, использовав её умственный потенциал в борьбе с Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, уничтожил “школу” как вредную и рискованную затею. Первой, кто обратил внимание на эту далеко идущую опасность, была, как это ни странно звучит, Н.К. Крупская. Защищая на XIV съезде партии лидеров большевистской гвардии – Зиновьева и Каменева, она с тревогой говорила: “Красная профессура, группирующаяся около товарища Бухарина, это ведь готовящаяся смена, подготовка теоретиков, которые будут определять нашу линию”[39]. Сталин учел предостережение и принял необходимые, хорошо известные меры.

Молодые научные сотрудники действительно считали Бухарина своим интеллектуальным и политическим наставником, а себя – его учениками. Сплочение образованной большевистской молодежи вокруг члена Политбюро само по себе не выглядело чем-то необычным. Большинство главных лидеров, например Троцкий, Зиновьев и сам Сталин, использовали партийный “молодняк” в своих личных секретариатах в качестве помощников (аналогичные примеры можно найти во всех политических системах), а затем выдвигали их на самостоятельные ответственные посты. Эти секретари, как их обычно называли, часто приглашались из тех организаций, за которые нес ответственность данный руководитель. Так, личный секретариат Бухарина возглавлял Ефим Цетлин, основатель и один из руководителей комсомола. Но лица, представлявшие школу Бухарина, отличались от обычных помощников своим качеством. Все они имели образование, полученное в высших партийных учебных заведениях, отличались интеллектуальными и литературными способностями, общей идеологической направленностью своей деятельности, той политической ролью, которую они стали играть благодаря своему покровителю. Будучи личными помощниками Бухарина, эти люди начинали продвигаться (с его помощью) и занимать все больше и больше официальных ответственных должностей[40].

У Бухарина, обладавшего большим личным обаянием, была заслуженная слава марксистского теоретика, огромный авторитет, особенно среди тех, кто был отобран для ускоренной подготовки будущей большевистской интеллигенции. В нем отсутствовало пугающее высокомерие, присущее Троцкому, совершенно отсутствовала нарочитая помпезность Зиновьева, подозрительность и склонность к интригам, столь характерные для Сталина. Он общался со “своими молодыми товарищами” как с равными и, не кичась своим положением, поддерживал их. В ответ они платили ему личной и политической привязанностью, считали его “своим дорогим учителем”[41]. Партийные интеллигенты видели в нем члена высшего партийного руководства, которого можно было считать “своим” и который без подозрения относился к различным теоретическим течениям и новшествам.

Должности, которые они стали занимать после окончания ИКП, можно было считать справедливой наградой за талант и способности, ярко проявившиеся на общем весьма сером советском фоне. Являясь выходцами из средних слоев общества, они особенно заметное влияние оказывали на растущую сеть коммунистических университетов и учебных учреждений, без которых создание действительной элиты было немыслимо. Среди “бухаринцев” было немало профессоров, доцентов, аспирантов, работников планово-экономического направления. Никто из членов тогдашнего руководства партии не мог похвастаться таким количеством и качеством своих сторонников[42]. Эти люди являлись для Бухарина политической опорой. Прежде чем его уничтожить, именно по ним и нужно было нанести сокрушительный удар.

В среде партийной элиты достаточно влиятельной группой оставались профсоюзные руководители. Они больше не помышляли стать руководящей силой страны, на что всерьез рассчитывали в первые годы революции. Осознавая себя, по словам С. Коэна, чем-то вроде “партии внутри партии”, они представляли собой монолитную прослойку. Их официальным покровителем и политическим руководителем, занимающим самое высокое положение, являлся член Политбюро и председатель ВЦСПС М.П. Томский. Вокруг него группировались наиболее активные деятели советского профсоюзного движения, которые в 1928 – 1929 годах были устранены Сталиным со своих постов: Г.Н.Мельничанский, А.И.Догадов, Я.Яглом, В.М.Михайлов, Б.Козелев, Ф.Угаров и В.Шмидт – народный комиссар труда (эту должность всегда занимали и брали под контроль профсоюзные деятели). “Эти люди, – отмечал позднее Томский, – были товарищами, которые в течение ряда лет привыкли видеть во мне своего руководителя”[43]. Томского они считали своим

эмиссаром в Политбюро, воспринимали его как непререкаемый авторитет, превозносили как выдающегося профсоюзного деятеля и старого большевика и содействовали тому, чтобы его имя стало "персонификацией руководства профсоюзами"[44].

А.И. Рыков по своим личным качествам также не был похож на Сталина. Благожелательный, разумный, имеющий огромный опыт крупного хозяйственного руководителя, он не доверял Генсеку, и тот в ответ платил ему презрением. Еще более важным было то, что Рыков и Сталин возглавляли соперничающие организации – правительство и партию, что в сложившейся системе само по себе способствовало возникновению трений. Планируемые Сталиным темпы индустриализации не могли быть одобрены в хозяйственных органах и правительственных инстанциях. Большую поддержку он получал от руководителей ведущих наркоматов (особенно земледелия, финансов, труда и торговли) и других важных государственных учреждений (ВСНХ, Госбанка и Госплана), ответственных за подготовку и проведение экономической политики. Однако эта солидарность определялась в основном их взглядами, а не политической зависимостью, что до сих пор отличало сталинскую группу. Они также воздерживались от восхваления Генсека; в то время как его роль в партии постоянно возвеличивалась, они называли его "одним из работников, одним из руководителей"[45] и за вождя не признавали.

Элитные кадры, группировавшиеся вокруг Н.И. Бухарина, М.П. Томского, А.И. Рыкова, объединяло идентичное понимание международной и экономической политики, роли профсоюзов, отрицания идей милитаризации труда и "перетряхивания" профсоюзного руководства.

Точное время, когда Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский стали смотреть на себя как на отдельную группу внутри Политбюро, установить трудно. Однако известно, что, согласно официальным данным, "разногласия с т. Бухариным впервые вскрылись перед июльским Пленумом ЦК 1928 г. Второй раз разногласия с т. Бухариным обнаружились перед ноябрьским Пленумом, когда тт. Бухарин, Томский и Рыков подали в Политбюро заявление об отставке"[46]. Эту тройку лидеров сплотили три обстоятельства. Во-первых, их объединяли внимание к проблемным вопросам и приверженность к специфической политике. Во-вторых, они были крупнейшими лидерами тогдашнего Политбюро, которые не были обязаны своим высоким положением Сталину. Показательно, что каждый из них в отдельности пользовался любым удобным случаем, чтобы публично осудить принцип доминирующего члена Политбюро, в то время как сторонники Сталина уже превозносили его в качестве первого среди равных. В-третьих, по личным, политическим и организационным соображениям Рыков и Томский готовы были предпочесть Бухарина Сталину, если бы пришлось выбирать кого-то одного из этих дуумвиров.

Рыков, Бухарин, Томский достигли высоких постов в руководстве и влияния в стране благодаря сплочению единомышленников вокруг того политического курса, который они разделяли в коалиции со Сталиным в условиях вакуума, возникшего в результате устранения с элитных постов троцкистов и зиновьевцев. Подобно многим старым большевикам, они придавали большое значение истинной образованности, высмеивая проявления "талмудистского" уклона, когда зубрили, положим, "Капитал", но "...если спросить у человека, где находится Швеция, он легко мог бы ее спутать с северной Африкой..."[47]. Страстно бичуя весьма распространенное в партии невежество, Бухарин не предполагал, что вскоре на себе испытает действие темного большинства. Сформулировав весьма опасную, обоюдоострую идею, согласно которой упорное отстаивание своей точки зрения пахнет фракцией, второй партией, контрреволюцией, он предостерегал левых: "Держитесь своих принципов, отстаивайте свои убеждения, произносите речи на партийных совещаниях... спорьте, но не смейте строить фракцию. Спорьте, но после того, как решение принято, подчинитесь!". Ибо "если мы легализуем фракцию у нас в партии, то мы легализуем и другую партию...". Этот призыв был абсолютно бесплодным, ибо его противники, как позднее и он сам, также хотели "бороться за свою политику, за свою правоту"[48].

Власть обычно реагирует на реальные или воображаемые кризисы либо объединением с оппозицией под единым знаменем, либо подавлением ее. И Сталин, и группа Бухарина предпочитали второй путь, подвергая сомнению преданность оппозиции ленинским идеалам и пытаясь задушить критику с ее стороны очевидных неудач. Начиная с лета 1927 года оппозиционные группировки, одна за другой, стали подвергаться систематическим репрессиям, угрозам и давлению. Они превратились в постоянный объект преследований. Троцкисты и зиновьевцы были отчасти сами ответственны за репрессии, так как не проявляли ни малейшего желания сплотиться, продолжая открыто оспаривать способность дуумвирата

руководить партией в условиях войны. Левые потребовали ни больше ни меньше как смены руководства, так как считали, что в большинстве это были люди, уже исчерпавшие себя[49]. Совсем скоро уже Бухарина обвиняли в клевете на партию за его критику сталинского окружения, установившего в партии "невыносимый режим". Он, по существу повторяя позицию Троцкого, высказанную еще 8 октября 1923 года, говорил об отсутствии внутрипартийной демократии, сознательном насаждении бюрократизма, формальном существовании института выборности партийных секретарей и установлении системы политических комиссаров в "Правде", в Коминтерне, в ВЦСПС. Весьма сердитая реакция сталинистов выразилась в резолюции Пленума, направленной против группы правых оппозиционеров: "Только люди, недовольные наличием внутрипартийной железной дисциплины, только люди, недовольные тем, что большинство партии не согласно с их паническими "платформами" и "тезисами", только люди, недовольные нынешним составом руководящих органов нашей партии, – только такие люди способны обвинить нашу партию, с ее методом самокритики, в бюрократизме и бюрократизации"[50]. На помощь, как было принято в таких случаях, призывался ленинский авторитет: "...крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров..."[51].

Бюрократический аппарат партии осознавал потребность в "кадровой революции". Подобно другим великим социальным сдвигам, она сначала пошатнет, а потом и сметет старое руководство, заменив его новым, совершенно иным типом элиты. В письме, написанном 8 января 1926 года, Троцкий предупреждал Бухарина: "Система аппаратного террора не может остановиться только на так называемых идейных уклонах, реальных или вымышленных, а неизбежно должна распространиться на всю вообще жизнь и деятельность организации"[52]. Троцкистский "Социалистический вестник" предупреждал главного идеолога "правого уклона": "Осторожнее, т. Бухарин. Вы частенько спорили в нашей партии", и предрекали ему в качестве главного арбитра высокопоставленного руководителя ОГПУ Якова Агранова[53]. Предупреждение оказалось пророческим. Правда, дело Бухарина вели другие люди, поскольку к тому времени сам Агранов и прежние руководящие кадры чекистов уже находились в заключении.

Надуманные политические разногласия снова, в который уже раз, обернулись схваткой за власть, ценой которой стала жизнь почти

всей большевистской гвардии. Оппозиционеры с разочарованием наблюдали, как Сталин прибирал к рукам партийный аппарат, отправляя своих противников на политическую и географическую периферию. Когда оппозиционеры решили, что пришло время объединиться и решительно включиться в борьбу, было уже поздно: Сталин полностью контролировал партию.

Сталинская группа всю вторую половину 20-х годов ускоренными темпами монополизировала командные высоты во всех важнейших сферах общественной жизни. Социальный и политический состав партии находился под неусыпным вниманием Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Ответственные инструкторы центрального партийного аппарата в силу своих институциональных полномочий выполняли большой объем задач, от решения которых зависело будущее вождей и их собственная судьба в качестве членов правящей элиты. Смысл начатой работы по изменению количественного и качественного состава партии и ее элиты носил двоякий характер. Сталинисты хотели практически обеспечить достижение поставленных целей по преобразованию общества (как они это понимали) и, сохраняя в своих руках власть, обрести личную выгоду. Поэтому сталинская группа серьезно озаботилась созданием надежного аппарата контроля, чистки и репрессий. Партийные документы того времени свидетельствуют о том, что цель идеологических кампаний состояла "в беспощадном устранении из рядов партии всего чуждого, вредного для ее успехов, равнодушного к ее борьбе, неисправимых бюрократов, примазавшихся, связанных с классовым врагом и ему помогающих, оторванных от партии в силу хозяйственного, собственного обрастания, антисемитов, скрытых сторонников религиозного культа, разоблачая и изгоняя скрытых троцкистов, мясниковцев, децистов и сторонников других антипартийных групп..."[54]. Репрессивная часть партийных резолюций выполнялась весьма споро. За период с 1924 по 1930 годы из партии было исключено или выбыло добровольно 404 125 человек[55]. Однако провозглашаемый позитивный результат чисток: укрепление работы организации, создание атмосферы более товарищеских отношений между членами партии, повышение чувства ответственности каждого за реализацию ее политики, за судьбу всей партии, улучшение уровня политических знаний, усиление борьбы с бюрократизмом и т.д.[56] – достигнут не был, да и говорилось все это скорее для пропаганды, чем для практической реализации. Съезды, конференции, пленумы, совещания и собрания использовались

политическим руководством для доведения до сознания рядовых членов партии мифа о собственной непогрешимости, представления упущенных возможностей и допущенных ошибок в виде череды бесконечных и блистательных побед. Они страстно желали возбудить в людях безмерную веру в собственные силы, в харизматические возможности сталинской элиты и, одновременно, поселить недоверие и подозрительность к деятельности оппозиции, пугая партийные массы перспективами возврата к капитализму.

Бесконечное перетряхивание партийных рядов затрудняло процесс формирования номенклатурных кадров, состоящих из членов ВКП(б). Источником особого беспокойства властей была острая нехватка квалифицированных партийных кадров. К 1927 году потребность в квалифицированных ответственных партийных работниках была удовлетворена на 58,5%[57]. Результатом такого положения было продолжающееся широкое использование "буржуазных специалистов", т.е. беспартийных интеллигентов. Однако сталинское руководство стремилось готовить и продвигать собственных людей, людей, которым они доверяли.

Пытаясь сохранить видимость внутрипартийной демократии, Зиновьев и Каменев инициировали резолюцию, косвенно направленную против партийного аппарата: "нельзя допустить превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение"[58]. Но в сражении на этом фронте, как впрочем и многих других фронтах, аппарат оказался сильнее и настойчивее. Он довольно быстро одержал полную победу. Не прошло и нескольких лет, как Бухарин вынужден был публично констатировать: "где мы на самом деле видели выборного губернского секретаря? На самом деле элементы бюрократизации у нас в партии возросли"[59].

Столкновения между бухаринской и сталинской фракциями в Политбюро в 1928 и 1929 годах заставляли их искать поддержки в широких партийных кругах, но делалось это более скрыто, чем в предшествующий период. На всем протяжении этой жестокой схватки обе фракции публично отрицали свое участие в ней, и лишь в середине 1929 года когда определился ее исход, противники были официально названы по именам. Разногласия эти усиливались, а затем привели к взрыву. В конце 1927 – начале 1928 годов окончательное поражение левых лишило всякого политического смысла союз между Сталиным и правыми в Политбюро, а резкое уменьшение хлебозаготовок уничтожило остатки единодушия во внутренней политике. Наиболее надежные союзники Бухарина в московской партийной организации, оказавшиеся в меньшинстве, были разбиты наголову. Угланов с несколькими помощниками, пытаясь спасти свое положение, выступили с покаянными речами, но это им не помогло. Последовавшее 19 октября отстранение от высоких постов ряда сторонников правых положило конец их главенству в московской парторганизации. Угланов и его заместитель Котов продержались на своих постах еще месяц, затем их официально заменили В.Молотовым и К.Бауманом. Массовая чистка от сторонников Бухарина и тех, кто ему сочувствовал, кардинально изменили ситуацию. Символичность абсолютного разгрома старого московского руководства проявилась в опале М.Лядова, ректора Коммунистического университета им. Свердлова и уважаемого члена Московского комитета, состоявшего в партии с момента ее основания и являвшегося одним из создателей московской партийной организации, но с партийным стажем партийцев аппарат считаться уже не собирался.

Разгром московского оплота не только лишил правых наиболее важной организационной базы, он сделался показательным примером для нейтральных или колеблющихся членов ЦК по всей стране. Сталинская элитная группировка показала, что даже крупнейшая парторганизация страны, руководимая кандидатом в члены Политбюро и семью членами ЦК, находящаяся в союзе с влиятельными членами Политбюро, не смогла ей противостоять.

До весны 1928 г. казалось, что Бухарин, Рыков и Томский надеялись уладить разногласия в руководстве и разрешить их внутри Политбюро. Однако скоро, встревоженные постоянно возраставшим экстремизмом сталинистов, проявившимся при решении зернового кризиса и шахтинского дела, они поняли, что дальнейшая совместная работа невозможна. Бухаринцы объясняли кризисные затруднения действием вторичных факторов – неподготовленностью государственного аппарата, неудачным планированием, негибкой политикой цен и беспечностью местных работников. Сталин и его окружение, напротив, изображали возникновение трудностей как следствие обстоятельств объективного, структурного свойства, то есть пороков и самой природы НЭПа. По утверждению Сталина, зерновой кризис объясняется не только попытками кулаков припрятать хлеб, но и тем, что единоличное крестьянское хозяйство зашло в тупик. Бухаринский подход предполагал применение умеренных мер, включая помощь частным крестьянским хозяйствам, более гибкую политику цен и улучшение работы официальных уч-

реждений. Сталинский подход требовал жестких решений, в первую очередь узаконения "государственной воли", включая принудительные "чрезвычайные меры" на всех фронтах. И кризис, и шахтинское дело не были преходящими побочными результатами "плохого планирования" и "ряда ошибок", они свидетельствовали о неизбежном обострении классовой борьбы, и эту борьбу следовало довести до конца.

Решение Политбюро прибегнуть к "чрезвычайным", "экстренным" мерам, принятое, из-за угрозы раскола, единогласно, явилось поворотным событием. Оно привело к тому, чего все так боялись, – мгновенно, окончательно и бесповоротно раскололо Политбюро. Преимущество Сталина перед своими оппонентами состояло в весьма простой истине: Политбюро вырабатывало и принимало политические решения, однако проводил их с помощью Секретариата и через свою элиту Сталин, который, таким образом, мог переиначивать по-своему любую партийную резолюцию. В переписке Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева мы находим описание подобного случая: "Сколько мы бились, чтобы достигнуть политического согласия, – пишет Зиновьев, – что же делает Сталин? Уполномоченными ЦК (инструкторами) по … этим делам он назначает … людей противоположной линии. <…> Зря хорошие резолюции принимать, коли исполнение их противникам оных поручать". И далее: "политическая линия ничего не стоит, если организационное ея проведение искажается"[60].

Правые пытались упрочить свои позиции: "обрабатывали" нерешительных; укрепляли свой контроль в наркоматах, профсоюзах, центральных партийных органах и учебных заведениях; старались обуздать кампанию самокритики, которая, как жаловался один из их союзников, являлась "для Сталина таким же громоотводом, каким когда-то для царизма был еврейский погром". Подспудная борьба сопровождалась и словесной войной. В газетах, поддерживавших соперничающие фракции, нарастала эзоповская полемика; обе стороны тайно распространяли свои документы и отчаянно боролись за молчаливое большинство, состоявшее из наиболее ответственных партийных деятелей центра и провинции. Бухарин не чурался аппаратных методов, рассылая своих личных эмиссаров в губернские партийные организации. Так, Слепков побывал в Ленинграде, другие выезжали на Украину и Кавказ. Бухаринцы Стецкий и Петровский (зав. отделом агитации и пропаганды Ленинградского губкома партии и редактор "Ленинградской правды")

развернули бурную агитационную деятельность. Цель – решительно порвать с "чрезвычайными мерами", осудить вредную роль Сталина в их проведении и устранить его из Секретариата ЦК. Сталин же был твердо настроен уничтожить всех своих основных соперников, и особенно Бухарина как их политического руководителя. По сложившейся уже недоброй традиции карательные меры были направлены против бухаринцев, занимающих ответственные посты. Редакторы "Правды" и "Большевика" – Слепков, Астров, Марецкий, Зайцев и Цетлин (хозяйничавшие в редакциях, но считавшиеся "совершенно партийно не выдержанными и отнюдь не авторитетными товарищами")[61] – и пробухарински настроенные партбюро Института красной профессуры и Промакадемии были заменены сталинистами.

По распоряжению Политбюро в Центральный совет профсоюзов было кооптировано пять членов, назначенных Сталиным. Томский пытался блокировать кандидатуру Кагановича, заявив, что таким образом создается "двоецентрие". По его мнению, профсоюзам навязывался "политкомиссар", соглядатай от Сталина с исключительными полномочиями, не хотел с этим мириться, но потерпел поражение и заявил об отставке. Томский и почти все профсоюзные руководители (большинство из них, как и сам Томский, являлись зачинателями большевистского профсоюзного движения) были официально смещены со своих постов в июне 1929 года.

Бухарин, Рыков и Томский из ведущих членов политического руководства фактически превратились в оппозиционное меньшинство, известное благодаря громким именам, но безвластное, оказывающее все меньшее влияние на политические решения. Бухарин какое-то время формально оставался еще редактором "Правды" и политическим секретарем Коминтерна, однако, подобно Томскому, в знак протеста в декабре отказался от всех своих постов и больше на них не возвращался.

Приверженцев Томского официально удалили из профсоюзов, а его самого назначили председателем правления Всесоюзного объединения химической промышленности. 6 сентября 1930 г. Политбюро удовлетворило просьбу Томского об освобождении от этой должности в связи с "болезнью"[62]. Бухарина вывели из Исполкома Коминтерна и назначили заведующим научно-исследовательским управлением ВСНХ, руководящим сетью научно-исследовательских институтов. Назначение "на конкретную хозяйственную работу" для члена Политбюро явно означало политическую ссылку с планируемым сталинистами провальным концом.

Рыков, формально продержавшийся на посту председателя СНК до декабря 1930 года, фактически не работал всю его вторую половину (с мая он находился в длительном отпуске, а затем был освобожден от должности). Переписка Сталина и Молотова проливает некоторый свет на этот длительное время скрытый период истории и демонстрирует накопившуюся ненависть сталинистов к лидерам правой оппозиции: "Очень хорошо, – пишет Сталин, – что ПБ открыл атаку против Рыкова и К°. Хотя Бухарина и не видно, будто бы, в этом деле, но он, несомненно, является главным поджигателем и наускивателем против партии. Понятно, что в партии Суханова – Кондратьева, где он (Бухарин) будет … чувствовать себя лучше, чем в ВКП, где он может быть лишь прогнившим насквозь пораженцем и дохлым оппортунистом. Конечно, Боголепова надо прогнать[63]. Но дело не может этим ограничиться. Надо прогнать еще учеников Боголепова: Громана-Сокольникова-Кондратьева. Надо прогнать, стало быть, Рыкова и его компанию. Это теперь неизбежно. Нельзя больше терпеть эту гниль на советско-хозяйств[енной] верхушке. Но это пока между нами"[64]. И далее: "Достаточно мы их щадили. Теперь щадить их – значит совершать преступление"[65]. Это грозное письмо по времени совпадает с требованием новых назначений в партийные, государственные и хозяйственные структуры выдвиженцев[66].

Сталин торопил Молотова и настаивал на том, чтобы до осени 1930 года "разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т.к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга. Мое мнение на этот счет:

а) нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат;

б) тебе придется заменить Рыкова на посту Пред[седателя] СНК и Пред[седателя] СТО. Это необходимо. Иначе – разрыв между советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы…"[67].

Устранение Рыкова сопровождалось "чисткой" руководящих кадров многих наркоматов и ведущих правительственных учреждений: "очень хорошо, что взяли, наконец, в работу "вольных стрелков" из Госбанка и прогнившего насквозь Наркомфина. Что делают в Госбанке Карклин, Кактынь и др.? Неужели во всем поддакивают Пятакову? Придется, по-моему, обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счет ОГПУ и РКИ после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу"[68]. Пятаков "по всем данным остался таким, каким он был всегда, т.е. плохим комиссаром при не менее плохом спеце (или спецах). Он в плену у своего аппарата. Людей нужно распознавать на практике, в повседневной работе, в "мелких" делах. И вот, Пятаков дал себя целиком распознать в практических делах денежного (и кредитного!) хозяйства, именно как плохой комиссар при плохих спецах. А нужно тебе сказать, что этот тип хозяйственника-коммуниста является теперь для нас наиболее вредным.

Вывод. Его надо сменить. Вместо него надо поставить другого (из РКИ или ОГПУ)"[69].

Сегодня трудно определить, в какой мере Сталин опасался, что его слишком активные и жесткие атаки против "правых" вызовут противодействие в партии и подтолкнут к Бухарину колеблющихся сталинских сторонников. Однако произошло обратное. Видя неспособность Бухарина к организаторской деятельности (в чем он сам откровенно признавался)[70], оппозиционеры нередко капитулировали и переходили на сторону Сталина. Их аргументация была такова: "Работа Сталина, как бы ни были неуклюжи и грубы его методы, важнее наших разногласий с ним. Он делает дело плохо и жестоко, но он делает его"[71]. Мало кто из них мог предвидеть свою не столь отдаленную будущность. Впереди у них была только одна перспектива – перспектива ареста за "измену" и "предательство".

9

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЫ

30-е годы – один из наиболее трагических периодов в истории советской политической элиты. Троцкистская ее часть уже была не только смещена со своих постов, но и продолжала подвергаться все более жестким преследованиям и репрессиям. Сторонников Троцкого ссылают, усиливая их изоляцию и от внешнего мира, и от единомышленников: "Раковского, – требует Сталин от Молотова, – надо бы услать куда-либо дальше вглубь, чтобы он не мог впредь брехать в печати на большевиков"[1]. Политбюро берет этот вопрос под свой строгий и постоянный контроль и принимает меры, ужесточающие режим их содержания:

"а) Указать ОГПУ и НКПочтелю на недопустимость пропуска антисоветских телеграмм Раковского и др. и предложить впредь этого не допускать;

б) Предложить ОГПУ выслать из Саратова Раковского в отдаленные уезды Ср[едне]-Волжской или другой области. Те же меры провести и в отношении других видных троцкистов, не прекращающих своей работы"[2].

Члены и других оппозиционных групп последовательно устраняются с высоких должностей в партийных, правительственных и хозяйственных структурах и получают назначения с существенным понижением. Удаленные с партийно-политических постов и из средств массовой информации, они больше не в силах оказывать хоть сколько-нибудь заметное влияние на решения, касающиеся жизни страны. Учтенных отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) (так с 1930 года стал называться орграспред) оппозиционеров, занимавших элитные посты в организациях, учреждениях и предприятиях, от их общего количества было 47,9%[3]. Это положение вполне объяснимо. Все талантливые, склонные к творческой работе люди шли за Троцким, позднее за Бухариным. А те, кто плохо понимал суть споров и дискуссий, исходили исключи-

тельно из прагматических соображений: пойдешь за Сталиным, сумеешь сохранить и приумножить уже достигнутое, а поддержка Бухарина грозит концом карьеры, удалением с ответственных постов[4]. Размышляющих таким образом руководящих кадров в партии было подавляющее большинство. Нельзя утверждать, что попыток, если и не переломить, то хотя бы обратить всеобщее внимание на складывающуюся ситуацию, не было. Мартемьян Рютин (по оценке Н.Угланова, один из способнейших и квалифицированнейших членов партии)[5] в платформе возглавляемого им "Союза марксистов-ленинцев" писал, что Сталин "не терпит около себя людей самостоятельного партийного мнения, людей духовно, идейно, теоретически стоящих выше его, опираясь на партаппарат и ГПУ, вышиб их с руководящих постов, оклеветал, раздул их прошлые ошибки и "изобрел" десятки новых, обманул партию, терроризировал партийные массы и на место опороченных им руководителей партии поставил людей ограниченных в теоретическом отношении, невежественных и беспринципных, но ручных, покорных холуев и льстецов, готовых "признать" любую его "теорию" за ленинскую, любую его антиленинскую статью за "историческую""[6]. Однако по-большевистски прямая и жесткая агитационно-пропагандистская деятельность "Союза", направленная на силовое устранение "сталинской клики"[7], в начале тридцатых годов уже не могла увенчаться успехом и сколько-нибудь повлиять на положение в партии. Несмотря на то, что Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие видные оппозиционеры были знакомы с платформой и солидарны с двумя основными документами "Союза": манифестом "Сталин и кризис пролетарской диктатуры" и обращением "Ко всем членам ВКП(б)" – Рютин не собирался привлекать их к борьбе за ленинизм, так как считал, что лидеры троцкистско-зиновьевской оппозиции и вожди правого уклона не могут ее возглавить из-за их полного банкротства. "Надо рассчитывать, – писали авторы платформы, – на свои силы. Выдвинутся новые вожди, новые организаторы масс…"[8]. Членами "Союза" ставилась задача "ликвидации диктатуры Сталина и его клики; немедленный слом всей головки партийного аппарата, назначение выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и с созданием твердых организационных гарантий от узурпации…"[9]. В беседе с одним из близких ему членов партии А. Немовым Рютин говорил: "Никаких Генеральных секретарей больше не будет. Мы будем настаивать, чтобы управлял коллектив, ибо, если будет Генеральный секретарь, то

нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Вообще состав Политбюро придется чаще менять, чтобы там не засиживались, ибо в основном нынешний состав Политбюро оторван от масс"[10].

Судьба этого опасного для Сталина человека трагична: он был осужден, провел пять лет в одиночном заключении и расстрелян как "враг народа" по обвинению в "терроризме".

Центральный Комитет вел особенно тщательное наблюдение за оппозиционными деятелями: руководителями союзных, республиканских, краевых, областных, автономных, окружных, межрайонных учреждений; секретарями горкомов, райкомов, первичных парторганизаций и их заместителями; за начальниками управлений, отделов и их заместителями; заведующими секторами, ответственными редакторами, референтами, консультантами. В общей сложности их было 1 478 человек из 3 083 зарегистрированных[11]. Эта цифра не поражает воображение своей величиной, но время, когда стоящие за ней люди пользовались огромным влиянием и авторитетом профессиональных революционеров и героев гражданской войны, еще не отодвинулось за исторический горизонт и память о той роли, которую они играли в момент социально-политического переворота и отстаивания завоеванного, не успела раствориться в сознании тех, кто имел к ним хотя бы отдаленное отношение. Сталинское руководство, намного уступающее этим людям в знаниях, опыте, заслугах и славе, подспудно испытывало чувство неуверенности за свое респектабельное положение, которое еще долго и всецело определяло его жизнедеятельность. Оно не могло спокойно существовать до тех пор, пока был возможен, хотя бы и минимальный, шанс возвращения к активной политике троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других ярких революционных деятелей, составляющих на этом этапе основной костяк ее врагов.

Сталин именно в это время интенсивно искал и выявлял людей, способных пополнить его достаточно узкую элитную группу. При селекции он руководствовался принципом включения в нее не лучших, а себе подобных. Совершался напряженный искусственный отбор фарисействующих приспособленцев. Общий политический курс сводился к замене самостоятельных и даровитых людей посредственностями, которые обязаны были своим положением только аппарату[12]. Желающие быть ближе к вождю вынуждены были не только подстраиваться под его психологический склад, перенимать приемы и методы работы, но и копировать внешность. Хамство,

грубость, нелояльность – качества, критикуемые Лениным, – становятся в элитной среде нормой.

Рядовые партийцы, испытывающие ежедневно неуважительное отношение, не желали мириться с создавшимся положением. Есть данные, что только в Киевской области партийные собрания и партийные активы потребовали снятия и привлечения к ответственности за хамство, грубость и всякие извращения 32 секретарей райкомов, в том числе четырех секретарей райкомов по городу Киеву и второго секретаря Житомирского окружкома[13]. В арсенале методов руководства этих партийных функционеров были грубые окрики, брань и матерщина[14]. Однако у сталинского руководства подобные управленческие приемы не вызывали отторжения. Низовые партийные работники во всем копировали верховную власть, старались ей подражать, главным образом, во внешних проявлениях. Стремящиеся в элиту начинают носить полувоенный китель-френч, бриджи, заправленные в сапоги, сбривают бороду и отпускают усы. "У нас все Политбюро было усатое, – говорил Каганович, – Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Орджоникидзе, Калинин, Андреев, Микоян..."[15]. Тем же, кто сам не мог догадаться, что вождю неприятна мода, которой следовали старые большевики, Сталин подсказывал. "Я бороду носил – вспоминает Каганович, – Сталин говорит: "Зачем тебе борода? – Я говорю: – Давно ношу. – Сталин: Надя, дай ножницы, я ему сейчас срежу бороду! Я говорю: – Хорошо, я бороду сниму сам"[16].

Перед сталинским ближайшим окружением возникла непростая задача, которая заключалась в принижении авторитета отстраняемых от власти и возвеличивании вновь назначаемых. Решение этой проблемы связывалось с необходимостью, с одной стороны, придать гласности все порочащие оппозиционеров сведения, преувеличив их до вселенского масштаба, а с другой, инициировать процесс "фабрикации искусственных репутаций, сочинения фантастических биографий", тиражирования рекламных клише "вождей по назначению"[17]. По словам Троцкого, была создана целая наука, посвященная вопросу о почетном президиуме: "Сначала Ленин и Троцкий, затем все Политбюро, потом стали их размещать по алфавиту. Затем этот порядок был нарушен в пользу новой иерархии вождей. На первое место, ненадолго, попал Зиновьев. Еще позднее стали появляться почетные президиумы без Троцкого. Потом первое место стало отводиться Сталину. Карьеры создавались и разрушались в зависимости от расстановки имен в почетном пре-

зидиуме"[18]. Лозунг "Долой культ вождей", весьма популярный в партии середины 20-х годов, был к началу 30-х совершенно забыт. На смену культа действительных вождей пришел культ вождей мнимых, масштаб которых не шел ни в какое сравнение с их предшественниками. По существу, все "творческое" воображение новоявленных вождей было занято этой работой, но народно-хозяйственные потребности и практические соображения заставляли искать новые кадры работников, способных хоть как-то заменить оппозиционеров.

Задача преодоления острого кадрового дефицита решалась с огромным трудом. В конце 1930 года Политбюро приняло специальное постановление "Об улучшении дела государственного планирования", в котором признавалась необходимость:

"а) Немедленного укрепления квалифицированными партийными и беспартийными силами Госплана СССР и плановых органов наркоматов СССР – ВСНХ, НКПС, НКЗем, НКТорг, кооперативных организаций и др., имея в виду перевод значительной группы студентов-четверокурсников из экономических вузов для этой работы …

б) Создание Плановой академии в Москве, в которой наряду с постоянными кадром слушателей, особенно из числа квалифицированных партийцев – хозяйственников, должны проходить ряд основных курсов (постановка учета, техническая рационализация, экономическая география, теория планирования, пятилетка и ее выполнение) товарищи, работающие в хозяйственных комиссариатах…"[19]. Вместо изгоняемых из государственных учреждений опытных специалистов – профессоров приходили недоучившиеся и не имеющие никаких практических навыков студенты. Работа по замене осуществлялась под пристальным вниманием и непосредственным сталинским руководством: "Я … послал Микояну… приветственное письмо по адресу ПБ по случаю того, что вам удалось <u>разгромить</u> гнездо Громанов, Виноградских и прочих буржуазных политиков, засевших в Госплане, в ЦСУ и т.д. Гоните их в шею из Москвы и ставьте вместо них молодых ребят, наших людей, коммунистов"[20].

Ротация кадров специалистов была вызвана не желанием создать более квалифицированные партийные и народно-хозяйственные органы, дающие возможность получить оптимальные результаты в сжатые, но научно обоснованные сроки, а необходимостью устранить тех, кому сталинская элита отказывала в доверии. Одновременно лица, известные Сталину и отнесенные им к разряду "своих", в обиду не давались никому. Примером может служить случай с управляющим трестом "Грознефть" Ганшиным, которого из-за халатности, приведшей к большому пожару в Майкопе, привлекали к судебной и партийной ответственности. В письме Молотову Сталин пишет: "Посылаю тебе письмо Ганшина с кое-какими материалами. Если верно, что ПБ привлекает его к судебной ответственности , то я думаю, что Ганшина придется в таком случае снять с ответственной хозяйственной работы и вообще потерять его на некоторый срок. Нельзя ли смягчить решение ПБ, сняв с Ганшина это самое "привлечение к судебной ответ[ственности]"? Я лично стою за это. Гораздо лучше было бы снять с "Союзнефти" Ломова (который не знает и не будет знать нефт[яного] дела) и поставить на его место Ганшина. Так было бы гораздо лучше"[21]. Мнение Сталина уже рассматривалось Молотовым как военный приказ, не подлежащий сомнению. Политбюро отменяет свое прежнее постановление, и Ганшин, вместо уголовной и партийной ответственности, получает серьезное повышение по службе[22]. Аналогичный подход демонстрировался и в отношении кадров партийной элиты. Летом 1930 года члены бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Кузнецов, Базовский, Егер, Клименко, председатель краевой контрольной комиссии Ляксуткин и др. направили Сталину коллективное письмо, в котором критиковалась работа первого секретаря Сибкрайкома Эйхе и ставился вопрос о его срочной замене[23]. Политбюро, обсуждавшее это заявление, постановило: за "беспринципную групповщину и непартийное поведение" наложить взыскания и снять с работы всех жалобщиков[24]. Важнейшая роль Сталина и здесь прослеживается весьма явственно: "Не кажется ли тебе, – пишет он Молотову, – более чем странным тот факт, что сибиряки молчали и не требовали снятия Эйхе, пока Сибкрайком обнимал обе половины Сибири, а теперь, когда разбили Сибирь на 2 части и сократили вдвое район деятельности Сибкрайкома (т.е. облегчили работу Сибкрая), Эйхе <u>вдруг</u> оказался "несправляющимся" со своими задачами? Я не сомневаюсь, что здесь имеется грубо замаскированная попытка обмануть ЦК и создать "свой", артельный крайком. Советую вышибить всех интриганов и прежде всего Клименко (украинские "методы" подкопа!) со всеми базовскими, ляскуткиными, кузнецовыми и т.п. и оказать полное доверие Эйхе, чтобы впредь неповадно было интриганам всяким клеветать на честных работников и обманывать ЦК"[25].

Аналогичная ситуация сложилась в Азербайджане. Секретарь и заведующая организационным отделом одного из райкомов, Артак и Шатуновская, выступили против руководителей Бакинского горкома партии во главе с Мирзояном, обвинив их в недостаточной борьбе с правым уклоном и в недооценке самокритики. Мирзояна от работы освободили, но Сталин считал это только собственной победой и не собирался делиться её лаврами, "воздавая должное" доносчикам: "Артак и Шатуновская, – писал он, – расценивают снятие Мирзояна Цент[ральным] Комитетом ВКП как свою победу, так же, как Шацкин расценивает победу партии над правыми как свою победу над слепковцами. Все это чепуха и глупость. Следовало бы и Шатуновскую, и Артака направить обратно в Москву... Добра от них в Баку нельзя ждать. [...]. Все Шатуновские и Артаки, как работники ничего не стоят..."[26]. Однако, если на ответственного работника падала хотя бы тень подозрения в нелояльности к высшему руководству, дело переходило в иную плоскость: "Посылаю тебе, – пишет Сталин Молотову, – только что полученное письмо Мирзояна. Ты знаешь, что я не сторонник политики "попустительства" в отношении товарищей, допустивших грубые ошибки с точки зрения интересов партии. Должен, однако, сказать, что не в интересах партии добивать сейчас Мирзояна". "Я думаю, что было бы недурно назначить Мирзояна секретарем Пермского (Урал) окружкома... [...]. На Урале, несмотря на его всё растущее колоссальное значение для СССР, страшно мало ответственных работников..."[27]. Сомнение, однажды поселившееся в сталинском сознании, не покидало его уже никогда. Оно могло только расти и шириться, выражаясь в травле ответственных работников, отстранении их от должности, новых назначениях с понижением, а затем, в перспективе, как правило, аресте и длительном тюремном заключении, либо, даже, расстреле. "Я думаю, что следствие по делу Кондратьева-Громана-Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бух[арин], Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять.

Нужно обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав об этом в печати"[28]. Расстрел постепенно выдвигается в ряд ведущих средств решения любых вопросов политического, хозяйственного и административного характера, а обнародованием данных о "справедливости" репрессий против "вредителей" население готовили к "спокойному" восприятию грядущих, весьма масштабных, карательных акций. Сталин оставлял за собой право единолично принимать решения, кого из элитных кадров казнить, а кого – миловать, кого возносить к вершинам власти, а кого лишать всех ее атрибутов. "Революцией поставленный – революцией смещенный" – для вождя это было естественным, обычным делом. Политбюро еще в июне 1932 года утвердило постановление ЦИК и СНК СССР "О революционной законности", в котором, помимо прочего, говорилось: "категорически запретить вмешательство партийных организаций в разрешение отдельных конкретных судебных дел, равно как и всякое снятие или перемещение судебных работников в связи с их деятельностью, без согласования с вышестоящими партийными и судебно-прокурорскими органами"[29].

Массовая операция ОГПУ, проведенная в 1930 году против бывших офицеров старой царской армии, добровольно перешедших на сторону Советской власти, не дала желаемых для сталинистов результатов, но явилась предвестником неотвратимо надвигающегося 1937 года. Преподаватели военной академии им. Фрунзе Какурин и Троицкий, арестованные по "подозрению" в контрреволюционной деятельности, дали показания, что Тухачевский (тогда командующий войсками Ленинградского военного округа) якобы считает положение в стране тяжелым и выжидает благоприятной обстановки для захвата власти и установления военной диктатуры, что у Тухачевского имеется много сторонников в военных кругах. Сталин посвятил в тайну этого секретного дела только самых близких к нему людей: Молотова, Орджоникидзе и, вероятно, Ворошилова. "Тухачевский, – писал Сталин Орджоникидзе, – оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте ПБ) и показания Какурина и Троицкого (о планах и "концепциях" Т[ухачевско]го) имеют своим источником одну и ту же питательную среду – лагерь правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым-Громанам-Сухановым. [...]

Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело…"[30]. Сталин явно обрабатывает своих соратников в нужном направлении, подготавливает их психологически, опробывает на них незамысловатый, но коварный, и потому хорошо срабатывающий в будущем план: арест помощника, секретаря, личного друга, родственника, просто сослуживца, у которого следствие должно любыми путями вырвать признательные показания в заговорщической деятельности интересующей вождя авторитетной и высокопоставленной, но потерявшей доверие персоны. Сталину уже было мало отстранить своего недруга от должности под благовидным предлогом, его нужно было скомпрометировать политически, растоптать морально и, в конце, уничтожить физически. Смена элитных кадров отныне будет проходить и с использованием подобной примитивной, но почти всегда достигающей желаемой цели, драматургии. Однако именно в этом случае еще не сложившаяся окончательно система дала сбой, номер не прошел, и военным удалось отстоять своего наиболее способного представителя, сохранив его в элитной группе вооруженных сил[31].

Из ленинской гвардии рядом со Сталиным оставались очень немногие. Причем это были лишь те люди, которые никак не могли составить ему конкуренции: Калинин, Ворошилов, Куйбышев и еще несколько других партийных деятелей. Первый из названных не пользовался большим авторитетом в партии и занимал скорее почетное, нежели властное место в иерархической пирамиде. Второй, выдвигаясь в военную элиту, войсками командовал неудачно. В ходе непродуманных боевых действий в 1919 году потерял 60 тысяч бойцов и был судим судом военного трибунала. На суде общее мнение судей выразил комиссар М.Л. Рухимович: "Все знают, – говорил он, – что Ворошилов опытный подпольщик и хороший парень. Но командовать он может ротой, батальоном, с натяжкой – полком. Командармом быть не может – не умеет. Это его беда, а не вина. Его нельзя было назначать командармом…"[32]. Третий был запойным алкоголиком, и Сталин прямо говорил, что "нельзя **надолго** оставлять ПБ и СНК на Куйбышева – (он может запить)…"[33]. Пьянство в сталинской элите было делом обычным и заурядным. Вождь сам всячески поощрял подобное явление и нередко активно в нем участвовал. Хрущев вспоминал, что, когда он работал в Москве, "почти каждый вечер раздавался мне звонок: "Приезжайте пообедаем". То были страшные обеды. Возвращались мы домой к утру, а

мне ведь нужно на работу утром выходить. […]. Просто невероятно, что Сталин порой выделывал. Он в людей бросал помидоры… Я лично это видел. …обед часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда в потолок и стены, то руками, то ложками и вилками. Меня это возмущало: "Как это вождь страны и умный человек может напиваться до такого состояния и позволять себе такое?"[34]. О том же самом пишет один из лидеров международного коммунистического движения и наиболее последовательный сторонник авторитарных методов правления, практиковавшихся Сталиным и его окружением – Матьяш Ракоши: "Обстановка на таких ужинах, – пишет он, – была непринужденной, рассказывались анекдоты, нередко даже сальные, под громкий смех присутствующих. Однажды меня попробовали напоить, но вино меня не берет, что присутствующие восприняли с признанием, при некоторой доле удивления"[35]. Ракоши продолжает: "У Сталина … такт и предупредительность почти полностью отсутствовали. У него до конца жизни оставалось что-то от сына сапожника из села Гори, что-то от тех 20 лет, которые он провел, как преследуемый зверь, и от суровости гражданской войны, где часто было не до такта и не до слабостей и где подобные качества могли принести не много пользы, а наоборот, причиняли вред"[36].

Сталину нравилось, когда в его присутствии напивались, и, зная это, некоторые старались ему угодить[37]. Смерть Жданова и Щербакова Хрущев связывает именно с этим обстоятельством. "Умер он (речь в данном случае идет о Щербакове. – *Н.С.*) от того, что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину". Щербаков, по словам Хрущева, помогал вождю спаивать своих соратников. Хрущев авторитетно свидетельствует, что именно Щербаков "разоблачил" перед Сталиным Берия, Маленкова и Микояна за то, что те "за обедом" пили не вино, а подкрашенную воду. "Сталин взбесился, что его обманывают", и устроил всем троим "большой скандал"[38]. Олег Трояновский, во времена Сталина совсем молодой переводчик МИДа, подтверждает свидетельства Хрущева и Ракоши. В доказательство он привел эпизод, произошедший с ним на даче вождя "Холодная речка": "Сталин, – пишет Трояновский, – обратился ко мне со словами: "Почему бы вам не пожить здесь с нами некоторое время" – и лукаво добавил: "Вот напоим вас как следует и посмотрим, что вы за человек"[39]. Так на практике проверялась поговорка: "Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке". У Хрущева, по его словам, "осталось самое неприятное впечатление"

о Щербакове, "недобропорядочном и способном на все, что угодно. Совести он не имел ни малейшей капли. Все мог сделать для того, чтобы поднять собственную персону, и кого угодно готов был утопить в ложке. А Сталину это нравилось. Он любил нас стравливать, взращивая и укрепляя внутренние подлые задатки Щербакова"[40]. Конфликт Хрущева и Щербакова возник, конечно, не на поприще различного отношения к потреблению алкоголя. Щербаков работал на Украине секретарем Сталинского (Донецкого) обкома. Вопреки желанию Хрущева, являвшегося тогда первым секретарем КП(б)У, Сталин решил забрать Щербакова с Украины для руководства московской партийной организацией. Хрущев противился этому решению, как мог. "Если нужен, – сказал он Сталину, – берите. Только на него … есть показания. Враги народа показали на него: показания такие, которые вроде бы заслуживают доверия". Сталин и здесь в очередной раз продемонстрировал, что только он может решать, кто и насколько может быть ответственен перед ним: "Давайте так, – сказал он, – проведем все-таки Щербакова, но к Щербакову надо послать вторым секретарем московского человека, которого бы мы хорошо знали, и ему надо сказать, что имеются материалы о связи Щербакова с врагами народа, и предупредить, чтобы он следил за ним. Если что покажется подозрительным, пусть скажет об этом в ЦК"[41]. Щербакову удалось закрепиться на новом месте и завоевать доверие вождя, но отношения с Хрущевым оставались плохими до конца его жизни.

Нужных людей Сталин старался "приблизить" к себя, делая для этого всё: звал на охоту, приглашал на свои "грузинские" пиры, приятельски приезжал к ним на дачи во время отдыха. Но далеко не все подходили для этих ритуальных действий. Иван Михайлович Москвин, секретарь ЦК и заведующий могущественным Оргаспредом, выдвинулся благодаря искренней ненависти к Зиновьеву и энергичной борьбой против "новой оппозиции". Он не пил и не курил, не любил "соленых" анекдотов и грубоватых словечек, не ценил вкусной еды, был равнодушен к зрелищам и не желал менять своих привычек. Поэтому он "отказывался от августейших приглашений на застолья, от участия в автомобильных налетах на курортные города, от ночных бдений за столом Сталина. …он был совершенно неподходящим "соратником", и падение его было неизбежным"[42]. В этом отношении Москвин напоминал Сталину Троцкого: "Хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек

отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни"[43].

Люди, обладающие качествами, присущими Троцкому и Москвину, если и попадали в сталинскую элиту, долго в ней не задерживались. Они были для вождя подозрительны, он обвинял их в неартельности, в индивидуализме, в аристократизме и в скором времени отправлял пополнять ряды репрессированных.

Однако любой вождь для реализации собственных идей нуждается в послушных, практически мыслящих и быстро действующих помощниках. Именно для такой роли Сталин и подбирал себе элитные кадры. Ракоши вспоминал, что "Сталин, как правило, критически отзывался о людях, о своих сотрудниках, но вместе с тем признавал их способности". Только о Ленине "он отзывался с теплотой и даже благоговением"[44]. Феликс Чуев утверждает, что подобную манеру оценок элитных кадров переняли и другие приближенные к вождю лица. Делясь своими наблюдениями с Кагановичем, он говорил: "Молотов такой человек, я его изучил: если он о ком-то сказал хорошее, тут же должен сказать и отрицательное. О ком бы он ни говорил. Сказал: "Каганович – самый крепкий, самый преданный". И тут же добавил: "Но в теории плавал". Это характерная черта Молотова, – соглашался Каганович"[45].

Творческое воображение, необходимое для руководителей столь высокого уровня, было для сталинского окружения категорически противопоказано. Это драгоценное качество в глазах Сталина обрело абсолютно отрицательный характер. Из всей совокупности качественных характеристик сам он в полной мере обладал лишь волей, зачастую выступающей в форме обычного упрямства, и "азиатской хитростью", проявляющейся в виде коварства, которыми и пользовался в полной мере. Примеры сталинского коварства нам еще придется приводить, а примеров упрямства мы находим в мемуарной литературе великое множество. Их приводят в своих воспоминаниях Н.С.Хрущев, А.И. Шахурин, Г.К. Жуков и целый ряд других деятелей партии, государства, армии. Все мнения наиболее правильно выразил Хрущев: "Если Сталин сказал, умно … или глупо, полезно или вредно, все равно заставит сделать. И делали!"[46].

Намечая человека к выдвижению, вождь был озабочен тремя обстоятельствами: во-первых, насколько претендент на планируемую большую должность предан лично ему и будет послушен; во-вторых, насколько он исполнителен; и, в-третьих, сможет ли он в ближайшем будущем завоевать большой авторитет и оспорить ведущее

положение вождя. Его не пугало, что претендент окажется слабее, чем он предполагал, лишь бы он не оказался намного сильнее.

Используя богатый жизненный опыт профессионального революционера и опираясь на знания закулисной жизни властвующего класса, полученные при общении с такими мастерами интриги, как Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек и некоторые другие деятели революционного движения, он редко ошибался в людях. Сталину почти всегда удавалось подбирать и расставлять людей, довольно умело используя отдельные, подмеченные в человеке самые мелкие (особенно искал негативные) черты, интуитивно соотнося их с определенной, нужной именно в это время работой, не забывая, впрочем, о сборе компрометирующих данных на своего протеже. Умение ранжировать людей в соответствии с их качествами, так необходимое всем крупным администраторам и лидерам переходных эпох, в определенной мере было присуще и Сталину. Однако он нередко допускал здесь серьезные ошибки, особенно в конце тридцатых годов[47]. Это происходило потому, что он старался подыскать для партийной работы чаще всего не героев и кудесников, а "цепных псов" и злодеев, либо тех, кто таковым может стать при его умелом руководстве. Расстрельные списки, которые подписывались всеми членами сталинского руководства, связывали их в тесную группу ответственных лиц. Именно в это время в поле зрения попадают молодые, энергичные и, как ему казалось, не амбициозные люди из второго и даже третьего эшелона партийной олигархии: Георгий Маленков, Николай Ежов, Николай Булганин, Лаврентий Берия, Никита Хрущев, – в дальнейшем оказавшие существенное влияние на политическую жизнь страны.

"О Маленкове, – справедливо считает Рой Медведев, – трудно написать даже самый краткий очерк. В сущности, это был человек без биографии, деятель особых отделов и тайных кабинетов. Он не имел ни своего лица, ни собственного стиля. Он был орудием Сталина, и его громадная власть означала всего лишь продолжение власти Сталина"[48]. По словам людей, близко его знавших, "Маленков по своей натуре был лишен всяких диктаторских черт" и по производимому впечатлению "не был честолюбивым человеком"[49]. Он никогда не был работником самостоятельным и всегда нуждался в чьем-либо руководстве. Благодаря этому, вероятно, и стал второй в партии и государстве фигурой.

Ежов работал секретарем одного из провинциальных окружкомов Сибири и производил впечатление тихого, скромного и исполнительного человека. Вероятно, именно эти качества и обратили на него внимание И.М.Москвина, вызвавшего Ежова в Москву и сделавшего его сначала инструктором, затем помощником и заместителем заведующего организационно-распределительным отделом. Попав на глаза Сталина, Ежов быстро стал его любимцем. Он сделал невероятную карьеру, заняв пост секретаря ЦК, Председателя ЦКК и Генерального комиссара государственной безопасности. Москвин о нем говорил: "Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным – он все сделает. У Ежова есть только один, правда существенный, недостаток: он не умеет останавливаться. Иногда существуют такие ситуации, когда невозможно что-то сделать, надо остановиться. Ежов – не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить..."[50]. Этот недостаток оказался весьма опасным и в дальнейшем погубил Ежова, а пока черты исполнителя вполне были востребованы и находились в перечне важнейших. Сталин в записках, направляемых лично Ежову, весьма одобрительно отзывается именно об этом качестве: "...у Вас обычно слово не расходится с делом и есть надежда, что мою просьбу выполните" – и продолжал: "хорошо, что вы цепко взялись за дело и двинули его вперед"[51]. Щедрость Сталина распространялась не только на эти скромные словесные похвалы исполнительности Ежова, но и на посты, должности, звания и иные награды. Исполнительность была достаточным свойством характера для того, чтобы стать кандидатом в члены Политбюро и генеральным комиссаром государственной безопасности (звание, равное маршальскому, а, по существу, возносящее его обладателя над военными).

"Булганин, – вспоминал бывший управляющий делами Совета министров СССР М. Смиртюков, – звезд с неба не хватал. Сказать или предложить что-то оригинальное не мог. Но прошел хорошую школу: до того, как возглавить Госбанк, он работал в ЧК, госаппарате, был директором крупнейшего московского предприятия – электрозавода. Тут его и заметили – электрозавод выполнил первый пятилетний план за два с половиной года и гремел на всю страну. Булганин стал председателем исполкома Моссовета, потом Совнаркома РСФСР. У него была очень полезная для продвижения по службе черта характера: он никогда не возражал начальству. Что бы оно ни говорило. [...]. Он потому с легкостью и возглавлял такие разные организации, как Госбанк и Министерство обороны, что в ос-

новном передавал подчиненным указания Сталина, оформленн в решения Политбюро, а затем следил за их неукоснительным и полнением"[52].

Пожалуй, одним из наиболее умных и способных среди стали ских клевретов был Лаврентий Берия. Знакомство с вождем у не состоялось в 1924 году, когда он сумел обратить на себя вниман "верховного правителя" тем, что "предупредил Москву о гото щемся в Грузии восстании"[53]. Сталин благоволил к сотрудник ЧК, старался их эффективно использовать и по прямому назнач нию, и на партийной работе. В 1931 году, когда правящая элита о вобождалась от сторонников правых в периферийных партийны организациях, Берия назначают первым секретарем ЦК компарти Грузии и вторым секретарем Заккрайкома ВКП(б), а уже через год первым секретарем Закавказского крайкома. Знавшие его люди г ворили, что Берия обладал незаурядными организаторскими кач ствами. Первое, что он сделал, став заместителем Ежова, – пер ключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находи шейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлени НКВД, которые подверглись репрессиям, и превратился в наибол информированного и, следовательно, наиболее полезного в это отношении сотрудника[54]. Берия умел распознать настроение Ст лина, толково доложить, понятно объяснить, интересно рассказат а в случае необходимости, и запугать вождя опасностями покуш ний, с которыми только он якобы может успешно справиться. Кр ме этого, ему удалось, присвоив авторство книги "К вопросу о истории большевистских организаций в Закавказье", создать о себ славу ученого-историка и литератора-пропагандиста.

Грубый и жестокий в общении с подчиненными, он мог быт внимательным, учтивым, умел оказывать каждодневную поддерж ку людям, занятым важной работой, защищал их от всевозможны интриг органов или же партийных инстанций[55].

Никита Хрущев – личность противоречивая и импульсивная. Ка всякий малограмотный человек (Шепилов утверждает, что видел лишь одну написанную рукой Хрущева резолюцию на одном и документов; надпись гласила: "Азнакомица")[56], он больше полагался на чувства, чем на логику разума. Образованность и интеллигентность были для него предметом и восхищения, и зависти. "Тебе-то хорошо, – говорил он много раз Шепилову, – ты десять академий закончил, а я, куда ни поеду учиться, меня тут же – на партийную работу"[57]. Судьба Хрущева весьма типична для претендентов в ста

линскую партийную элиту тридцатых. Политический просчет (поддержка троцкистов) в начале его партийной карьеры, признание своих ошибок и обращение за помощью и поддержкой к Генеральному секретарю ЦК КП(б) Украины Л.М. Кагановичу дали определенный толчок его продвижению в верхние эшелоны власти. Каганович рассказал Сталину о Хрущеве, оценив того как хорошего работника, поведал и о его троцкистских увлечениях. Сталин только спросил: "А как он, изжил эти ошибки?". Каганович ответил: "Не только изжил, но активно с ними борется". – "Ну тогда, – сказал Сталин, – его надо выдвигать, тем более что он работник хороший". Жена Сталина Н.Алилуева, учащаяся Промакадемии, подтвердила характеристику, данную Кагановичем[58], и в мае 1930 года Хрущев избирается секретарем партячейки Промакадемии. Он прекрасно понимал цену его поддержки Центральным Комитетом партии и расплачивался сполна. За семь месяцев его секретарства из повестки дня заседаний бюро и партийных собраний фактически исчезли все вопросы, кроме персональных дел коммунистов. "При этом, – пишет исследователь А.Пономарев, – использовались разнообразные средства дискредитации обсуждаемых – вплоть до непроверенных слухов, обрывков разговоров и клеветнических заявлений. Инспирировал подобные нечистоплотные приемы лично Хрущев, проявляя при этом немалые дирижерские способности. Обвинения носили порой настолько бездоказательный, огульный характер, что многие не выдерживали"[59]. Наказание, предлагаемое Хрущевым, было одно – немедленное исключение из партии. Подобной экзекуции подверглись около 40 слушателей. Даже спустя много лет Хрущев, говоря о ликвидации "правых" в Промакадемии, с удовольствием бахвалился: "Отбрасывая скромность, скажу, что моя роль в том была первой"[60]. Позднее из всех наиболее близких к Сталину людей Хрущев признавался наиболее покладистым, и Сталин считал его самым верным человеком[61]. После избрания его секретарем Бауманского, а затем Краснопресненского райкомов ВКП(б) масштабы искоренения "неверных" значительно расширились. Его, как раньше Кагановича, стали бросать на "пожарные ситуации". Через полгода он – второй секретарь МГК. Такая явно форсированная карьера вызвала много толков. "Меня и некоторых других, – не без зависти записал в те дни в своем дневнике один партийный функционер – Соловьев, – удивляет быстрый скачок Хрущева. Очень плохо учился в Промакадемии. Теперь второй секретарь, вместе с Кагановичем. Но удивительно недалекий и

большой подхалим"[62]. Хрущев взбирался все выше и выше, попутно отрабатывая полученные авансы. В 1936 году, когда он был секретарем МГК и МК, только по Москве было исключено из партии 7,5% от общего числа проверенных. Отчитываясь на пленуме МГК за прошедший 1935 год, он хладнокровно констатировал: "Арестовано только (!) 308 человек. Надо сказать, что не так уже и много мы арестовали людей… 308 человек для нашей Московской организации – это мало"[63].

Хрущев искренне боролся (или умело создавал впечатление об этом) с оппозиционерами, нарушителями генеральной линии партии. Он ни на минуту не сомневался в правильности указаний ЦК. "Сомнения, – подчеркивал он неоднократно, – черта не наша, не большевистская"[64]. Сомневаться в гениальности вождя – уголовное преступление, и сомневающийся должен быть наказан. Аналогично действовали и другие сталинские соратники. Получая от вождя какое-либо указание, они были готовы сломать "любые барьеры, могли идти на любые жертвы и затраты, чтобы выполнить это задание молниеносно и безукоризненно"[65]. Характеризуя членов сталинской элиты, особенно важно подчеркнуть, что в готовности услужить вождю они просто обязаны были даже не задумываться над вопросом, будет ли "от выполнения этого задания польза или вред государству"[66]. Всех, кто при Сталине состоял в "ближнем круге", объединяло одно – своим положением они были обязаны только вождю и ему нужно было служить верой и правдой.

Французский философ и идеолог буржуазной революции Клод Адриан Гельвеций однажды сказал: "каждый период имеет своих великих людей, а если их нет, – он их выдумывает". Готовящийся сталинский термидор нуждался именно в посредственностях, могущество которых заключалось в их политической слепоте, и они отыскались в серой партийной массе к вящей радости вождя.

Среди методов партийной работы на ведущее место начинают выдвигаться те, которые не свойственны цивилизованному обществу. Огромные масштабы стало приобретать доносительство. Поощряемое властью, оно трансформировалось в один из основных факторов политической борьбы. Феномен доноса обрел в тридцатые годы столь значительный размах, что ныне превратился в объект научного исследования[67]. Автор статьи "Феномен доноса" заместитель директора государственного архива Российской Федерации Владимир Козлов указывает, что явление доноса в Советском Союзе имело традиционные и психологические корни. "Архаические

пережитки в политической культуре СССР (почти полное отсутствие традиций судебного разрешения конфликтов между гражданином и институтами власти, "начальниками" и "подчиненными", предельная ограниченность легального права людей на самоорганизацию, непосредственность переживания личностью психологической связи "Я и верховная власть") делали донос в первую очередь конструктивным элементом традиционной для России системы бюрократического управления и лишь затем моральной проблемой"[68]. Элементы властвующей элиты, рассредоточенные по бескрайним просторам СССР, имели возможность длительное время действовать бесконтрольно, необоснованно и произвольно. Причем в их действиях зачастую отсутствовало попечение о государственном благе и элементарная забота о благополучии подопечных граждан. В сложной трехэлементной системе взаимоотношений населения, чиновничества и верховной власти институт доносительства выполнял функции "обратной связи" в громоздкой, малоэффективной, хотя и стабильной структуре управления, а сам донос был важным элементом управленческой культуры на протяжении веков. Вера в "доброго барина", царя, генерального секретаря в народе не истребима. "Донос наряду с жалобами "высшему начальству" через голову чиновников и бюрократов, обидчиков и притеснителей, – пишет Козлов, – нередко заменявший простым людям и суд, и другие институты гражданского общества, был последней надеждой на восстановление справедливости (как они ее понимали), позволял хоть как-то контролировать поведение высокопоставленного чиновничества, сохраняя за верховной властью ореол непогрешимости и праведности, отводя недовольство населения в русло "локальной критики"[69]. Вождь стремился всеми силами поддерживать этот сложившийся в народном сознании миф. Однако власть принимала меры лишь тогда, когда ее собственный узкий или широкий интерес выстраивался в кильватер доноса, создавая иллюзию высшей справедливости. В то же время вина высшего руководства страны во главе со Сталиным состояла не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что они позволяли своим подчиненным от их имени уничтожать тех, кто оказывался неугоден местному партийному начальству на районном, областном и республиканском уровнях. Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие в работе чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов[70]. Политические доносы превращались в

средство устранения чиновников или соперников либо, что бывало реже, из-за "бескорыстной любви к справедливости", либо, значительно чаще, из-за решения карьерных проблем. Например, секретарь парткома одного из коломенских заводов Х.Э.Рубинчик написал донос на двух партийных функционеров. Последствия не заставили себя долго ждать: функционеров убрали, а доносчика избрали секретарем Коломенского горкома партии. Партийные чиновники постоянно находились под угрозой доноса, и их политическая и служебная лояльность была обусловлена этим постоянным страхом. Члены партийной элиты жили под гнетом иллюзии тотального контроля за их политической благонадежностью и поведением. Однако на самом деле тотальным был не столько сам контроль, сколько страх перед ним. Постоянное ощущение нависшей, как дамоклов меч, опасности преследовало партийных функционеров неотступно. Сталин поощрял доносительство и соперничество; он понимал, что при этом его власть не пострадает, а борьба за влияние внутри его сторонников давала ему возможность при первой же необходимости избавиться разом от них всех. Он в любой момент мог заменить их более молодыми партийными работниками с мест, которые не имели опыта интриг наверху[71]. Но для этого была нужна серьезная причина. Причем далеко не всякое преступление могло ею стать. ЦК не всегда принимает меры даже по фактам взяточничества, "разложения" и т.п. по докладам Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Сталин предпочитал не наказывать преданных высокопоставленных чиновников из своего окружения. Если же на них падало подозрение в соперничестве, то этот компромат сразу же использовался для увольнения или репрессий[72].

Политическое руководство страны требовало от контролирующих органов (особенно ОГПУ) дальнейшего накопления конкретных фактов, анализа появляющихся проблем, повышенного внимания к людям оппозиции и тем, кто был с ними связан[73].

Центральному Комитету партии было известно о противоречиях, возникающих в отношениях между местными партийными элитами ВКП(б) и органами ОГПУ, которые базировались на том, что партийные комитеты в целом, стремясь показать наилучшим образом свою работу, приукрашивали информацию о положении дел на местах, а чекисты, руководствуясь не только желанием продемонстрировать свою полезность, но и подспудными экономическими и идеологическими соображениями, подчеркивали опасность любых

шагов по либерализации режима, ссылаясь на активность "классового врага" и политическую неустойчивость части рабочего класса, крестьянства и особенно интеллигенции. Кроме того, в органах безопасности было немало людей, разделявших те или иные оппозиционные взгляды.

Вслед за устранением от руководства правых началась чистка государственных организаций и учреждений. Летом 1931 года произошли серьезные кадровые изменения в управленческих структурах ОГПУ. Событие было столь неординарным, что Сталин лично адресовался к секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов с письмом-обращением, требуя разъяснить узкому активу работников ГПУ причины перемен в руководстве ОГПУ. В письме разъяснялись причины отстранения от начальственных должностей ответственных работников центрального аппарата Мессина, Бельского, Ольского и Евдокимова. Они обвинялись в том, что: "а) вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ; б) распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является "дутым" делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ. Для партийно-политического укрепления органов разведки и контрразведки, формирования, обучения и распределения кадров в центральный аппарат переведены Акулов, Балицкий и Булатов". "ЦК, – говорилось далее, – подчеркивает, что все разговоры и измышления о "внутренней слабости" органов ОГПУ и "неправильности" линии их практической работы" являются слухами, исходящими, "без сомнения, из враждебного лагеря"[74]. В изощренном "азиатском" уме Сталина уже зрели планы проведения массовых операций против недругов и искоренения их целыми социальными пластами. Он не желал соглашаться с теми чинами в ОГПУ, которые предлагали вести тонкую агентурную работу по выявлению отдельных, враждебно настроенных элементов, не хотевших возрождения методов времен "военного коммунизма".

Сталин, намереваясь опереться на сформированную по его понятиям партийную элиту и элиту "тайной полиции", до конца ей не доверял. Его "линия, – отмечал Павел Судоплатов, – состояла в постоянных перемещениях партийных руководителей высокого ранга и чиновников госбезопасности, не позволяя им оставаться на одном и том же месте более трех лет подряд, чтобы не привыкали к

власти"[75], не обрастали "своими" людьми, не устанавливали тесных личных отношений в различных организациях и ведомствах, выявляли недостатки (мифические и действительные), допущенные предшественниками. В этом плане весьма показательно выступление Г.М.Маленкова на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): "Недавно произошла передвижка трех секретарей обкомов: тт. Семенова (из Крыма в Сталинград), Лаврентьева (Картвелашвили) (из ДВК в Крым) и Варейкиса (из Сталинграда в ДВК). Тов. Варейкис, приехав на ДВК, говорит так: что он не ожидал встретить в ДВК такой запущенности в области партийной работы. Я думаю, что на свежую голову т. Варейкис заметил недостатки, которые не были замечены т. Лаврентьевым.

Тов. Семенов приехал в Сталинград. После того, как он познакомился несколько с положением дел, он говорит, что он не ожидал встретить в Сталинграде такой запущенности партийной работы. Я думаю, что свежему глазу т. Семенова больше заметны такие недостатки, которые не были известны ЦК. Тов. Лаврентьев приехал в Крым. После того как он познакомился на месте с положением дел, он говорит: я не ожидал встретить в Крыму такую запущенность партийной работы"[76]. Этот эскиз партийной жизни тридцатых годов весьма красноречиво характеризует отношения в элитной среде.

В партию, как и раньше, принимали рабочих и крестьян, занятых физическим трудом на производстве, или служащих в РККА, а затем отсеивали ненадежных. Эти данные показаны в табл. 4[77].

Таблица 4

Год	Принято	Исключено	Выбыло добровольно
1929	297 630	102 273	15 410
1930	670 529	81 408	18 552
1931	997 398	64 625	13 501
1932	762 318	86 102	20 006
1933	нет	364 887	54 919
1934	нет	211 772	17 136

На начало 1933 года приходится пик численного роста ВКП(б) за все предвоенные годы. В рядах партии насчитывалось тогда 3 210 575 членов. С этого момента количественно партия неуклонно сокращается и к концу 1938 года уменьшается почти вдвое[78]: в 1934 году – 2 416 391, в 1935 – 2 123 033, в 1936 – 1 875 687, в 1937 – 1 777 390, в 1938 – 1 682 549.

Осуществлялась сплошная перетасовка фабрично-заводских комитетов в главных промышленных центрах – Москве, Ленинграде, на Украине, Урале (замене подверглись от 78 до 85% секретарей всех первичных партийных организаций)[79].

Динамика социального состава ВКП(б) за это время показывает, что качественно партия изменялась несущественно, то есть основные установленные Центральным Комитетом ВКП(б) пропорции (данные в процентах) сохранялись[80] (табл. 5).

Таблица 5

Годы	Рабочих	Крестьян	Служащих и остальных
1930	65,8	19,7	14,5
1931	66,6	22,3	11,1
1932	65,5	26,1	8,4
1933	63,9	28,3	7,8
1934	61,9	28,5	9,6
1935	62,5	27,4	10,1
1936	62,8	26,9	10,3
1937	62,8	25,4	11,8
1938	64,5	24,6	10,9

Снижение численного состава коммунистов и кандидатов ВКП(б) происходило по всем губерниям страны, в том числе и в Саратовской организации[81] (табл. 6).

Таблица 6

Партийный состав	На 1 января 1934 г.	На 1 июля 1934 г.	На 1 января 1935 г.
Членов ВКП(б)	23 327	21 252	20 903
Кандидатов в чл. ВКП(б)	13 219	11 157	10 267

Количественный состав ВКП(б) на ноябрь 1933 года с учетом партийного стажа представлял собой следующее[82]: с партстажем до 1917 г. – 0,5%, 1917–1920 гг. – 9,5%, 1921 – 1923 гг. – 2,2%, 1924 – 1926 гг. – 21,7%, 1927–1928 гг. – 15,3%, 1929 – 1930 гг. – 12,5%, 1931 г. – 18,7%, 1932 г. – 19,6%.

Приведенные данные подтверждают постоянную работу сталинской элиты по корректировке состава ВКП(б), уменьшающую её численность, снижающую роль и влияние той части партии, которая не считалась надежной, но могла повлиять на ее политику. Только 10% от ее общего контингента вступили в партию при другом вожде, других отношениях, другой политической линии, а 66,1% – в момент борьбы или уже после разгрома всех оппозиций.

В ноябре 1933 года ВКП(б) состояла из следующих возрастных групп[83]: до 24 лет – 9,3%, 25 – 29 лет – 31,2%, 30 – 39 лет – 41,3%, 40 – 49 лет – 14,3%, 50 – 59 лет – 3,3%, старше 60 лет – 0,6%.

Средний возраст членов партии равнялся 32,8 года. По сравнению с 1927 годом средний возраст членов партии повысился на 1,7 года[84].

Региональная элита, откуда вождь постоянно черпал кадры для центрального аппарата, в подавляющем своем большинстве имела в своих рядах тех, кто по основным критериям ему подходил[85] (табл. 7).

Таблица 7

Критерии	В ЦК нац. компартий, %	В краевых, областных комитетах, %	В райкомах, %
Партстаж после 1920 г.	51,2	75,5	91,4
Начальное образование.	45,6	58,4	83,2
Без политического образования	57,7	53,9	62,3

Однако далеко не все ответственные партийные работники понимали суть сталинских политических идей. Особенно неясным было запрещение выдвигать на ответственные партийные посты образованных людей. Член ЦК ВКП(б), первый секретарь Горьковского, а затем Донецкого обкомов Э.Прамнек, выступая на партийном пленуме, говорил: "Растут партийные кадры медленно… потому, что у них низкий общеобразовательный уровень"[86]. У людей, осуществляющих политическую власть, не было элементарных знаний по истории, экономической географии и даже русскому языку. Прамнек робко пытался поставить вопрос о выдвижении, хотя бы на низовые партийные должности, людей грамотных – техников и инженеров, но поддержки у Сталина и его верховного ареопага не нашел, а вскоре сам был подвергнут репрессии.

Такое положение искусственно поддерживалось вождем и сталинским окружением на протяжении десятилетий. Сталин считал, что подкреплять собственный авторитет и авторитет своих приближенных можно не столько за счет повышения собственного интеллекта, сколько путем постоянного снижения культурного уровня ВКП(б) в целом. Академик Вернадский, длительное время ведущий дневниковые записи, в тетради, относящейся к 1938 году, четыре раза повторил весьма смелую по тем временам мысль, что "вся высшая бюрократия ниже среднего нашего уровня"[87]. Мало того, он "смел" оценивать качества выдвиженцев: "Подбор людей (и молодежи) в партии ниже среднего уровня страны – и морально, и умственно, и по силе воли"[88], "щедринско-гоголевские типы – на каждом шагу. Царство их в текущей жизни"[89]. Характеризуя персонально знакомых ему Эйхе, Косиора, Петровского, Стецкого, Вернадский записал: "По существу, все это люди средние, может быть и ниже"[90].

Очевидно, что вождь подбирал в свою элиту тех партийных субъектов, которые качественно ему существенно уступали, оттеняя и поднимая авторитет лидера. Формула, выведенная специалистами-управленцами, гласит: "управляющий элемент системы не может быть слабее управляемых" и наоборот – "управляемый элемент не может быть сильнее и влиятельнее управляющего". Это закон любой (а тоталитарной в особенности) управляемой системы. В противном случае вся система управления не в состоянии существовать и эффективно функционировать. Она обречена на прозябание, застой, постепенное загнивание, разложение и гибель. Если все властные приказы, распоряжения и постановления подвергаются сомнению, обструкции, а, возможно, и осмеянию, то рассчитывать на своевременную передачу директив и их быстрое исполнение нельзя. Затраты расходуемого времени и энергии на осуществление деятельностных мероприятий столь огромны, что во много раз превосходят наличный ресурс полезности правящей элиты, сформированной на сталинских принципах. Каждое управленческое решение в этом случае будет приниматься с боем, с борьбой, с преодолением жесточайшего сопротивления: "В нашей партии, – писал Ленин, – я видел … такие примеры. "Новые" пришли, стариков не знают. Рекомендуешь – не доверяют. Повторяешь рекомендацию – усугубляется недоверие, рождается *упорство*. "А мы не хотим"!!!

Ничего не остается: сначала, боем, завоевать новую молодежь на свою сторону"[91]. Сталин не собирался уговаривать непослушных и независимых, прибегать к мерам убеждения, отыскивать и приводить аргументы "за" или "против". Он не объяснял свои поступки, а требовал, заставлял, принуждал. В этих условиях политика распределения малограмотных и некомпетентных людей на властных должностях носила вполне продуманный и целенаправленный характер: этим людям можно было отдавать любые приказания и можно было быть уверенным – они их выполнят[92].

Сталин, по мнению Бухарина, "испытывал непримиримую зависть к тем, кто знает или умеет больше, чем он"[93]. Пантелеймон

Кондратьевич Пономаренко рассказывал на одной из своих многочисленных встреч, как вождь однажды в его присутствии сказал Берии: “Лаврентий Павлович, если ты будешь убирать всех, кто знает и умеет больше нас, то с кем мы будем работать?”[94]. Однако цена сталинского фарисейства ныне хорошо известна не только узкому кругу политиков, специалистов-историков, но и широкой массе читателей.

Американский политолог М. Левин в своей статье “Бюрократия и сталинизм” подчеркивает, что решающим фактором бюрократизации советской политической системы является “неспособность правящей партии выдвинуть достаточно сильных и энергичных руководителей”[95]. Вождь, предъявляя к элитным элементам им самим выработанные “эталонные” требования, внимательно следил, чтобы на высшие партийные и государственные должности не проникли те, кто мог бы стать в дальнейшем харизматической фигурой. Партия уже не рассматривалась Сталиным как отряд единомышленников, преданных социалистическим идеалам и принципам справедливости. Она под его руководством превратилась в машину для управления страной. Тезис М.Вебера о невозможности для бюрократии вырастить в своей среде лидеров, обладающих достаточным опытом для того, чтобы разбираться в глобальных политических вопросах, примером советской России подтверждается полностью. В советской модели, кроме прочего, отсутствовала ответственность элиты перед народом и рядовыми партийцами, как и способность преодолевать пагубные потенции, заложенные в бюрократии.

10

ФИНАЛ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ: РОТАЦИЯ СМЕРТЬЮ

Вопрос о качествах элиты, в которой Сталин серьезно нуждался, был к началу тридцатых годов уже решен и отбор в нее шел полным ходом. Однако ясности в том, что делать со старой, отстраненной от власти, ненужной вождю, но не желающей уходить из политической жизни “большевистской гвардии”, это не добавляло. Старая гвардия, еще имевшая устойчивые позиции в Центральном Комитете ВКП(б), крепкие личные связи в государственных и партийных организациях и учреждениях, продолжала через все доступные ей каналы собирать информацию, анализировать, критиковать правящую группу и убеждать партийную массу в неспособности Сталина и его окружения успешно руководить страной и мировым коммунистическим движением. Возможности у старой большевистской элиты были все еще весьма значительные хотя и ограниченные. Она имела специальные знания, достаточный уровень образования и немалый опыт работы на руководящих постах. Очевидно, что в середине тридцатых годов (в момент XVII съезда) её влияние в партии и обществе сохранялось, несмотря на изменение численности в среде ответственных работников[1] (табл. 8).

Таблица 8

Состав ЦК	Всего	1905 г. и ранее	1906 – 1916 гг.	1917 г.	1918 – 1920 гг.	1921 г.
Члены ЦК	71	25	36	5	5	0
Кандидаты в члены ЦК	68	15	21	17	14	1

Кроме того, определенный ресурс для компетентной и эффективной работы имела также и оппозиционная элита, располагающая кадрами нужной квалификации (табл. 9)[2]. Отсутствовало немногое: доверие вождя и его воля использовать ее для позитивной работы.

Таблица 9

Учреждения и организации	Всего ответств. работников – оппозиционеров	Из них			
		Руководителей учреждений и предприятий	Их замест.	Нач. управл. отделов	Зав. секторами, референтов и др.
Союза ССР и РСФСР	149	17	11	42	13
Союзных республик	43	12	7	12	5
Краевых, обл., автономных	116	29	14	27	10
Окружных и межрайонных	6	2	1	0	3
Москвы и Ленинграда	10	4	0	2	4
Городов и городских районов	57	27	8	12	6
Сельских районов	66	49	4	8	5
Сельских организаций	10	10	0	0	0
Первичных организаций	375	187	36	73	9

По важнейшим отраслям народного хозяйства коммунисты-оппозиционеры распределялись следующим образом[3]:

промышленность – 1 120 человек
сельское хозяйство – 178 – “ –
транспорт и связь – 197 – “ –
строительство – 100 – “ –
торговля, снабжение, заготовки – 183 – “ –
культура и наука – 612 – “ –
здравоохранение – 47 – “ –
советские и административные органы – 346 – “ –
партийные, профсоюзные, общественные организации – 219 – “ –
военные – 12 – “ –
прочие – 51 – “ –
неработающие – 94 – “ –

Данные о коммунистах, участвующих в оппозициях и антипартийных группировках, получены по материалам обмена партийных документов 1936 года, поступивших в ЦК ВКП(б) до 1 ноября 1937 года. Однако на февральско-мартовском Пленуме ЦК Сталин в своем вы.ступлении приводил иные, значительно более высокие цифры численности оппозиционеров и их сторонников. Подсчет он осуществлял чрезвычайно просто: “…за троцкистов голосовали 4 тыс., воздержалось 2 600, получается – 6 600. Добавим им 11 тыс. – 18 тыс. вот троцкисты. Тысяч 10 можно положить за зиновьевцев – 28 тыс., давайте *будем класть для объективности больше* (курсив мой. – *Н.С.*), чем следует, – 28 тыс. И всякая другая шушера: правые и прочие, давайте будем класть 30 тыс., вот вам кадры, количество отнюдь не преувеличенное, люди, которые стояли за антипартийное течение, за троцкистов, за зиновьевцев. Многие стали высказываться за зиновьевцев и потом всякая мелочь: рабочая оппозиция, правые, демократический централизм и т.д. – 30 тыс. […] Сейчас у нас членов партии полтора миллиона … с кандидатами – 2 млн. Из этих кадров троцкистов, зиновьевцев уже арестовано 18 тыс. Если взять 30 тыс., значит, 12 тыс. остается”[4].

Достоверные данные отдела руководящих партийных органов свидетельствуют о чудовищном преувеличении вождем своих политических и личных врагов. В документах мы обнаруживаем следующие данные, относящиеся к участвующим в оппозициях и группировках[5]:

троцкисты и зиновьевцы – 1 849 чел.;
правые (бухаринцы) – 107 – “ –;

право–левацкий блок – 9 – “ –;
левые коммунисты – 41 – “ –;
рабочая оппозиция – 160 – “ –;
группа “демократического централизма” – 16 – “ –;
националистические группы – 229 – “ –.

Кроме оппозиционеров, строгому учету подвергались и колеблющиеся:

троцкистско-зиновьевского характера – 634 чел.;
правооппортунистического характера – 70 –“–;
националистического – 44 –“–.

Сталин, вероятно, с целью снижения шокового эффекта от приведенных в своей речи цифр, успокаивал присутствующих элитных субъектов – членов ЦК тем, что “многие из них (оппозиционеров. – *Н.С.*) перешли на сторону партии, и перешли довольно основательно. Часть выбыла из партии, часть остается, как будто бы не очень большие силы. Но, – подчеркивал он, – ... для того чтобы напакостить и нагадить, для этого не требуется много сил”[6]. Приводя данные, вождь скорее всего опасался упустить кого-нибудь из оппозиционеров, “замазать” чью-то антипартийность, либо о ком-то забыть. Цена обсуждаемого вопроса была слишком высока. Каганович позднее пояснял, что для сталинского руководства иметь в условиях капиталистического окружения “столько правительств на свободе, ведь они все были членами правительств”, было слишком опасно. “Троцкистское правительство было, зиновьевское правительство было, рыковское правительство было, это было очень опасно и невозможно. Три правительства могло возникнуть из противников Сталина”[7]. И хотя вождь лично и достаточно долго знал всех отставленных ответственных работников и был знаком с многими членами их семей, он без колебаний принял решение об их уничтожении. Тот же Каганович говорил, что “Сталин не признавал никаких личных отношений. Для него не существовала любовь, так сказать, к человеку как к человеку”[8], вождь оценивал лишь меру полезности, вредности или сомнительности того или иного элитного элемента.

Видя, что лидеры оппозиции используют против его руководства весь арсенал ленинских приемов и методов, разработанных для борьбы против буржуазного правительства, вождь принял окончательное решение о безжалостном устранении их с политической арены. “...Они встречались, беседовали о политике ЦК и прочее. [...] Они рассматривали себя как правительство, как подпольное

нелегальное правительство. Неустойчивое, но правительство. Как же можно было их держать на свободе”, – убежденно говорил Каганович[9]. “Вы же поймите, – продолжал он, – в каком положении Сталин оказался! Этакие могиканы (так в тексте, – *Н.С.*) – Троцкий, Зиновьев, Каменев” они “не могли простить Сталина за то, что он их, так сказать, сшиб”[10]. “Имея перед собой таких – это киты были, – конечно, Сталин не мог оставаться пассивным и ждать, пока его за глотку возьмут, как Робеспьера, уничтожат. Робеспьера же уничтожили, потому что он ждал примирения, а “болото” его и погубило. Те, кто ему вчера аплодировали, сегодня кричали: “На гильотину!”[11].

Действительно, такой вывод закономерно напрашивается при знакомстве с трудами злейшего сталинского врага – Троцкого, касающихся этой проблемы: “Борьба, – писал он, – идет непосредственно за власть, борьба на жизнь и на смерть – в этом и состоит революция, – какое же значение может иметь в этих условиях тюремное заключение для людей, которые надеются в ближайшие недели овладеть властью и посадить в тюрьму или уничтожить тех, которые стоят у руля?”[12]. “Революция, – продолжает он свои размышления, – потому и революция, что все противоречия развития она сводит к альтернативе: жизнь или смерть”[13]. В подобных условиях властвующий вождь и те, на кого он опирается, не могут, не имеют права в отношениях с соперниками “ограничиться тюрьмой, хотя бы и долголетней”, это означало бы простое поощрение “террористов”, ибо вряд ли они верили в прочность и долговечность сталинского режима. Напротив, они постоянно говорили о пагубности его политики и необходимости устранения любыми средствами Сталина с поста генсека. Троцкий писал: “Я твердо убежден, что это единственный путь, который знало до сих пор человечество”, “хорош или плох этот путь с точки зрения нормативной философии, я не знаю, и, признаться, не интересуюсь этим”[14]. Таких людей революционная судьба столкнула в жесточайшей исторической борьбе, победителями в которой становились те, кто не был связан морально-этическими принципами и нападал первым. Подобные критерии оценок сталинисты распространяли на всех своих противников: “сильные, очень сильные противники, – говорил Каганович Чуеву об оппозиционерах, – такие противники, которые могли и террор устроить, и убить... Все, что угодно”[15].

Для революционных руководителей, живших мировоззренческими доктринами, идея была важнее всего: жены, детей, родите-

лей, братьев и сестер, не говоря уже о массе простого народа. Ради идеи они рисковали собственной жизнью, жизнью своих родных и близких, и это не считалось чем-то из ряда вон выходящим. В этом убеждаешься, читая революционную литературу[16]: "Суровый для себя, он (революционер. – *Н.С.*) должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела"[17]. Такова была железная логика борьбы за власть.

Руководящие кадры партии, прошедшие подполье и еще полные революционного энтузиазма, стремились поддерживать в соответствующем тонусе и все общество. Методы их действия не могли существенно отличаться от уже опробованных, привычных, простых и ясных для всех, кто ими когда-либо пользовался. Эти методы, хорошо служащие старым целям в новых исторических условиях, сами создавали новые цели и, прежде всего, формировали новую психологию. Вожди, относящиеся к первому поколению революционеров, уже вкусивших от политического господства, полнее и успешнее внедряли их в практику "созидательной" деятельности. Именно таким путем власть сосредотачивалась в руках сталинской элиты. Но идеи первого периода революции неуклонно утрачивали силу воздействия на сознание того партийного слоя, который непосредственно управлял страной[18]. Этот слой стал рассматривать революционно-пафосную мораль как иллюзию, имеющую целью побуждать других жертвовать собой для будущего, признавая лишь за собой бесконечную самоценность. С помощью такого "самосознания" правящая элита требовала от своих соперников подавлять все другие стороны своей собственной натуры, заставляя их отказываться от самих себя. Однако такой отказ означал бы для них отказ от подготовки завтрашнего дня[19]. "Требовать от революционеров этого отказа, – писал Троцкий, – могло бы только в конец развращенное чиновничество. Давать такого рода обязательства могли бы только презренные ренегаты"[20]. Сталинское окружение готово было выразить глубочайшую благодарность старой революционной морали за то, что она сделала, но теперь она превратилась в бремя, которое могло стать роковым. Новая элита подспудно понимала, что водворять господство "общечеловеческой" морали на практике способны только те, у кого отсутствует достаточное мужество к безнравственности действий. Этим грехом сама сталинская партийная элита не страдала. Она полагала, что

хорошо все, приносящее "желаемые", с точки зрения вождя, результаты и, соответственно, плохо то, что таких результатов не дает. Именно в этом и состояла суть применяемого ею критерия истины. Других критериев сталинская элита не признавала, она просто не хотела о них ничего знать. Постоянно подчеркивались и пропагандировались свойства, характерные для посредственности, как самые ценные качества (скромность, коллективизм, способность быть орудием в руках вождя, инструментом его воли, грубость и резкость в отношениях, подозрительность и нелояльность)[21]. Самостоятельность и оригинальность уже однозначно рассматривались как проявления "нечистой совести", как попытка подкопа, подрыва авторитета, посягательство на устои и т.д. Идеалом становился не действительный человек, а человек "желательный", наиболее "полезный" вождю. Демонстрация действительных качеств становилась смертельно опасной, в то время как выказывание качеств "желательных" могло вознести на властные вершины, приблизить к "престолу". Всякая достигшая господства "желательность" старалась принизить ценность "действительного" человека, его силу, его уверенность в будущем. За предел совершенства выдавалось ничтожество со скудной интеллектуальностью, внутренне уверенное в обладании правом на все. Такой желательный элитный субъект стремился унизить и противников-оппозиционеров, и своих соратников-соперников (к которым он относился не намного лучше), свести их до карикатуры. Инстинкт мести и злопамятства был для них одновременно инстинктом самосохранения. Эти элитные кадры никак не могли быть причислены к так любимым в обществе "хорошим людям", которые, по мнению Ницше, "все слабы: они хороши потому, что они недостаточно сильны, чтобы быть дурными"[22]. Слабая элита обречена на гибель, она не способна решать великие задачи и неизбежно будет уничтожена в результате внутренних конфликтов либо внешней агрессии. У добродетельного политика, дожившего до тридцатых годов, не было более права на существование, поскольку у вождя почти совершенно отсутствовала в нем потребность. Следовательно, молодым должно было становиться ясным, что только грубая полезность могла создать для них почетное положение. Добродетельный элитный кадр, чтобы выжить, должен был покорно превратиться в "полезное орудие", в "идеальное стадное животное" и тогда, возможно, вождь поручит ему роль "подпаска", но занять место в высшем ранге ему уже не удастся, для этого требуется совсем иное.

Однако для того чтобы высвободить свой инстинкт, внушающий окружению страх и трепет, вождю как воздух был необходим какой-то значимый повод. Аналогия напрашивалась сама собой, когда в ночь на 30 июня 1934 года в Германии нацистский террор обрушился на собственные кадры. Гитлер одним ударом ликвидировал оппозиционные элементы в своей партии. За сутки в Мюнхене и Берлине сторонниками фюрера были расстреляны начальник штаба штурмовых отрядов капитан Эрнст Рем, обергруппенфюрер Восточной Германии Эдмунд Гейнес, главный начальник берлинских штурмовиков Карл Эрнст и десятки их друзей и соратников. Нацистское движение охватило крайняя тревога и страх.

Свежий опыт фашистской партии подсказывал генсеку направление поиска. Переживая тождественные трудности, Сталин не мог не обратить внимания на этот факт фашистской политики в свете решения собственных проблем. У него были свои причины искать выход из ситуации, в которой он оказался к началу 1934 года. В ходе проведения XVII съезда ВКП(б), названного съездом "победителей", Сталин обнаружил, что несмотря на окончательный разгром всех существовавших в партии оппозиций, его положение не более прочно, чем несколько лет назад, до их устранения из элиты партии. Лидеры разгромленных группировок, присутствовавшие на съезде, признавали свои ошибки, каялись в грехах и просили у делегатов прощения за выступления против партийного "руководства и против вождя … товарища Сталина"[23]. Каменев, подытоживая речи всех "ранее заблуждающихся товарищей", заявил, что общей чертой трех "волн" оппозиции было "заострение всей борьбы… против Центрального Комитета и, конечно, против товарища Сталина как его вождя. Это была неизбежная черта любой возникшей контрреволюционной группки, как бы она ни называлась"[24].

Каменев клялся в верности и абсолютном доверии "к командиру, против которого … боролись" и который поборол их "правильно и справедливо". Поэтому на каждом из них "лежит обязанность всеми мерами, всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию этого авторитета, малейшим попыткам в какой бы то ни было степени подорвать этот авторитет". Он подобострастно заявил, что полагает "того Каменева, который с 1925 по 1933 г. боролся с партией и ее руководством, политическим трупом"[25]. Однако это самоуничижение уже не могло спасти старую гвардию.

Восторженные выступления, хвалебные оценки, апологетические заявления звучали во всех без исключения выступлениях как "победителей", так и "обозников"[26]. Киров назвал доклад, сделанный Сталиным, "программой всей нашей работы", "самым ярким документом эпохи" и предложил "принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина"[27]. Вождь после речи Кирова отказался от заключительного слова, поскольку "прения на съезде выявили полное единство взглядов наших партийных руководителей … по всем вопросам партийной политики"[28]. Однако полное единение партийной элиты было обманчивым. Вождю это стало ясно сразу, как только ему доложили результаты тайного голосования по выборам в ЦК. Шатуновская свидетельствует, что "при выборах в ЦК на съезде фамилия Сталина была вычеркнута в 292 бюллетенях. Сталин приказал уничтожить из них 289 … и в протоколе, объявленном съезду, было показано всего 3 голоса против Сталина"[29]. Но и в этом случае 12 членов вновь избранного ЦК имели результат голосования лучше чем у вождя, а еще четверо – такой же[30].

Согласно имеющимся данным, "невозможно безоговорочно утверждать – исчезла ли куда-то часть проголосованных бюллетеней, или 166 [разница между количеством делегатов с решающим голосом (1 225) и количеством бюллетеней, оказавшихся в урне для голосования (1 059)] делегатов с правом решающего голоса по каким-либо причинам не приняли участие в голосовании"[31]. Фальсификация итогов выборов была возможна и даже весьма вероятна, потому что до сего дня неизвестно, сколько было отпечатано бюллетеней и как ими распорядились. Однако наиболее убедительным аргументом в пользу фальсификации итогов голосования является "сама трагическая судьба делегатов съезда"[32], нашедшая отражение в цифрах табл. 10[33].

Таблица 10

Судьба делегатов XVII съезда	Состав ЦК в целом	В том числе	
		члены ЦК	кандидаты в члены ЦК
Незаконно репрессированы	97	44	53
В том числе в 1937 – 1939 гг.	93	42	51
Умерли своей смертью	32	20	12
Покончили самоубийством	5	3	2
Расстреляны за нарушения социалистической законности	4	3	1
Убит в результате покушения	1	1	–

Очевидно, что вождь и в этот раз не удовлетворился избранным составом партийной элиты. Объективно сложилось так, что почти все её члены вступили в партию до завершения гражданской войны (только 1 кандидат в члены ЦК вступил в партию в 1921 году), тогда как в общей массе коммунистов с таким стажем оставалось лишь 10%. Из 139 членов и кандидатов ЦК были избраны в этот руководящий партийный орган еще при жизни Ленина 37 человек. На избрание 41 человека могли оказать влияние оппозиционеры. Но 61 человек (13 членов и 48 кандидатов) оказались в составе Центрального Комитета исключительно благодаря Сталину, а 41 делегат (почти треть) в 1934 году избирался в состав ЦК впервые. Расчет вождя осуществить в ближайшее время рокировку партийной элиты просматривается вполне определенно. Однако большая часть отобранных (48 человек) и введенных в состав Центрального Комитета в 1930 и 1934 годах испытания не выдержали, доверие не оправдали и были репрессированы[34].

Если допустить, что Сталин действительно получил 292 голоса "против" от людей, большинство из которых он знал лично, кого приближал, выдвигал, кому доверял и на кого полагался, то вряд ли можно расценить данный факт иначе как крайне тревожный для него симптом. Такой вопиющий показатель ненадежности делегатов, которых, как ему казалось, весьма тщательно отфильтровал аппарат, вполне могло свидетельствовать о тайном заговоре. Ведь партийная элита в своем большинстве проголосовала за возвращение к активной политической жизни умеренных сил, еще недавно "отсеченных" от руководства партии по указанию вождя: Томский получил 801 позитивный бюллетень, Рыков – 858, Бухарин, главный идеолог правых, встреченный партийной элитой, собравшейся в зале, продолжительными аплодисментами[35], получил 978 голосов "за"[36]. Все три сталинских врага прошли в состав нового Центрального Комитета партии в качестве кандидатов.

В воспоминаниях Хрущева мы находим такую оценку анализируемых событий: "Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было даже предположить, что Хрущев или подобные ему молодые люди, которые выдвигались при Сталине, могут проголосовать против него.

А вот старые партийцы, которые общались с Лениным, работали под его руководством, хорошо знали Ленина и чье завещание всегда оставалось в их памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин после смерти Ленина набрал к XVII съезду партии такую силу и перестал считаться с ними, стал вовсю проявлять те черты своего характера, на которые указывал Владимир Ильич. Вот они-то, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать против Сталина. Сталин понял, что старые кадры, которые находятся в руководстве, недовольны им и хотели бы его заменить, если это удастся. Эти люди могли повлиять на делегатов очередного партсъезда и добиться изменений в руководстве"[37].

В нелояльности старой партийной элиты по отношению к себе вождь в очередной раз смог вполне убедиться, узнав о состоявшемся на квартире Орджоникидзе[38] тайном совещании группы крупных партийных руководителей. В числе участников этого совещания, на котором обсуждался вопрос о замене Сталина на посту генсека Кировым, назывались Киров, Эйхе, Шеболдаев, Шарангович, Микоян, Косиор, Петровский, Орахелашвили, Варейкис[39], Оганесов и тот самый Мирзоян, которого Сталин в 1929 году рекомендовал "пока не добивать"[40].

Вождь еще в период царских ссылок хорошо знал произведения Никколо Макиавелли, за чтением которых он провел немало часов[41]. "Когда снаружи мир, – писал этот итальянский ученый, – то единственное, чего следует опасаться, – это тайные заговоры"[42]. Сложившаяся обстановка не только не опровергала, но, казалось бы, напротив, подтверждала эту мысль. В партии открыто велись разговоры о том, что созрели условия для замены генсека, о невозможности высказывать свою волю, о назначениях партийных работников аппаратом ЦК и т.п.

Хрущев полагал, что инициатива проведения тайного совещания членов ЦК исходила от Шеболдаева, который пришел к Кирову со словами: "Старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо было бы выдвинуть тебя на пост генерального секретаря"[43]. Молотов считал, что разговор с Кировым вел Оганесов. "Мы, – рассказывал позднее Оганесов[44], – ... вызвали Кирова на это совещание и говорим, что вот хотим его выдвигать Генеральным секретарем. И он нас высмеял, изругал: "Что вы глупости говорите! Какой я генеральный?". "Киров, – по словам Молотова, – все выложил Сталину. Рассказал подробно. ... И я считаю правильно", что рассказал[45].

Молотов никогда не считал Кирова фигурой, равной по масштабу фигуре Сталина. "Ни один человек, – по его мнению, – после Ленина, … не сделал и десятой доли того, что (сделал) Сталин"[46]. Он утверждал, что между вождем и его окружением всегда было "огромное расстояние, целая лестница"[47], что никто из сталинской элиты не имел способностей, соответствующих вождю народа и лидеру партии. Услышав от Кирова об этом совещании, Сталин сказал ему: "Спасибо, я тебе этого не забуду!". Хрущев позднее специально подчеркивал, что подобное заявление для Сталина вполне характерно: "в этом "спасибо" нельзя было понять, благодарит ли он Кирова за сообщение или же угрожает ему. Этот эпизод приоткрывает занавес над причиной, почему была организована затем мясорубка"[48], уничтожившая огромную часть старой большевистской элиты, которая занимала еще важнейшие партийные и государственные посты и пыталась вдохнуть какое-то подобие жизни в тоталитарную модель. Победу одержали силы, ввергшие страну в состояние анабиоза. В обществе ничего не должно было происходить помимо воли и желания вождя и его "ближнего круга", сосредоточенного в высших партийных и государственных инстанциях. Всех иных из этой группы устраняли (табл. 11)[49].

Таблица 11

Репрессиям подверглись	Состав ЦК в целом	Из них	
		члены ЦК	кандидаты в члены ЦК
Руководящие работники ЦИК и СНК СССР	6	6	–
Наркомы СССР и союзных республик, их заместители и члены коллегий наркоматов	41	22	19
Секретари ЦК, работники аппарата ЦК ВКП(б)	8	5	3
Работники Исполкома Коминтерна	3	3	–
Руководители местных партийных органов	44	22	22
Руководители местных советских органов	15	5	10
Работники общественных организаций	8	6	2
Военные деятели	8	2	6
Хозяйственные руководители	6	–	6
Итого:	139	71	68

Сталину было необходимо предпринять какие-то шаги, которые делали бы, в глазах всей партии, дальнейшее пребывание его высокопоставленных противников в руководстве ВКП(б) бессмысленным, вредным и очень опасным. Необходимо было разработать технологию удаления "стариков" и продвижения молодых. Партийная масса сама в категорической форме должна была потребовать "крови" ренегатов и объявить мнимых террористов террористами действительными. Такого события – повода слишком долго ожидать не пришлось. Сегодня трудно однозначно утверждать, что Сталин искусственно "подогрел" ситуацию, для этого нет достаточных оснований, но он единственный, кому было выгодно убрать Кирова. И 1 декабря 1934 года он погиб. Это единственный случай, когда жертвой покушения стал член Политбюро, секретарь ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Трагическая смерть этого человека, всколыхнувшая и партию, и страну, положила начало массовым репрессиям и очередной ротации элиты. Киров стоял в одном ряду с Орджоникидзе, Куйбышевым и Калининым, возможно, уступая только Молотову, Кагановичу и Ворошилову[50]. Это свалившееся на партию несчастье для вождя было наиболее желательно, а потому "полезно" (если бы оно не случилось, то нужно было бы придумать и организовать что-то подобное). Оно мгновенно легло в основание "правовой" базы репрессий и было использовано Сталиным для открытия охоты на "ведьм", окончательного утверждения собственного единовластия и ослабления роли и влияния партийной элиты.

Моментально ужесточается контроль за кадрами партийных работников. Уже в январе 1935 года ЦК переводит в свою номенклатуру и начинает утверждать даже секретарей райкомов и горкомов ВКП(б). Всего номенклатурных работников, находящихся на учете в Центральном Комитете партии, насчитывалось, в общей сложности, 5 800 человек. Наибольшее их количество составляли первые и вторые секретари горкомов и райкомов – 5 275 человек. Заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК Г.Маленков на февральско-мартовском Пленуме 1937 года говорил, что, утверждая состав секретарей тогда, в январе 1935 г., ЦК признал невозможным оставить в этом качестве 770 человек. В дальнейшем подбор кадров секретарей районного и городского уровней происходил в ходе кампании по обмену партийных документов. Перед ее началом, ЦК вместе с обкомами и крайкомами, ЦК национальных компартий дополнительно не утвердил еще 630 человек. "Таким образом, – продолжал Маленков, – с того времени, когда ЦК ВКП(б) ввел порядок утверждения секретарей районных комитетов, из представленных обкомами, частью вместе с ними, было отведено и освобождено от работы 1 400 человек секретарей райкомов. И все же после такого значительного отбора секретарских кадров среди них … разоблачено 185 врагов партии, в том числе разоблачено троцкистов и зиновьевцев 84 человека, белогвардейцев и кулаков –

18 человек, жуликов – 17 человек, разложившихся – 16 человек"[51]. Иными словами, за два полных года (1935 и 1936) со своих постов было удалено 30% всех секретарей райкомов и горкомов. В этот момент удар в первую очередь наносился по среднему звену партийных руководителей, являвшемуся основной опорой партийного "генералитета", – секретарей обкомов и ЦК национальных компартий, которые стояли на очереди. Сталину казалось, что если убрать эту "опору" из-под ответственных партийных работников областного и республиканского масштаба, то они окажутся совершенно беспомощными. Действительно, по возникшему к тому времени обычаю переведенные на новое место работы (а это происходило часто) партийные руководители возили за собой большую группу помощников и секретарей, которых расставляли на ключевые руководящие посты в подведомственном регионе или учреждении. Вождь усмотрел в этом стремление региональных лидеров укрепить собственные позиции, что в результате могло ослабить его господствующее положение.

"Что значит, – откровенно говорил Сталин на печально знаменитом февральско-мартовском Пленуме, – таскать за собой целую группу приятелей … которые также коренным образом не связаны с … (регионом)?. Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы"[52]. В качестве примера вождь привел два случая, когда "люди … подбираются не по политическому и деловому принципам, а с точки зрения личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений, вообще по признакам обывательского характера…"[53]. Казалось бы, что в этом необычного? И Ленин, и сам Сталин старались использовать хорошо знакомых и наиболее проверенных в деле людей. Однако то, что было позволительно вождям, не допускалось в отношениях подчиненных. Вдруг кто-то из них замахнется на роль лидера. "Взять т. Мирзояна, – разглагольствовал вождь. – Работает он в Казахстане, работал он раньше в Азербайджане долго, а после Азербайджана работал на Урале. Я его несколько раз предупреждал: не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей в Казахстане, потому что – что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков, из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? […]. Вот, глядите, заведующий ОРПО Южно-Казахстанского

обкома у него сидит Т. Бадабашьян, взятый из Азербайджана, секретарем Кустанайского обкома сидит т. Саакян, взятый из Азербайджана, секретарем Джата-Горийского райкома сидит у него Т. Саркисян, взятый из Азербайджана, секретарем Сайсанского райкома сидит у него т. Поузбикян, взятый из Азербайджана, секретарем Ленинского райкома сидит у него Айрапетян, взятый из Грузии. Я читаю справку аппарата ЦК…

Ну на что это похоже? – распалялся Сталин. Разве можно так подбирать людей! К чему это ведет, что тут хорошего может быть – я вас спрашиваю. Я ведь предупреждал т. Мирзояна, что нельзя так вести себя, что надо из местных людей подбирать кадры. А он, видите ли, свою группу создал лично ему преданных людей, подобрал не по большевистскому принципу людей, а среди них имеются и троцкисты. Но он надеется, что раз они ему преданы, они вечно будут с ним работать. А если его не станет там?" – угрожающе вопрошал генсек – "пусть скажет нам"[54]. Второй приведенный вождем пример – пример с Орджоникидзе: "Вот тоже т. Серго – он был у нас одним из первых, из лучших членов Политбюро, руководитель хозяйства. Высшего типа, я бы сказал. Он тоже страдал такой болезнью. Привяжется к кому-нибудь, объявит людей лично ему преданными и носится с ними, вопреки предупреждениям со стороны партии, со стороны ЦК. Сколько крови он себе испортил на то, чтобы цацкаться с Ломинадзе … Сколько крови он испортил на то, чтобы отстаивать против всех таких, как видно теперь, мерзавцев, как Варданян, Гогоберидзе, Меликсетов, Окуджава – теперь на Урале раскрыт. Сколько он крови себе испортил и нам сколько крови испортил, и он ошибся на этом, потому, что он больше всех нас страдал и переживал, что эти люди, которым он больше всех доверял и которых считал лично себе преданными, оказались последними мерзавцами"[55]. Сталин подкреплял свои аргументы тем фактом, что даже опытный человек и руководитель высшего типа может ошибаться. "Метод личного подбора людей гибелен, – внушал он своей элите, – тем более опыт таких людей, как Мирзоян и Войнов, которых я не могу считать руководителями высшего типа, но привожу, чтобы показать этот опыт, что эти люди подводят их и подводят партию. Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно"[56]. С этими методами, заклейменными как "антипартийные", вождь начинает вести открытую войну. Меры партийно-политического воздействия с этого мо-

мента отодвигаются на второй план, а на первый выдвигаются методы, используемые органами государственной безопасности. Первый секретарь Саратовского крайкома ВКП(б) А.И.Криницкий в своем выступлении обратил внимание присутствующих, что "среди … работников аппарата … большинство (подвергшихся аресту) - это люди, которые были кооптированы. В немобкоме, – говорил он, – за три года, с декабря 1934 года из 97 человек членов … осталось 38, 11 кооптировано, из 9 членов бюро 6 кооптировано…"[57]. Первый секретарь Челябинского обкома К.В.Рындин отмечал, что в состав Челябинского обкома партии из 48 человек было кооптировано 30[58].

Выбивая, таким образом, "подпорки" из-под своих врагов (очевидно, что региональные лидеры кооптировали только верных себе людей), вождь усиливал собственные позиции, его авторитет становился непререкаемым. Под флагом активизации борьбы с весьма характерными для местных элитных кадров негативными проявлениями: зазнайством, подхалимством, хвастовством и саморекламой – велась работа по превращению региональных лидеров в простые передаточные механизмы. Авторитетные лица, могущие обходиться без товарища Сталина, больше не требовались. В качестве примера приводились наиболее красноречивые эпизоды, имевшие место в Ярославской области и Казахстане. Первый секретарь Ярославского обкома А.Р.Вайнов, приехав в Красноперекопский район, сказал: "У вас что-то подозрительно тихо". После этого на всех собраниях, совещаниях, во всех газетах развернулась кампания по разоблачению "врагов народа" районного масштаба, сопровождавшаяся безудержным восхвалением не вождя и партии, а самого секретаря. Членам ЦК давали понять, что вовсе не "указание т. Вайнова вскрыло" врагов, а целенаправленная политика ВКП(б) ведет к их истреблению. "В Казахстане, – говорил Маленков, обнародуя случаи нескромного поведения некоторых представителей партийной элиты, – был пик Хан-Тенгри, что в переводе означает "Царь духов" … Теперь нет этого самого Хан-Тенгри. Бюро Казахского крайкома 14 сентября на своем заседании переименовало (в присутствии т. Мирзояна) в пик Мирзояна"[59].

Занимаясь самокритикой (а в этом Сталин предоставил полную свободу), члены Центрального Комитета отмечали, что неправильно подобранные люди (речь шла о коммунистах-специалистах, выпускниках Института красной профессуры и других действительно элитных кадрах) возвеличивались, приобретали партийный авторитет с неимоверной быстротой, без достаточной проверки. Они "приобрели такой партийный авторитет, – гневно клеймил наиболее способных партийцев секретарь ЦК(б)У, кандидат в члены Политбюро Украинской компартии и кандидат в члены ЦК ВКП(б) Любченко, – который ослеплял не только рядовых коммунистов, а и руководящих … работников, ибо они рассматривали, что перед ними ортодоксальные носители марксистско-ленинской доктрины. Это возвеличивание шло по целому ряду путей. Первый – это кооптация, которая не вызывалась никакими обстоятельствами. Второй – монополия докладов. Третий – похвала, неимоверная похвала, кстати и не кстати, совершенно незаслуженная… они выглядят как особо доверенные, как особо необходимые работники и, конечно, они никем не контролируются…"[60] .

Зная, что недалеко то время, когда сидящие в зале заседаний пленумов ригориствующие функционеры прервут свою успешную карьеру и сменят престижные и удобные кресла на тюремные нары, вождь не только подталкивал их к самобичеванию, но и готовил кадры, способные сменить их у руля партийной инстанции. Пленум не мог не ощутить ужаса, охватившего зал в момент выступления Сталина, без обиняков потребовавшего: "надо … напрячься и подготовить каждому из вас себе двух замов... Будут ли они нынешние вторые секретари или какие-нибудь другие, более подходящие, это зависит … от вашей прозорливости и от вашего умения распознавать людей. Но замы должны быть настоящими замами, полноценными, способными вас заменить…"[61] и, далее: "мы не можем больше терпеть того, чтобы секретари подбирали себе в заместители замухрышек, людей на побегушках… ЦК будет требовать, чтобы замы были настоящие…"[62], а то "многие из вас боятся конкуренции, поэтому замухрышек выдвигают, а они вам дают плохую помощь"[63]. Эти слова произносились в аудитории обреченных и для них. В зале уже не было Пятакова, Сокольникова, Бухарина, Рыкова, Томского, отсутствовало большинство старой гвардии. В течение ближайших весенних и летних месяцев аресту подвергнутся 42 члена партийного руководства, а к зиме органами НКВД будут арестованы еще 33 человека. Остальная часть (около 20-ти) попадет в тюремные застенки немого позднее[64]. На XVIII съезде ВКП(б) из этого состава будут вновь избраны в ЦК только 24 человека. Трансформация элиты, осуществляемая такими темпами и по такой привычной схеме, больше напоминала очередную кадровую катастрофу, нежели постепенную и планомерную ротацию – обмена неугодных на более приемлемых.

Маленков, высоко оценивая мероприятия партии по искоренению "врагов народа", радужными красками расписывал, какими интеллектуальными резервами она теперь обладала. Существенные перемены коснулись, по его мнению, повышения общеобразовательного уровня членов ВКП(б). "За последние 10 лет, – говорил он, – у нас значительно вырос общеобразовательный и культурный уровень коммунистов. Если в 1927 г. коммунистов с высшим образованием было в партии 9 600 человек, то сейчас, в 1937 г., коммунистов с высшим образованием у нас имеется в партии 105 тыс. человек. Если со средним и незаконченным высшим образованием у нас в партии в 1927 г. было 23 тыс. человек, то сейчас, в 1937 г., у нас в партии имеется 267 тыс. человек...". Реализация лозунга партии об овладении техникой потребовала за те же 10 лет подготовить определенное количество коммунистов с высшим техническим образованием. "В 1927 г., – продолжал Маленков, – в партии было всего 751 коммунист с высшим техническим образованием. Сейчас, в 1937 г., мы имеем 47 тыс. коммунистов с высшим техническим образованием. Мы имеем в партии, кроме того, 41 тыс. техников, имеющих среднее техническое образование, мы имеем 5 тыс. агрономов с высшим техническим образованием, 4 тыс. агротехников со средним техническим образованием"[65].

Однако жалобы членов Центрального Комитета на плохие качественные характеристики партийных работников из-за низкого общеобразовательного уровня продолжались и не единожды звучали на пленумах. Иллюстрируя свои слова, один из самых молодых партийных работников в составе ЦК ВКП(б), приводил такой пример: "секретарей парткомов и парторгов в нашей организации 2 353 человека ... Из них с высшим образованием 86 (3,7%) человек, со средним – 350 (14,9%) человек и 1917 (81,4%) человек с низшим образованием...". Но далее в своей речи, он, не слишком владеющий марксистской теорией, допустил серьезную политическую ошибку, посчитав, что его положение в партии дает ему право решать, каких лиц следует продвигать в партийную элиту. Он самоуверенно заявил пленуму: "Сейчас ... будут выбираться секретарями парткомов и техники, и даже инженеры. По-моему, инженер может быть выбран секретарем парткома"[66] . Такого своеволия ему не простили. Ведь только один человек мог делать подобные выводы, и замахиваться на его прерогативу означало подвергать себя смертельному риску.

Во всех партийных организациях уже свирепствовали органы НКВД, возглавляемые "не умеющим останавливаться" Н.И.Ежовым. Секретарь ЦК А.А.Андреев в своем выступлении говорил о троцкистском окружении партийного руководства Азово-Черноморского края. Он привел "основные факты: 5 членов бюро крайкома оказались троцкистами, арестованными. 27 членов крайкома оказались троцкистами, арестованными... Все секретарские посты в городах были заняты троцкистами. [...]. Во всех ... городах, как правило, первые и вторые секретари оказались троцкистами. Вот в Ростове – Колотилин, первый секретарь, и второй секретарь – троцкисты, в Таганроге – Варданян, в Шахтах – Любарский, Сагоян – троцкисты. Краснодар – Рывкин – троцкист, Буров – троцкист. Новочеркасск – Шейнин – троцкист, Сочи – Лапидус – троцкист. Новороссийск – Ваньян – троцкист.

Мог ли избежать крайком такого позорного положения? – вопрошал Андреев. И сам же отвечал – Да, мог, если бы он прислушивался к тем предупреждениям и сигналам, которые ... шли со стороны ЦК. [...]. Однако крайком ограничился только принятием этого дела к сведению, а отнюдь не к исполнению...[...]. 20 заведующих агитпропов оказались троцкистами, 20 заведующих отделов крайкома"[67]. Андреев бил по заранее определенной цели – Б.П.Шеболдаеву, некоторое время работавшему первым секретарем Азово-Черноморского края, организатору заговора по выдвижению на пост генсека Кирова. Ему помогал Берия: "Как же вы брали Вартаняна, когда его из Закавказья вышибли? Гогоберидзе (голосовал против исключения Троцкого) был тесно связан с Ломинадзе"[68]. Шеболдаева обвиняли в том, что он отбирал в свое окружение людей обиженных, снятых с работы в партийных организациях других краев, областей и республик. "Вы, т. Шеболдаев, – вопрошали у него на пленуме, – почему подбирали людей, которых братские компартии выкидывали?". Шеболдаев искренне и с недоумением отвечал: "Доверял я людям, у меня не было даже мысли, что они могут быть врагами. Я не думал, что этот слой людей может оказаться врагами, шпионами, диверсантами и т.д."[69]. Но мода на недоверие и нелояльность уже устанавливала свои порядки: "Никому не верить на слово, – говорил вождь на декабрьском Пленуме ЦК (1936г.), – врага надо искать, а мы не искали и не думали, что враг этот есть..."[70]. Практически в каждом выступлении элитных субъектов приводились данные о количестве "разоблаченных" и арестованных ответственных партийных работников. Е.Г. Евдокимов назвал 161 чело-

века, которые были "уличены" как троцкисты, зиновьевцы и правые оппортунисты и которые работали на ответственной партийном работе[71]. Борьба с оппозиционерами затронула даже колхозное движение. Только в одном районе Киевской области в 1936 году по этой причине отстранили 31 (из 67) председателя колхоза и 80 (из 153) бригадиров[72].

Когда народный комиссар водного транспорта Н.И.Пахомов, говоря о "засоренности" аппарата наркомата троцкистами, сказал об имеющемся у него списке на 77 человек, 2/3 из которых арестовано, – это вызвало в зале общий смех, а Сталин недовольно бросил: "Маловато что-то"[73]. Вождь требовал жертв, и чем больше, тем лучше. Но его жажда уничтожения должна была быть покрыта мраком таинственности, скрыта за толстыми стенами тюремных казематов, в лубянских подвалах, в далеких колымских лагерях, за туманной формулировкой: "осужден без права переписки". Когда украинские газеты попытались публиковать списки арестованных, главный редактор "Правды" Л.З.Мехлис их весьма жестко "поправил": "Киевские товарищи не представляют себе, что сплошное разоблачение в газетах материала о троцкистах создает ложное представление об удельном весе троцкистов в стране"[74]. Для режима всякая объективная, исходящая из официальных органов информация была крайне вредна, она могла нанести ему существенный ущерб, подорвать авторитет вождя и в стране, и за ее пределами.

Сталин в своей элитной среде пытался занять центристские, в определенном смысле даже либеральные позиции. Радикальное требование о предании суду с предопределенным смертным приговором Бухарину и Рыкову, исходившее от части комиссии ЦК по этому вопросу, он не поддержал, а настоял на передаче дела в НКВД[75]. Ему не было необходимости устраивать открытые кровавые драмы, вполне можно было сделать все тайно, без излишнего шума.

Выступил вождь и в защиту "балласта" – пассивных коммунистов. Ему не нужны были особо активные и самостоятельные партийцы, ведь именно из таких формировались оппозиционные оппортунистические группы, которых в партии больше быть не должно. Разумеется, это делалось под лицемерным лозунгом заботы о рядовых партии: "мы проявили много бесчеловечности, бюрократического бездушия в отношении судеб отдельных членов партии", – говорил он; "такое отношение к рядовому члену партии ... это помощь вредителям, троцкистам, врагу вообще". "Это дает зацепку

троцкистам, врагам нашим, дает им резерв, дает им армию. Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии"[76]. Сталин вдруг спохватился, что в стране исключенные из партии уже превосходят саму партию. Приведенный им пример Коломенского завода весьма красноречив: "членов партии (на нем) сейчас имеется 1 400 человек, а бывших членов и выбывших с этого завода или исключенных – 2 тыс., и это на одном (только) заводе..."[77]. Вероятно, вспомнив убийцу Кирова, Сталин говорил, "что не все исключенные примирятся со своим положением" и могут перейти в стан троцкистов, что нельзя исключать за пассивность и плохое знание марксизма. "Если человек признает нашу программу, принял ее за основу, если он работает в одной из наших партийных организаций, если он платит членские взносы ... это полноправный член партии. Нельзя требовать от каждого члена партии, чтобы он усвоил марксизм. Я, – сказал под веселое оживление зала Сталин, – не знаю, многие ли члены ЦК усвоили марксизм? Многие ли секретари обкомов, крайкомов усвоили марксизм? Это вроде бы не беда. [...]. Нельзя же требовать этого от каждого члена партии. Это глупо". Вождь назвал ошибкой наказание исключением провинившегося простого человека. "У наших людей нет другой меры, кроме исключения, как одно время было у нас в уголовной практике – либо расстрелять, либо оправдать, как будто нет промежуточной ситуации"[78]. Такого шанса относящимся к элите партии вождь не предоставлял. Элита, даже в случае малой вины, попадала в жертвенник системы и истреблялась по мере потребности верховного жреца. Лишь малой её части удалось доказать свою полезность на этом свете.

Лучше всего разбиралась в событиях, происходящих в стране, тайная полиция. Лейтенант государственной безопасности Мешик говорил на допросе арестованному бывшему секретарю ЦК ВЛКСМ Мильчакову: "Такие, как ты, отжили свой век, хотя ты и не старый. Вы цепляетесь за жалкие побрякушки советской и партийной демократии, самокритики. Кому, к черту, они нужны? Вы не поняли изменившейся обстановки. Нужен обновленный, новый режим и прежде всего твердая власть, возглавляемая сильным "хозяином". Пришла эпоха Сталина, а с нею – и новые люди, занимающие все позиции в аппарате. В авангарде новых кадров идет гвардия Сталина, чекисты. И мы сметем всех, кто нам мешает или может стать помехой. Если хочешь знать, мы, чекисты, – партия в партии. Мы вычистим из рядов партии половину

всякого хлама, вроде так называемой "старой гвардии" и лиц, связанных со стариками, со взглядами вчерашнего дня. Около миллиона людей, состоящих в партии, мы уже, наверно, вытряхнули. Об этом на днях будет сказано в отчете Центрального Комитета XVIII съезду партии, а остальные будут перевоспитаны. Они пойдут за нами, за Сталиным, как миленькие. Они займут ваши места во всех аппаратах и будут дорожить оказанным им доверием. Вот ты сидишь в тюрьме, будешь расстрелян или сгниешь в лагере. По директиве Инстанции вашему брату Военная коллегия лепит кругленькие приговоры: пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет. Трижды можно подохнуть, не на курорт поедете... Ты твердишь: "Я ни в чем не виноват". И я знаю, ты не совершал никаких преступлений. Но тебя надо убрать, ты нам не нужен. И я никогда не скажу, что ты не виновен, так как не хочу сесть на твое место. К тому же Каганович, да что Каганович, – сам Сталин благословил твой арест. Тут уж железная логика: либо ты, либо я. Понял? Песня твоя спета. Аминь..."[79]. *Этот весьма неглупый лейтенант сделал при Сталине блестящую карьеру, стал министром госбезопасности Украины, правой рукой Берия, получил несчетное количество орденов, дослужился до чина генерал-лейтенанта и был уничтожен системой, верным рабом которой был.*

Чтобы опорочить, оклеветать большевистскую гвардию, использовались любые средства: подлог, слух, сплетня, откровенная ложь. "Причем тут закон? – говорил на исходе собственной жизни Каганович. Если правые, причем тут закон?"[80]. *Ему вторил Молотов: "Какое нужно было еще доказательство вины, когда мы и так знали, что они виноваты, что они враги!"*[81].

Молох репрессий обрушивался не на худших, а на лучших представителей правящей элиты. Профессионализм, опыт и компетентность плохо сочетались с бессловесной покорностью и механической исполнительностью. Положение члена элитной группы требовало инициативности и энергии, которые вступали в конфликт с желанием вождя командовать всем и всеми. Действительно, элитные качества явились тем "недостатком", за который пришлось жестоко расплачиваться. Правящая элита упорно переводилась в состояние квазиэлиты и удерживалась в этом положении слишком долго.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последнее десятилетие ушедшего XX века можно рассматривать как неизбежный post scriptum властвованию коммунистической элиты, которая на протяжении своей истории кичливо декларировала невиданные успехи на пути модернизации российского государства. Радикально разорвав с предыдущим "деспотоцентричным" идентификационным каноном, она попыталась привить в России прозападническую утопию, не имея для ее реализации ни сил, ни средств. Элита революционной партии, специализирующаяся на умении готовить и осуществлять массовые разрушительные акции, оказалась неспособной к созидательной инноваторской деятельности. Значительное превосходство волевых качеств над качествами интеллектуальными заставляло представителей элитных группировок постоянно пользоваться силовыми приемами и методами. Борьба за власть, превратившись в элитной среде большевистской партии в повседневную обыденность, устраняла из ее состава наиболее способных и перспективных представителей. Качественные характеристики политического руководства страны неуклонно понижались. Назначение на элитные посты получали не самостоятельно мыслящие и действующие творческие субъекты, а духовно слабые и не рассуждающие исполнители приказов вождя. Такая элита не способна решать масштабные государственные проблемы. Между тем надвигающийся XXI век по прогнозам футурологов может стать временем глобальных конфликтов цивилизаций. Нельзя исключать, что Россия, в силу ее геополитического положения, окажется в эпицентре столкновения наиболее мощных из них: западно-христианской, исламской и конфуцианской. Проиграть конкурентную борьбу, оказаться на вторых и даже третьих ролях в

мировой политике для нашей страны непозволительно. От властвующей элиты, вырабатывающей политическую стратегию, способную обеспечить России внешнюю и внутреннюю политическую стабильность, экономическое процветание, высокий социальный уровень жизни, духовную наполненность, зависит очень много. Поэтому формирование политической элиты должно осуществляться по принципу открытого делегирования в ее состав действительно лучших и наиболее способных представителей всех слоев общества, обладающих необходимыми качествами: специальными знаниями, образованием, опытом, управленческими талантами. Только тогда перспективы российской государственности обретут позитивный и устойчивый характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ВВЕДЕНИЮ

[1] См. : *Тойнби А*. Постижение истории. М., 1990.

[2] См.: *Гидденс Э*. Революции и общественные движения // Диалог. 1992. № 6/7. С. 57.

[3] См. там же. С. 61.

[4] См.: *Лебон Г*. Мятежи, толпы и другие формы коллективных действий // Там же. С. 63.

[5] См.: *Дарендорф Р*. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 16.

[6] См.: *Ленин В.И*. Полное собрание сочинений (далее ПСС). Т. 41. С. 258.

[7] Ленин неоднократно говорил о роли партийного руководства в деле завоевания и использования государственной власти в интересах пролетарских слоев.

[8] *Троцкий Л.Д*. Новый курс // К истории русской революции. М., 1990. С.168.

[9] Там же. С. 171.

[10] См.: *Дарендорф Р*. Указ. соч. С. 14.

[11] См.: *Кислицын С.А*. Эволюция и поражение большевистской элиты // История России в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 1997.

[12] См.: *Мохов В.П*. Эволюция региональной политической элиты России (1950 – 1990 гг.). Пермь, 1998; *Его же*. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000.

[13] См.: *Николаев А.Н*. Становление технократической элиты в России. Саратов, 1995.

[14] См.: Россия XXI. 1996. № 3/4, 5/6.

[15] Данные об их исследованиях см. в тексте гл. 1.

К ГЛАВЕ 1

[1] См.: *Платон*. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1994.

[2] См.: *Аристотель*. Политика. СПб., 1911.

[3] См.: *Макиавелли Н*. Государь. М., 1990.

[4] См.: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1995. С. 58.

[5] См.: *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социс. 1992. № 9.

[6] См.: *Вебер М.* Класс, статус и партия // Социальная стратификация. М., 1992. Вып. 1.

[7] *Радаев В.В., Шкаратан* О.И. Указ. соч. С. 72.

[8] См.: *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5.

[9] См.: *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура. С. 118.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 7. С. 280.

[11] *Darendorf R.* On the Origin of Inequality Among Men // The Logic of Social Hierarchies. Chicago, 1971. P. 3.

[12] См.: *Арон Р.* Поколение на стыке веков: Дюркгейм, Парето, Вебер // Полис. 1993. № 2.

[13] *Парето В.* О применении социологических теорий //Социс.1995. № 10. С. 142.

[14] *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187.

[15] *Тойнби А.* Указ. соч. С. 80.

[16] См.: *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 18; 1991. № 3.

[17] См.: *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1997.

[18] К такому выводу мы приходим потому, что некоторые положения работы “Очередные задачи Советской власти” с очевидностью навеяны книгой Р.Михельса.

[19] *Красин Л.Б.* Контроль или производство (По поводу статьи тов. Ленина “Лучше меньше, да лучше”) // Огонек. 1989. № 24. С. 12–13.

[20] Приводится по: *Gerth H. H., Mills C.W.* From Max Weber. N.Y., 1958. P. 94.

[21] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. L., 1974. P. 358.

[22] См.: *Lasswell G.* The Analysis of Political Behavior: An Empirical Approach. L., 1949.

[23] *Dahl R.A.* Critique of the Ruling Elite Model // The Logic of Social Hierarchie. Chicago, 1971.

[24] См.: *Ашин Г.К.* Социология человеконенавистничества. Саратов, 1957; *Его же.* Миф об элите. М., 1964; *Его же.* Миф об элите и “массовом обществе”. М., 1966; *Его же.* Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978; *Его же.* Современные теории элит: критический очерк. М., 1985; *Его же.* Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7; *Его же.* Смена элит. // ОНС. 1995. № 1; *Его же.* Формы рекрутирования политических элит // ОНС. 1998. № 3; *Его же.* Элитология в зеркале политической философии и политической социологии // Социально-политический журнал. 1998. № 6; *Его же.* Дилемма элиты: истинные и мнимые проблемы // Власть. 1999. № 12.

[25] См.: Там же.

[26] См.: *Нарта М.* Теория элит и политика: к критике элитизма. М., 1978.

[27] См.: *Весоловский В.* Классы, слои и власть. М., 1981.

[28] См.: *Лейн Д.* Перемены в России: роль политической элиты // Социс. 1996. № 4.

[29] См.: *Хофман-Ланге У.* Элиты и демократия: германский опыт // Социс. 1996. № 4.

[30] См.: *Крестева А.* Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социс. 1996. № 4.

[31] См.: *Парето В.* О применении социологических теорий // Социс. 1995. № 10. С. 136.

[32] См.: *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10.

[33] См.: *Pareto V.* Trattato di sociologia generale. Firenze. 1916.

[34] См.: *Бабоева Л.В., Таршис Е.В., Резниченко Л.А.* Элита России: о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4. С. 42.

[35] *Хофман-Ланге У.* Указ. соч. С. 50.

[36] См. там же. С. 51.

[37] *Лейн Д.* Указ. соч. С. 31.

[38] См. там же.

[39] *Куколев И.В.* Трансформация политических элит в России // ОНС. 1997. № 4. С. 83 – 84.

[40] *Pareto V.* The Pise and Fall of the Elites: An Application of Theoretical Sociology. N.Y., 1968. P. 38.

[41] Ibid.

[42] *Бабоева Л.В. и др.* Указ. соч. С. 46–47.

[43] См.: *Пригожин А.И.* Патология политического лидерства // ОНС. 1996. № 3. С. 23, 24.

[44] *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования ... С. 88.

[45] См.: *Восленский М.С.* Номенклатура. М., 1991. С. 64.

[46] См.: *Барзилов С.И., Чернышов А.Г.* Провинция: Элита, номенклатура, интеллигенция [Социологический анализ] // Свободная мысль. 1996. № 1; *Гаман О.* Политические элиты России в историческом процессе. Закономерность формирования и тенденции развития // Россия XXI. 1996.

№ 3/4, 5/6; *Мохов В.П.* Указ. соч.; *Джавлаков О.Т., Михеев В.А.* Номенклатура: эволюция отбора (Историко-политологический анализ). М., 1993; *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Вопросы истории. 1995. № 1; *Сироткин В.Н.* Номенклатура в историческом разрезе // Через Тернии. М., 1990.

[47] См.: *Дискин И.* Россия: Трансформация и элиты: Науч. докл. М., 1995.

[48] См.: *Ефимов А.* Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знание-сила. 1988. № 1.

[49] *Farmer K.* The Soviet Administrative Elite. N. Y., 1994. P. 3.

[50] *Хайек Ф.* Дорога к рабству // Новый мир. 1990. № 8. С. 189.

[51] Цит. по: *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Т. 1 и 2. Большевистская революция. 1917 – 1923. М., 1990. С. 49–50.

[52] *Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites: An Application of Theoretical Socijlogy. P. 71.

[53] См.: *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования... С. 90 – 91.

[54] См.: *Aron R.* Social Class, Political Class, Ruling Class // Class, Status, and Power. L., 1967. P. 204, 208.

К ГЛАВЕ 2

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Маленькая энциклопедия. М., 1968.

[2] Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

[3] См.: *Соломон (Исецкий) Г.А.* Среди красных вождей. М., 1995; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995; *Валентинов (Вольский)* Н.В. Наследники Ленина. М., 1991; *Его же.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953; *Его же.* Разговор с Пятаковым в Париже // Страницы истории. Дайджест прессы. 1989. Л., 1990; *Его же.* Недорисованный портрет. М., 1993.

[4] *Соломон (Исецкий) Г.А.* Указ. соч. С. 4.

[5] См.: *Агабеков Г.С.* Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996;

[6] См.: *Кривицкий В.Г.* Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М., 1996; *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений // Огонек. 1989. № 46 – 52.

[7] См.: *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997.

[8] См.: *Бармин А.Г.* Соколы Троцкого. М., 1997.

[9] См.: *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997.

[10] См., например: Новый документ В.И.Ленина. “Протокол допроса о провокаторе Р.В. Малиновском (26 мая 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 20 – 26; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь (опыт автобиографии): В 2 т. М., 1990; *Его же.* Уроки Октября // К истории русской революции. М., 1990; *Сталин И.В.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 11 – 12; *Луначарский А.В.* “Письма мои к тебе, конечно, исторические” (март – декабрь 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11, 12; 1991, № 2; *Красин Л.Б.* Контроль или производство // Огонек. 1989. № 24.

[11] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997; *Каганович Л.М.* Памятные записки. М., 1996; *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3 – 12; *Ракоши М.* Видел как возникает культ личности // Источник. 1997. № 1.

[12] См.: *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999; *Его же.* Так говорил Каганович. М., 1992; *Куманев Г.А.* О чем вспоминал П.К.Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5, 6.

[13] *Ульянова М.И.* О Владимире Ильиче (Последние годы жизни) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1–6; *Крупская Н.К.* О Ленине: Сборник статей и выступлений.

3-е изд. М., 1971; *Пятницкий В.И.* Заговор против Сталина. М., 1998; *Берия С.* Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994; *Аджубей А.И.* Те десять лет. М., 1989; *Разгон Л.Э.* Непридуманное. М., 1989; *Шляпникова И.А.* Правда об А.Г. Шляпникове // Вопросы истории. 1988. № 3; *Антонов-Овсеенко А.* Берия. М., 1999; *Трояновский О.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997.

[14] См.: Руководящие кадры РКП(б) и их распределение. М., 1924; *Рютин М.* Руководящие кадры ВКП(б) // Большевик. 1928. № 15; *Мехлис Л.* Институт красной профессуры и проблемы кадров // Партийное строительство. 1930. № 2, № 6.

[15] *Малейко Л.А.* Партийный аппарат: становление и развитие (1917 – 1941). Ростов н/Д, 1981; *Пронин И.И.* Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание. М., 1981; *Разумов Е.З.* Проблемы кадровой политики КПСС. М., 1983; *Сажин А.И.* Кадровая политика КПСС: история и современность. М., 1989.

[16] *Бодовский Д.В.* Трансформация политической элиты в России – от “организации профессиональных революционеров” к “партии власти” // Полис. 1994. № 6; *Кислицын С.А.* Эволюция и поражение большевистской элиты // История России в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 1997; *Березкина О.* Революционная элита переходного периода (1921 – 1927) // Свободная мысль. 1997; *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920) // Отечественная история. 1997. № 4; *Литвак К.Б.* К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2.

[17] *Вишневский А.* Высшая элита РКП(б) – КПСС (1917 – 1989): немного статистики // Население и общество: Информ. бюл. Центра демографии и экологии человека ин-та народнохоз. прогнозирования РАН – 1997. № 21; Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. М., 1995; Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. М., 1990; Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917 – 1989 гг. : персоналии. М., 1990; Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995; Письма И.В.-Сталина – В.М.Молотову. 1925–1936 гг. Сб. док. М., 1995.

[18] *Коржихина Т.П., Фигнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. Материалы к источниковедению и историографии (1917 – 1990). М., 1992; *Павлова И.В.* Механизмы политической власти в СССР в 20–30 годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12; *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; *Его же.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Его же.* Сталин и Орджоникидзе: Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993; *Его же.* Политбюро ЦК ВКП(б) в 30-е годы: механизмы политической власти в СССР. М., 1996; *Его же.* Л.П.Берия: пределы исторической “реабилитации” // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

[19] *Пайпс Р.* Русская революция. В 2 ч. М., 1994; *Его же.* Россия при большевиках. М., 1997; *Карр Э.* Указ. соч. ; *Верт А.* История советского государства. 1900 – 1991. М., 1994; *Боффа Дж.* История Советского Союза. В 2 т. М., 1994; *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 2000.

[20] *Такер Р.* Сталин: путь к власти. 1879 – 1929. История и личность. М., 1991.

[21] *Коэн С.* Бухарин: Политическая биография. 1888 – 1938. М., 1988.

[22] Там же. С. 31.

[23] См.: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2 т. М., 1997; *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991; *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М., 1989; *Штурман Д.* О вождях российского коммунизма: В 2 кн. Париж, 1993.

[24] См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1998.

[25] *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

[26] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 54. С.73.

[27] *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994; *Его же.* Троцкий. Политический портрет: В 2 кн. М., 1997; *Его же.* Сталин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1996; *Его же.* Семь вождей: В 2 кн. М., 1997.

28. См.: *Рогозин В.З.* Была ли альтернатива? "Троцкизм": взгляд через годы. М., 1992; *Его же.* Власть и оппозиции. М., 1993; *Его же.* Сталинский неонеп. М., 1995; *Его же.* 1937. М., 1996; *Его же.* Партия расстрелянных. М., 1997.

[29] См.: *Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. М., 1990; *Его же.* О Сталине и сталинизме. М., 1990.

[30] См.: *Зенькович Н.А.* Вожди и сподвижники: Слежка. Оговоры. Травля. М., 1997; *Его же.* Маршалы и генсеки: Интриги. Вражда. Заговоры. Смоленск, 1997.

[31] *Некрасов В.Ф.* Тринадцать "железных" наркомов. М., 1995.

[32] *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997; *Его же.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930 – 1950 годы. М., 1997.

[33] Там же. С. 91.

[34] *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 3.

[35] См.: *Антонов-Овсеенко А.* Путь наверх // Берия: конец карьеры. М., 1991; *Волкогонов Д.* Сталинский монстр // Там же; *Симонов К.* Страшный человек // Там же; *Хрущев Н.С.* Лаврентий // Там же; Поварцов С. Причина смерти – расстрел. М., 1996; *Столяров К.А.* Палачи и жертвы. М., 1997.

[36] Реабилитирован посмертно: В 2 вып. М., 1988; Возвращенные имена: Сб. публиц. ст: В 2 кн. М., 1989.

К ГЛАВЕ 3

[1] *Михельс Р.* Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 55.

[2] Там же.

[3] *Михельс Р.* Демократия и железный закон олигархии // Диалог. 1991. № 3. С. 46.

[4] Там же.

[5] *Михельс Р.* Анализ социалистических вождей буржуазного происхождения // Диалог. 1990. № 11. С. 57.

[6] Цит. по: *Михельс Р.* Демократия и железный закон олигархии. С. 42.

[7] Там же. С. 58.

[8] *Михельс Р.* Рабочие вожди пролетарского происхождения // Диалог. 1990. № 18. С. 53.

[9] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 6. С. 112.

[10] Дворян в РСДРП было около 20%, хотя доля их в общей численности населения составляла всего 1,7%.

[11] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 66 – 67.

[12] Цит. по: *Пайпс Р.* Русская революция: В 2 ч.Ч. 2. М., 1994. С. 21.

[13] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 4. С. 193 – 194.

[14] Там же. Т. 6. С. 126 – 127.

[15] Там же. С. 117.

[16] См.: *Михельс Р.* Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 58.

[17] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 6. С. 139.

[18] Там же. С. 128.

[19] *Троцкий Л.Д.* Сталин: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 67.

[20] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 46. С. 137.

[21] См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 86.

[22] См.: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 61.

[23] *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. М., 1997. С.19.

[24] О холодном приеме в доме Г.В. Плеханова пишут и Л.Д. Троцкий, и Н. Валентинов.

[25] *Трояновский О.А.* Указ. соч. С. 22.

[26] Там же. С. 19.

[27] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 169.

[28] См.: Там же. С. 176.

[29] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. М., 1996. С. 142.

[30] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 32.

[31] Цит. по: *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. С. 20.

[32] См.: *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 297.

[33] Цит. по: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 329.

[34] Цит. по: *Карр Э.* Указ. соч. С. 49 – 50.

[35] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 46. С. 28.

[36] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 1. С. 177.

[37] *Нечаев С.Г.* Катехизис революционера // История терроризма в России. Ростов н/Д, 1996. С. 47–48.

[38] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 6. С. 139–140.

[39] См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 201–219.

[40] См.: *Нечаев С.Г.* Указ. соч. С. 52.

[41] См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 47. С. 4.

[42] См.: *Крамольников Г.И.* Из воспоминаний делегата III съезда партии // О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963. С. 40.
[43] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 47. С. 41.
[44] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 70.
[45] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 46. С. 259.
[46] *Крупская Н.К.* О Ленине: Сб. ст. и выст. М., 1971. С. 21.
[47] Цит. по: *Валентинов Н.* Указ. соч. С. 114.
[48] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 47. С. 13.
[49] Там же. С. 39.
[50] См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 211.
[51] Там же. С. 212.
[52] См. там же. С. 37.
[53] Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. Кн. 1. С. 72.
[54] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 217.
[55] См.: *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. С. 42.
[56] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 48. С. 133, 140.
[57] *Михельс Р.* Социальные изменения, вызванные организацией // Диалог. 1990. № 13. С. 46.
[58] Протокол допроса о провокаторстве Р.В. Малиновского. Новый документ В.И.Ленина // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 26.
[59] Там же. С. 24.
[60] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 86.
[61] Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 86.
[62] См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 213.
[63] *Луначарский А.В.* Письма мои к тебе, конечно, исторические // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 37, 38, 41.
[64] См.: *Аксельрод П.Б.* Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С. 411 – 412.
[65] Цит. по: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 125.
[66] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 8. С. 369.
[67] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 126.
[68] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 8. С. 370.
[69] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 126.
[70] Искра. 1904. № 63. 1 апреля. Приложение.
[71] См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 131.
[72] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 272, 308.
[73] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 81.
[74] Там же. С. 82.
[75] См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 46. С. 193.
[76] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 89.
[77] См. там же. С. 144.

[78] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 46. С. 185.
[79] Там же. С. 187.
[80] Там же. С. 188.
[81] Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 1. С. 94.
[82] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 5. С. 6.
[83] *Крупская Н.К.* О Ленине. С. 111.
[84] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 313.

К ГЛАВЕ 4

[1] *Гаман О.* // Россия XXI. 1996. № 5/6. С. 54.
[2] См.: *Федотов Г.* И есть, и будет. Размышления о русской революции. Париж, 1932. С. 83.
[3] *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 154.
[4] См.: *Луначарский А.В.* Приезд Ленина // О Владимире Ильиче Ленине. С. 213.
[5] Дневниковые записи академика М.Н. Покровского // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2. С. 156 – 157.
[6] См.: *Смирнов Н.Н.* III Всероссийский съезд Советов. М., 1988. С. 101.
[7] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 227.
[8] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 1. С. 185–186.
[9] См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 46. С. 123.
[10] См.: *Никифорова А.Н.* 21 день в семье В.И.Ленина // О Владимире Ильиче Ленине. С. 169.
[11] *Яковлев Е.* Первое правительство // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 196.
[12] Цит. по: *Яковлев Е.* Первое правительство. С. 197.
[13] См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 33. С. 91.
[14] Там же. Т. 41. С. 298.
[15] См.: *Бричкина С.Б.* Малое о великом // О Владимире Ильиче Ленине. С. 474.
[16] См.: *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М., 1990. С. 83.
[17] См.: *Тер-Арутюнянц М.К.* В.И. Ленин – военный руководитель в период становления Советской власти // О Владимире Ильиче Ленине. С. 322.
[18] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 53. С. 127.
[19] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 170.
[20] Цит. по: *Кокурин А., Петров Н.* ВЧК (1917–1922) // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 104.
[21] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 264.
[22] Цит. по: *Яковлев Е.* Первое правительство. С. 198.
[23] *Левитас Е.Р.* Всепобеждающее ленинское слово // О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963. С. 255.
[24] *Яковлев Е.* Первое правительство. С. 198.

[25] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 225.

[26] *Петровский Г.И.* Ленин нас всегда учил быть с народом // О Владимире Ильиче Ленине. С. 129.

[27] *Стивен С.* Операция "Раскол" // Диалог. 1990. № 14. С. 76.

[28] *Ленин В.И.* ПСС. Т.40. С. 282.

[29] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 78.

[30] Там же. С. 79.

[31] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 223

[32] Там же.

[33] *Петровский Г.И.* В.И. Ленин нас всегда учил быть с народом // О Владимире Ильиче Ленине. С. 130, 131.

[34] Приводится по: Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 152.

[35] *Луначарский А.В.* Жене // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 49.

[36] См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 83.

[37] См. там же. С. 83 – 84.

[38] См: *Либман Г.И.* и др. Теории элит // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 114.

[39] *Хофман-Ланге У.* Элиты и демократизация: германский опыт // Социс. 1996. № 4. С. 51.

[40] *Красин Л.Б.* Цит. по: Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920 гг.) // Отечественная история. 1997. № 4. С. 44.

[41] См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 365.

[42] Цит. по: Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. Кн. 1. С. 124.

[43] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 198.

[44] *Соломон (Исецкий) Г.А.* Среди красных вождей. М., 1995. С. 49.

[45] *Ленин В.И.*ПСС. Т. 40. С. 270.

[46] Там же. Т. 36. С. 179.

[47] Там же. С. 228.

[48] Там же. С. 179.

[49] См.: *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 527.

[50] Там же.

[51] См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 138.

[52] Там же. Т. 37. С. 295.

[53] Там же. Т. 38. С. 137.

[54] Там же. Т. 37. С. 382.

[55] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 79.

[56] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 170.

[57] См.: *Шевоцуков П.А.* Страницы истории гражданской войны: Взгляд через десятилетия. М., 1992. С. 37.

[58] См.: Там же.

[59] См.: *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 528.

[60] *Макаревич Э.* Профессиональная хватка ВЧК // Диалог. 1998. № 2.

[61] *Карр Э.* Указ. соч. С. 157.

[62] Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 164.

[63] *Красин Л.Б.* Контроль или производство (По поводу статьи тов. Ленина "Лучше меньше, да лучше") // Огонек. 1989. № 24. С. 13.

[64] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 105.

[65] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция: В 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 132.

[66] *Бабин А.* Дневник гражданской войны в России // Волга. 1990. № 5. С. 119.

[67] См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 174.

[68] Там же. С. 176.

[69] *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 45 – 46.

[70] *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920 гг.) // Отечественная история. 1997. № 4. С. 45.

[71] Цит. по: *Сенин А.* Соратник Ленина // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 590.

[72] Там же.

[73] См.: *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999.

[74] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 228.

К ГЛАВЕ 5

[1] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. С. 43.

[2] Там же. Т. 37. С. 500.

[3] Там же. Т. 36. С. 44.

[4] Там же. Т. 37. С. 495.

[5] Там же. Т. 42. С. 251.

[6] Там же. Т. 44. С. 54.

[7] Там же. Т. 42. С. 45.

[8] Там же. С. 282.

[9] Там же. Т. 39. С. 425.

[10] Там же. С. 423.

[11] Там же. С. 421.

[12] Там же. Т. 37. С. 212.

[13] Там же. Т. 39. С. 420–421.

[14] Там же. Т. 38. С. 150.

[15] Там же. Т. 40. С. 76.

[16] Там же. С. 77.

[17] Там же.

[18] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 171.

[19] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 47.

[20] См.: *Давыдов Ю.* Вебер и Ленин: кто прав? // Диалог. 1991. № 15. С. 57.

[21] Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 49.
[22] Там же. Т. 45. С. 122.
[23] Там же. Т. 37. С. 429.
[24] Там же. Т. 45. С. 290.
[25] Там же.
[26] *Давыдов Ю.* Указ. соч. С. 54.
[27] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 171.
[28] Там же. Т. 45. С. 290.
[29] *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 134.
[30] Там же. С. 135.
[31] Там же.
[32] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 146.
[33] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 238, л. 6.
[34] Там же. Ед. хр. 3, л. 1.
[35] Там же. Л. 2.
[36] Там же. Л. 3.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же. Л. 4.
[40] Известия ЦК РКП(б). 1920. № 26.
[41] Там же.
[42] РГАСПИ, ф.17, оп. 34, ед. хр. 12, л. 1.
[43] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 95, 96.
[44] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 12, л. 1.
[45] Там же. Л. 10–11.
[46] Там же. Л. 11.
[47] КПСС в резолюциях… Т. 2. С. 134.
[48] Там же.
[49] Там же. С. 134–135.
[50] Там же. С. 135.
[51] VIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1959. С. 164.
[52] *Красин Л.Б.* Контроль или производство. (По поводу статьи Ленина "Лучше меньше, да лучше" // Огонек. 1989. № 24. С. 13.
[53] XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 227.
[54] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 387.
[55] КПСС в резолюциях… Т. 2. С. 105.
[56] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 148.
[57] Там же.
[58] См.: *Карр Э.* Указ. соч. С. 164; *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997 С. 518.
[59] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 243.
[60] *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 27.

[61] VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 363.
[62] *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 27.
[63] См. там же. С. 27.
[64] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 218.
[65] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 3, л. 7.
[66] Там же. Ед. хр. 26. л. 3.
[67] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 218.
[68] См. там же. С. 241.
[69] *Николаевский Б.И.* Указ. соч. С. 145.
[70] См. там же.
[71] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 169.
[72] См.: *Николаевский Б.И.* Указ. соч. С. 146.
[73] Известия ЦК РКП(б). 1921. № 29. С. 7; 1921. № 28. С. 23.
[74] См.: *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 41–42.
[75] С 1923 года это понятие постоянно встречается в документах ЦК РКП(б).
[76] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 182.
[77] *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 28.
[78] XII съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1968. С. 146.
[79] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 238, л. 16.
[80] Там же. Л. 17.
[81] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 241.
[82] См.: *Пайпс Р.* Россия при большевиках. С. 520.
[83] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 216.

К ГЛАВЕ 6

[1] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 42. С. 347.
[2] Там же. Т. 45. С. 61.
[3] Там же. С. 60.
[4] Там же. Т. 44. С. 122.
[5] Там же. С. 214 – 215.
[6] Там же. Т. 43. С. 4 – 5.
[7] Там же. Т. 45. Примечания. С. 524.
[8] Там же. С. 123.
[9] Там же. Т. 40. С. 262.
[10] Там же. Т. 43. С. 43.
[11] Там же. Т. 45. С. 123.
[12] Там же. С. 124.
[13] Там же. С. 123, 124.
[14] Там же. С. 124.

[15] *Ионов А.М.* В.И. Ленин и крестьянство // О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963. С. 462.

[16] Там же.

[17] *Миронов Ю.К.* Совещание бывших подпольщиков во время X съезда партии // О Владимире Ильиче Ленине. С. 596.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] См.: КПСС в резолюциях … Ч. 1. С. 529.

[21] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 86, 87.

[22] Там же. С. 14.

[23] Там же.

[24] Там же. Т. 44. С. 108 – 109.

[25] Там же. С. 427, 428.

[26] Там же. С. 252.

[27] Там же. С. 216.

[28] Там же.

[29] Там же. Т. 45. С. 82.

[30] Там же. С. 15.

[31] Там же. С. 82.

[32] Там же. С. 15.

[33] Там же. Т. 42. С. 346.

[34] Там же. Т. 45. С. 18.

[35] Там же. Т. 44. С. 134.

[36] Там же. Т. 45. С. 14.

[37] Там же. С. 21.

[38] Там же. Т. 44. С. 398.

[39] Там же. Т. 43. С. 361.

[40] Там же.

[41] Там же. Т. 45. С. 122.

[42] Там же. Т. 44. С. 370.

[43] Там же. С. 368 – 369.

[44] Там же. Т. 38. С. 140.

[45] Там же. Т. 44. С. 367.

[46] Там же. С. 430.

[47] Там же. С. 268–269.

[48] VIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1959. С. 164.

[49] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 429.

[50] Там же. С. 392.

[51] Там же.

[52] Там же. С. 392 – 393.

[53] Там же. Т. 38. С. 140.

[54] *Чуев Ф.И.* Молотов: Полудержавный властелин. С. 240.

[55] См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 43. С. 376, 460.

[56] Там же. Т. 44. С. 393.

[57] См.: *Чуев Ф.И.* Указ. соч. С. 240.

[58] Там же. С. 288.

[59] Там же. С. 289.

[60] Цит. по: *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 23.

[61] См.: *Ленин В.И.* Т. 44. Примечания. С. 640.

[62] См.: *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 24.

[63] См.: *Панцов А.В.* // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 80.

[64] См.: *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 14.

[65] См.: *Николаевский Б.И.* Указ. соч. С. 129.

[66] См.: *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 21 – 22.

[67] См. там же. С. 16.

[68] Там же. С. 25.

[69] Там же. С. 135.

[70] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 122.

[71] Там же. С. 356–362.

[72] Там же. Т. 44. С. 369; Т. 45. С. 393.

[73] Там же. С. 369.

[74] Там же. Т. 45. С. 393.

[75] Там же. Т. 40. С. 65.

[76] Там же. С. 64.

[77] Там же. Т. 38. С. 169.

[78] Там же. Т. 45. С. 180 – 181.

[79] Там же. С. 181.

[80] Там же. С. 55 – 56.

[81] Там же. С. 114–115.

[82] Там же. С. 114.

[83] Там же. С. 115.

[84] Там же. С. 116.

[85] Там же. С. 251.

[86] Там же. С. 250.

[87] Там же. С. 390 – 391.

[88] Там же. Т. 44. С. 106.

[89] Там же. Т. 45. С. 251.

[90] Там же. С. 392.

[91] Там же. С. 392 – 393.

[92] Там же. С. 290.

[93] Там же. С. 393.

[94] Там же.

[95] Там же. С. 393 – 394.
[96] Там же. С. 396.
[97] Там же. С. 396.
[98] Там же.
[99] Там же. Т. 39. С. 181.
[100] Там же. С. 115.
[101] Там же. С. 15.
[102] Там же. С. 250.
[103] Там же. С. 16.
[104] Там же. Т. 44. С. 357.
[105] Там же. С. 199.
[106] Там же. С. 357.
[107] Там же. С. 336.
[108] Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Т. 1. М., 1997. С. 379 – 380.
[109] *Соломон (Исецкий) Г.А.* Указ. соч. С. 30 – 110.
[110] *Паркинсон С.Н.* Законы Паркинсона. М., 1998. С. 7, 8, 17.
[111] *Ленин В.И.*ПСС. Т. 45. С. 97.

К ГЛАВЕ 7

[1] См.: *Чуев Ф.И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 465.
[2] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 347.
[3] Там же. С. 347–348.
[4] Там же. С. 19.
[5] Там же. Т. 44. С. 106.
[6] Там же. С. 107.
[7] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 16.
[8] Известия ЦК РКП(б). 1922. № 9.
[9] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 157.
[10] Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 202.
[11] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 146.
[12] Там же. С. 212.
[13] РГАСПИ. ф.17, оп. 7, ед. хр. 177, л .13.
[14] Там же. Ед. хр. 467, л. 13.
[15] *Восленский М.С.* Указ. соч. С. 88.
[16] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 157.
[17] *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 123.
[18] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 277.
[19] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 214.
[20] Там же. С. 123.

[21] Там же. С. 217.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 435.
[24] Там же. Т. 4. С. 474.
[25] Там же. С. 473.
[26] РГАСПИ, ф.17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 5.
[27] Там же. ед. хр. 186, л. 4.
[28] Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 822–830.
[29] Там же. С. 826.
[30] Там же.
[31] КПСС в резолюциях … Т. 3. С. 480.
[32] Х съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 309.
[33] КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 213.
[34] Там же. С. 212.
[35] Там же. Т. 4. С. 486.
[36] Там же. Т. 3. С. 222.
[37] Там же.
[38] Там же. С. 147.
[39] Там же. С. 222.
[40] Там же. С. 223.
[41] *Березкина О.* Указ. соч. С. 56.
[42] Известия ЦК РКП(б). 1922. № 1.
[43] РГАСПИ, ф.17, оп. 7, ед. хр. 177, л. 13.
[44] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 174.
[45] XII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 56.
[46] XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.,1924. С. 125 – 126.
[47] *Березкина О.* Указ. соч. С. 57.
[48] II Пленум ЦКК созыва XIV съезда ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. С. 91.
[49] Х съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 308.
[50] *Березкина О.* Указ. соч. С. 58.
[51] РГАСПИ, ф.17, оп. 68, ед. хр. 428, л. 35.
[52] Там же.
[53] Там же. Л. 6.
[54] Там же.
[55] Там же. Л. 8.
[56] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 141.
[57] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 94.
[58] Там же. Т. 4. С. 475.
[59] Там же. Т. 3. С. 96.
[60] Там же. С. 97.

[61] Там же.

[62] Там же. С. 98.

[63] Там же. С. 224.

[64] Там же. С. 99.

[65] Там же.

[66] Там же. Т. 4. С. 474.

[67] Там же. Т. 3. С. 99.

[68] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 14.

[69] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 155.

[70] Там же. С. 100.

[71] Там же. С. 157.

[72] Там же. С. 158.

[73] Там же. С. 154.

[74] Там же.

[75] Там же. Т. 4. С. 157.

[76] Там же. Т. 3. С. 442.

[77] *Восленский М.С.* Указ. соч. С. 82.

[78] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 159.

[79] Там же. С. 474.

[80] Там же. С. 159.

[81] Там же. С. 474.

[82] РГАСПИ, ф.17. оп. 74. ед. хр. 7. л. 58.

[83] КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 476.

[84] Там же. С. 476.

[85] Там же. С.473 – 474.

[86] Там же. С. 159.

[87] Там же. С. 158.

[88] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову 1925–1936 гг. Сб. док. М., 1995. С. 225, 226.

[89] См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 301; *Его же.* Сталин. Т. 2. С. 277.

[90] См.: *Хрущев Н.С.* Воспоминания. М., 1997.

[91] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930 – 1950 годы. М., 1997. С. 508.

[92] *Шульгин В.* Цит. по: *Восленский М.С.* Указ. соч. С. 81.

К ГЛАВЕ 8

[1] *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 83.

[2] См.: *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. 1879 – 1929. М., 1991. С. 270.

[3] РГАСПИ, ф.17, оп. 34, ед. хр. 26, л. 65.

[4] Там же. Л. 73.

[5] Основными источниками этих данных являются бывшие члены большевистской элиты: Л.Д. Троцкий, Б.И. Николаевский, Н.В. Валентинов, Б. Бажанов, С. Дмитриевский, А. Авторханов.

[6] РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, ед. хр. 428, л. 167.

[7] Там же. Л. 168.

[8] Там же. Л. 169.

[9] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 213.

[10] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 186, л. 4.

[11] Там же. Оп. 68, ед. хр. 429, л. 170.

[12] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 153.

[13] Там же. С. 179.

[14] *Бармин А.Г.* Соколы Троцкого. М., 1997. С. 306.

[15] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 174 – 175.

[16] *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 113.

[17] Там же.

[18] М.И. Ульянова об отношении В.И.Ленина к И.В. Сталину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199.

[19] *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 113.

[20] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 176.

[21] См.: Там же.

[22] См.: Там же. С. 177.

[23] *Бармин А.Г.* Указ. соч. С. 307.

[24] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 179.

[25] Выражение, употребляемое Д.А. Багировым в отношении некоторых сотрудников партаппарата. См.: *Брутенц К.Н.* Указ. соч. С. 84.

[26] Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 171.

[27] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 182.

[28] Сталин и кризис пролетарской диктатуры. С. 171.

[29] *Ульянова М.И.* О Владимире Ильиче // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 192.

[30] *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 188.

[31] См.: Там же.

[32] См.: Там же. С. 193.

[33] *Бармин А.Г.* Указ. соч. С. 203.

[34] См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин… Т. 2. С. 199.

[35] См.: *Бармин А.Г.* Указ. соч. С. 114.

[36] См.: *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 113.

[37] Цит. по: *Спирин Л.М.* Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 94.

[38] *Коэн С.* Бухарин… С. 255.

[39] ВКП(б). Съезд, 14-й. Москва. 1925. Стенографический отчет. М., 1926. С. 274.

[40] См.: Правда. 1927. 24 июля; Большевик. 1927. №11 – 12. С. 38 – 39.
[41] *Коэн С.* Указ. соч. С. 263.
[42] См. там же. С. 264.
[43] Цит. по: *Коэн С.* Указ. соч. С. 271.
[44] Там же.
[45] Пятнадцатая конференция ВКП(б). 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 633.
[46] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 446.
[47] РКП(б). Съезд, 13-й. Москва. 1924. Стенографический отчет. М., 1963. С. 526.
[48] Пятнадцатая конференция ВКП(б) … С. 42.
[49] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 255.
[50] КПСС в резолюциях … Т. 4. С. 440–441.
[51] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 8. С. 350.
[52] Цит. по: *Коэн С.* Указ. соч. С. 330.
[53] Социалистический вестник. 1928. 12 января. С. 14.
[54] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 490.
[55] РГАСПИ, ф.17, оп. 7, ед. хр. 186, л. 4.
[56] Там же.
[57] Там же. Оп. 68, ед. хр. 428, л. 176.
[58] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 148.
[59] Цит. по: *Коэн С.* Указ. соч. С. 369.
[60] Зиновьев – Л.Б. Каменеву//Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 197.
[61] РГАСПИ, ф.17, оп. 3, ед. хр. 756, л. 8.
[62] Там же. Ед. хр. 795, л. 5.
[63] Боголепов М.И. – профессор, член президиума Госплана СССР.
[64] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 220.
[65] Там же. С. 221.
[66] См. там же. С. 223–224.
[67] Там же. С. 222.
[68] Там же. С. 211–212.
[69] Там же. С. 203.
[70] Цит. по: *Коэн С.* Указ. соч. С. 392.
[71] *Бармин А.* Указ. соч. С. 206.

К ГЛАВЕ 9

[1] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 140.
[2] РГАСПИ, ф.17, оп. 162, ед. хр. 7, л. 137.
[3] См. там же. Оп. 7, ед. хр. 467, л. 15.
[4] См.: *Коэн. С.* Указ. соч. С. 414.
[5] Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 101 – 115.

[6] Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990.№ 8. С. 201.
[7] Там же. № 12. С. 193.
[8] Там же. № 3. С. 159.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 157.
[11] РГАСПИ, ф.17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 3.
[12] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 241.
[13] См.: Вопросы истории. 1995. № 7. С. 18.
[14] Там же.
[15] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович… С. 90.
[16] Там же. С. 59.
[17] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 239.
[18] Там же.
[19] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 800, л. 15.
[20] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 156.
[21] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 229 – 230.
[22] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 804, л. 8.
[23] Там же. Ед. хр. 793, лл. 21 – 23.
[24] Там же. Л. 7.
[25] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 196.
[26] Там же. С. 145.
[27] Там же. С. 159 – 160.
[28] Там же. С. 194.
[29] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 890, л. 11.
[30] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. Примечания. С. 231 – 232.
[31] См. там же. С. 232.
[32] Цит. по: *Геллер Ю.* Сталинский нарком // Огонек. 1989. № 13. С. 30.
[33] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 247, 249.
[34] *Хрущев Н.* Воспоминания. М., 1997. С. 232 – 233.
[35] *Ракоши М.* Видел, как возникает культ личности // Источник. 1997. № 1. С. 116.
[36] Там же. С. 118.
[37] См.: *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. С. 312.
[38] Там же.
[39] *Трояновский О.* Через годы и расстояния. С. 156.
[40] *Хрущев Н.* Воспоминания. С. 232.
[41] *Пономарев А.* Н.С. Хрущев и репрессии 30-х годов // Россия XXI. 1996. № 1 – 2. С. 170.
[42] *Разгон Л.* Непридуманное. С. 9 – 10.
[43] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 244 – 245.
[44] *Ракоши М.* Указ. соч. С. 118.
[45] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. С. 192 – 193.

[46] *Хрущев Н.* Воспоминания. С. 234.
[47] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. С. 193.
[48] *Медведев Р.* Они окружали Сталина. М., 1990. С. 277.
[49] *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 11.
[50] *Разгон Л.* Непридуманное. С. 14.
[51] Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. М., 1995. С. 202, 203.
[52] Цит. по: *Жирнов Е.* Маршал на все руки // Власть (коммерсант). 2000. № 7. С. 52, 53.
[53] *Антонов-Овсеенко А.* Берия. М., 1999. С. 19.
[54] См.: *Судоплатов П.А.* Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930 – 1950 годы. М., 1997. С. 68.
[55] См.: Там же. С. 324.
[56] См.: И примкнувший к ним Шепилов: Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 126.
[57] Там же. С. 221.
[58] *Каганович Л.М.* Памятные записки. М., 1996. С. 566.
[59] *Пономарев А.* Н.С. Хрущев и репрессии 30-х годов. С. 161.
[60] Вопросы истории. 1991. № 12. С. 56.
[61] См.: И примкнувший к ним Шепилов. С. 132.
[62] *Пономарев А.* Хрущев и репрессии 30-х годов. С. 162.
[63] Цит. по: *Пономарев А.* Хрущев и репрессии. С. 163.
[64] Там же. С. 164.
[65] *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 3.
[66] Там же. С. 11.
[67] См.: *Козлов В.* Феномен доноса // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 99 – 112.
[68] Там же. С. 99.
[69] Там же.
[70] См.: *Судоплатов П.* Спецоперации. С. 100.
[71] См. там же. С. 505.
[72] См. там же. С. 508.
[73] См.: *Измозик В.С.* Политический контроль в Советской России. 1918–1928 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 50.
[74] *Кокурин А., Петров Н.* ОГПУ: структура, функции, кадры (1929 – 1934) // Свободная мысль. 1998. № 9. С. 103.
[75] *Судоплатов П.* Указ. соч. С. 508.
[76] *Маленков Г.М.* // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 9.
[77] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 186, л. 5.
[78] Там же. Л. 4.
[79] См.: *Коэн С.* Указ. соч. С. 388.
[80] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7. ед. хр. 186, л. 5.
[81] Там же. Л. 11.

[82] Там же. Ед. хр. 177, л. 15.
[83] Там же. Л. 16.
[84] Там же.
[85] Там же. Ед. хр. 208, л. 91.
[86] Вопросы истории. 1995. № 4. С. 8.
[87] *Вернадский В.И.* Дневник 1938 года // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т.1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы. М., 1997. С. 465.
[88] Там же. С. 459.
[89] Там же. С. 465.
[90] Там же. С. 469.
[91] Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 201.
[92] См.: *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1997. С. 72.
[93] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 184.
[94] *Губерман И.М.* Пожилые записки. М., 1999. С. 290.
[95] *Левин М.* Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 27.

К ГЛАВЕ 10

[1] Табл. 8 и 9 составлены автором на основании данных, опубликованных в “Известиях ЦК КПСС” (1989. № 12. С. 82 – 113).
[2] Таблица составлена автором на основании данных РГАСПИ (ф.17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 30).
[3] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 15.
[4] *Сталин В.И.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 21.
[5] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 3.
[6] *Сталин И.В.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). С. 21.
[7] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. С. 138.
[8] Там же. С. 151.
[9] Там же. С. 139.
[10] Там же. С. 81, 140.
[11] Там же. С. 140.
[12] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 210.
[13] Там же. С. 211.
[14] Там же. С. 210.
[15] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. С. 139 – 140.
[16] *Нечаев С.Г.* Катехизис революционера. С. 47 – 54.
[17] Там же. С. 48 – 49.
[18] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 242

[19] См. там же. С. 311.

[20] Там же. С. 313.

[21] См.: *Ленин В.И.* Т. 45. С. 343 – 348.

[22] *Ницше Ф.* Воля к власти. М., 1995. С. 138.

[23] ВКП(б). Съезд, XVII-й. Москва. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 119.

[24] Там же. С. 516 – 521.

[25] Там же.

[26] Так саркастически Киров назвал побежденных оппозиционеров.

[27] ВКП(б). Съезд, XVII-й. … С. 252.

[28] Там же. С. 259.

[29] Аргументы и факты. 1990. № 22. С. 5.

[30] Подсчитано автором на основании данных, опубликованных в "Известиях ЦК КПСС" (1989. № 7. С. 118).

[31] Там же. С. 121.

[32] Там же.

[33] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 87.

[34] Подсчитано автором на основании данных опубликованных в Известиях ЦК КПСС. 1989, № 12. С. 82 – 113.

[35] Правда. 1934. 31 января.

[36] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 118 – 119.

[37] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. С. 78.

[38] Молотов говорит, что это было где-то в зале во время перерыва. См.: *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. С. 374.

[39] См.: *Роговин В.* Сталинский неонэп. М., 1995. С. 52.

[40] *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. С. 373 – 374.

[41] См.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. М., 1991. С 196.

[42] *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 55.

[43] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. С.77.

[44] Вадим Роговин утверждает, что эти слова произнес Шеболдаев. См.: *Роговин В.* Сталинский неонэп. С. 52.

[45] *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. С. 374.

[46] Там же. С. 318.

[47] Там же.

[48] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. С. 77.

[49] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82.

[50] См.: *Роговин В.* Сталинский неонэп. С. 73.

[51] *Маленков Г.М.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 7 – 8.

[52] *Сталин И.В.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 13.

[53] Там же.

[54] Там же. С. 13 – 14.

[55] Там же. С. 14.

[56] Там же.

[57] *Криницкий А.И.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 4 – 5.

[58] См.: *Рындин К.В.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 22.

[59] Вопросы истории. 1995. № 10. С.10.

[60] Там же. С. 14.

[61] Там же. № 4. С. 17.

[62] Там же. С. 18.

[63] Там же. № 11 – 12. С. 7.

[64] Подсчитано автором на основании данных, приведенных в "Известиях ЦК КПСС" (1989. № 12. С. 82 – 113).

[65] *Маленков Г.М.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 6.

[66] Там же. № 4. С. 8.

[67] *Андреев А.А.* Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 4, 10.

[68] Вопросы истории. 1995. № 4. С. 15.

[69] Там же.

[70] Там же. С. 17.

[71] Там же. С. 10.

[72] Там же. № 7. С. 16.

[73] Там же. 1994. № 2. С. 16.

[74] Там же. 1995. № 7. С. 13.

[75] Там же. 1994. № 1. С. 12.

[76] Там же. 1995. № 4. С. 20 – 21.

[77] Там же. С. 21.

[78] Там же.

[79] *Мильчакова Н.* "Писать все-таки надо!.." // Реабилитирован посмертно. М., 1988. Вып. 2. С. 128 – 129.

[80] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. С. 77.

[81] *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. С. 478.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РГАСПИ. Фонды учетно-распределительного, организационно-распределительного отделов, отдела руководящих партийных органов и статистического отдела ЦК КПСС.

РКП(б). Съезд, VII, Петроград. 1918: Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1962. 401 с.

РКП(б). Съезд, VIII, Москва. 1919: Стеногр. отчет. М.: Коммунист, 1919. 415 с.

РКП(б). Съезд, IX, Москва. 1920: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1920. 412 с.

РКП(б). Съезд, X, Москва. 1921: Стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1963. 915 с.

РКП(б). Съезд, XI, Москва. 1922: Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1961. 873 с.

РКП(б). Съезд, XII, Москва. 1923: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.

РКП(б). Съезд, XIII, Москва. 1924: Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 883 с.

ВКП(б). Съезд, XIV, Москва. 1925: Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1926. 1029 с.

ВКП(б). Съезд, XV, Москва. 1927: Стенографический отчет: В 2 ч. Ч. 1–2. М.: Госполитиздат, 1961–1962.

ВКП(б). Съезд, XVI, Москва. 1930: Стенографический отчет: В 2 т. М.: Партиздат, 1935.

ВКП(б). Съезд, XVII, Москва. 1934: Стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1934. 713 с.

ВКП(б). Съезд, XVIII, Москва. 1939: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 774 с.

XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1956. 640 с.

XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. 608 с.

Материалы декабрьского (1936 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 1.

Материалы февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1992, 1993, 1994, 1995.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР (1923–1927): В 4 т. М.: Терра, 1990.

Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову (1925 – 1936): Сб. док. М.: Россия молодая, 1995. 303 с.

Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: Справочник. М.: Политиздат, 1990. 270 с.

Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917 – 1989 гг.: Персоналии. М.: Изд. ВКШ, 1990. 148 с.

Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. М., 1995. 340 с.

Партия в цифровом освещении. М.: Госполитиздат, 1924.

Авраамова Е., Дискин И. Социальные трансформации и элиты // ОНС. 1994. № 3.

Автобиография Г.Е.Зиновьева // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7.

Авторханов А.Г. Технология власти. Мюнхен, 1959. 418 с.

Авторханов А.Г. Происхождение партократии: В 2 т. Франкфурт: Посев, 1983.

Агабеков Г.С. Секретный террор: Записки разведчика. М.: Современник, 1996. 447 с.

Андреев Г. Правящая элита и общество // Сегодня. 1994. 3 августа.

Арон Р. Поколение на стыке веков: Дюркгейм, Парето, Вебер // Полис. 1993. № 2.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.

Афанасьев М. Правящие элиты России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 3, 4.

Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: Модек, 1996. 223 с.

Ашин Г.К. Дилемма элиты: истинные и мнимые проблемы // Власть. 1999. № 12.

Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978.

Ашин Г.К. Миф об элите. М.: Знание, 1964. 64 с.

Ашин Г.К. Миф об элите и “массовом обществе”. М., 1966.

Ашин Г.К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7.

Ашин Г.К. Современные теории элит: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985. 256 с.

Ашин Г.К. Социология человеконенавистничества. Саратов. 1957.
Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // ОНС. 1998. № 3.
Ашин Г.К. Элитология в зеркале политической философии и политической социологии // Социально-политический журнал. 1998. № 6.
Бабоева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А. Методологические проблемы изучения российской элиты // Общество и экономика. 1994. № 11–12.
Бабоева Л.В., Таршис Е.В., Резниченко Л.А. Элита России: о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4.
Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты России – от "организации профессиональных революционеров" к "партии власти" // Полис. 1994. № 6.
Бадовский Д.В., Шутов А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России: Особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6.
Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Провинция: Элита, номенклатура, интеллигенция: [Социологический анализ] // Свободная мысль. 1996. № 1.
Бармин А.Г. Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997. 527 с.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
Березкина О. Революционная элита переходного периода (1921 – 1927) // Свободная мысль. 1997. № 11.
Березовский В., Червяков В. Современная политическая элита России // Свободная мысль. 1993. № 1.
Беседовский Г.З. На путях к термидору. М.: Современник, 1997. 461 с.
Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. М.: Международные отношения, 1994.
Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск: Русич, 1998.
Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Stanford, 1971.
Валентинов Н.В. Разговор с Пятаковым в Париже // Страницы истории. Л., 1990.
Валентинов Н.В. Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.
Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
Верт Н. История советского государства (1900 – 1991). М.: Прогресс-Академия, 1994. 544 с.

Вождь: (Ленин, которого мы не знали). Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. 288 с.
Волкогонов Д.А. Ленин: Политический портрет: В 2 кн. М.: Новости, 1994.
Волкогонов Д.А. Сталин: Политический портрет: В 2 кн. М.: Новости, 1996.
Волкогонов Д.А. Троцкий: Политический портрет: В 2 кн. М.: Новости, 1997.
Волкогонов Д.А. Семь вождей: В 2 кн. М.: Новости, 1997.
Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 624 с.
Галлямов Р.Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Полис. 1998. № 2.
Гаман О. Региональные элиты современной России: штрихи к портрету // Диалог. 1996. № 8.
Гаман О. Политические элиты России в историческом процессе. Закономерность формирования и тенденции развития // Россия XXI. 1996. № 3 – 4, 5 – 6.
Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М.: МИК, 2000. 856 с.
Гидденс Э. Революции и общественные движения // Диалог. 1992. № 6 – 7.
Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920гг.) // Отечественная история. 1997. № 4.
Головачев Б.В., Косова Л.Б. Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету // Социс. 1996. № 1.
Гуревич П.С. Современный буржуазный элитизм: истоки, версии, тенденции // Социально-политические теории современной буржуазной идеологии. М., 1992.
Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и бюрократия // Драма обновления. М.: Прогресс, 1990.
Давыдов Ю. Вебер и Ленин: Кто прав? // Диалог. 1991. № 15.
Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. 271 с.
Дей Т., Зиглер Л. Демократия для элиты. М.: Юридич. лит-ра, 1984. 320 с.
Делюга В. Общество, кадры, элиты. Польша 80-х годов. М.: Прогресс, 1993.

Джавлаков О.Т., Михеев В.А. Номенклатура: эволюция отбора (историко-политологический анализ). М.: Луч, 1993. 138 с.

Дискин И.Е. Реформы и элиты: институциональный аспект // ОНС. 1995. №6.

Дискин И.Е. Россия: Трансформация и элиты. М.: Элтра, 1995. 64 с.

Дискин И.Е. Элиты как субъекты российских реформ // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 1.

Зенькович Н.А. Вожди и сподвижники. М.: Олма-Пресс, 1997. 480 с.

Зенькович Н.А. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997. 672 с.

Каганович Л.М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996. 570 с.

Карр Э. История Советской России. Кн.1: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. М.: Прогресс, 1990. 768 с.

Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты // История России в вопросах и ответах. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. 608 с.

Коваль Т.Б. Элита и нравственность // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4.

Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7.

Королев А.М. Кадровая политика КПСС на современном этапе. М.: Знание, 1982. 64 с.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с.

Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М.: Современник, 1996. 415 с.

Крупская Н.К. О Ленине: Сб. стат. М.: Политиздат, 1971. 30[illegible] с.

Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // ОНС. 1995. № 1.

Крэстева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социс. 1996. № 4.

Кудеярова Н.Ю. Идейно-политические ориентации элитных групп // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4.

Кудеярова Н.Ю. Первые изменения постсоветской элиты // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4.

Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // ОНС. 1997. № 4.

Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: Наука, 1991. 296 с.

Куманев Г.А. О чем вспоминал П.К. Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5.

Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. 336 с.

Ледонн Дж. Правящий класс России: Характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.

Лекович Д. Ленин и Сталин // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3.

Ленин В.И. Детская болезнь “левизны” в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41.

Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В.И. Письмо к съезду. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. С чего начать? Полн. собр. соч. Т. 5.

Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч. Т. 6.

Либман Г.И., Варбузова А.В., Сухарева Э.О. Теории элит // Социально-политический журнал. 1997. № 4.

Либман Г.И., Варбузова А.В., Сухарева Э.О. Проблемы политических элит в российском обществе // Социально-политический журнал. 1997. № 5.

Литвак К.Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2.

Луначарский А.В. (жене). “Письма мои к тебе, конечно, исторические”. (март – декабрь 1917г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11,12; 1991. № 2.

Лупацкий В.С. Теория элит Вильфредо Парето // Философская и социологическая мысль. Киев. 1992. № 11.

Лейн Д. Перемены В России: роль политической элиты // Социс. 1996. № 4.

Магомедов А.К. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.

Малейко Л.А. Партийный аппарат. Становление и развитие (1917 – 1941). Ростов-н/Д, 1981.

Малютин М. “Новая элита” в новой России // ОНС. 1992. № 2.

Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 488 с.

Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат, 1990. 351 с.

Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. 640 с.

Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 18; 1991. № 3.

Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10.

Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950 – 1990 гг.). Пермь. 1998. 256 с.

Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000. 204 с.

Мясников О.Г. Смена правящих элит: “консолидация” или “вечная схватка” // Полис. 1993. № 1.
Нарта М. Теория элит и политика: К критике элитизма. М.: Прогресс, 1978.
Некрасов В.Ф. Тринадцать “железных” наркомов. М.: Версты, 1995. 416 с.
Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России: Историко-социологические аспекты. Саратов, 1995. 166 с.
Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М.: Изд. гуманит. лит, 1995. 510 с.
Новый документ В.И. Ленина. Протокол допроса о провокаторе Р.В. Малиновском. 26 мая 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11.
Ольшанский Д.В. Взбесившаяся элита // Власть. 1994. № 6.
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.
Ортега-и-Гассет Х. Не быть членом партии // Социс. 1993. № 7.
Охотский Е.В. Политическая элита. М.: Луч, 1993. 91 с.
Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов: (Критика “ревизионистского” подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.
Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20 – 30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12.
Пайпс Р. Русская революция: В 2 ч. М.: Росспэн, 1994.
Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: Росспэн, 1997. 662 с.
Парето В. Трансформация демократии // Тексты по истории социологии XIX–XX. М.: Наука, 1994. 383 с.
Парето В. О применении социологических теорий // Социс. 1995. № 10.
Пернацкий В. Дуализм революции и противоречивость большевизма // Свободная мысль. 1997. № 10.
Пино Д. Элиты в демократическом обществе // Вестник московской школы политических исследований. 1995. № 1.
Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1994.
Пономарев А. Н.С. Хрущев и репрессии 30-х годов // Россия XXI. 1996. № 1/2.
Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, 1992.
Правящая элита и общество. М., 1993.
Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание. М.: Мысль, 1981. 224 с.

Процко Б.М., Сердюков Г.Н., Шпаков В.Ю. Политическая элита. Ростов-н/Д. 1993.
Пугачев Б.М. Развитие советских элит // Россия и современный мир. 1995. № 3.
Пугачев В.П. Субъект политики: личность, элита, лидерство. М., 1991.
Разумов Е.З. Проблемы кадровой политики КПСС. М.: Политиздат, 1983. 192 с.
Ракоши М. Видел, как возникает культ личности // Источник. 1997. № 1.
Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990. 319 с.
Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.
Реабилитирован посмертно. Вып. 1 и 2. М.: Юридич. лит., 1988.
Ривера Ш.В. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России // Полис. 1995. № 6.
Роговин В.З. Была ли альтернатива? “Троцкизм”: взгляд через годы. М.: Терра, 1992. 398 с.
Роговин В.З. Власть и оппозиции. М.: Терра, 1993. 400 с.
Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. 528 с.
Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1995. 384 с.
Роговин В.З. 1937. М., 1996. 480 с.
Розенберг У. Формирование новой российской государственности // Отечественная история. 1994. № 1.
Розенталь И.С. Еще раз о деле провокатора Малиновского // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5.
Российская элита: Психологические портреты. М.: Ладомир, 2000. 319 с.
Рупасов А., Чистяков А. Красный “миссионер” // Россия XXI. 1996. № 1/2.
Рупасов А.И., Чистяков А.Н. Миссия Л.Б. Каменева в Западную Европу // Вопросы истории. 1998. № 8.
Рывкина Р.В. Формирование новых экономических классов // Социологический журнал. 1994. № 4.
Рывкина Р.В. Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс. 1995. № 11.
Рютин М. Руководящие кадры ВКП(б) // Большевик. 1928. № 15.
Сажин А.И. Кадровая политика КПСС: история и современность. М.: Знание, 1989. 63 с.
Самсонова Т.Н. Концепция “правящего класса” Г. Моски // Социс. 1994. № 10.

Соразнов В. Диктатура нравственности или диктатура террора? // Диалог. 1991. № 9.

Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2.

Свак Д. О некоторых методологических проблемах синтеза в "Историях России" // Отечественная история. 1998. № 6.

Селезнев Л.И. Политическая элита в современном обществе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. 1995. Вып. 1.

Сироткин В.Н. Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. М.: Прогресс, 1990.

Соловьев А.И. Культура власти российской элиты: Искушение конституционализмом // Полис. 1999. № 3.

Соломон (Исецкий) Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. 509с.

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек, Цивилизация, Общество. М., 1992.

Столяров К.А. Палачи и жертвы. М.: Олма-Пресс, 1997. 365 с.

Сувениров О.Ф. Репрессии в парторганизациях РККА в 1937 – 1938 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6.

Суворова Л.Н. За фасадом "военного коммунизма": политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4.

Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930 – 1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1997. 688 с.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея. 1997. 508 с.

Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879 – 1929. История и личность. М.: Прогресс, 1991. 480 с.

Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990. 730 с.

Томпкинс С.Р. Триумф большевизма: революция или реакция? // Отечественная история. 1995. № 5.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь: В 2 т. М.: Книга, 1990.

Троцкий Л.Д. Сталин: В 2 т. М.: Терра, 1996.

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990. 336 с.

Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. 383 с.

Тяжельникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. 1998. № 6.

Фадин А. Кто правил и кто будет править в СССР // Век XX и мир. 1991. № 5.

Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М.: Политиздат, 1983. 233 с.

Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М.: Мысль, 1965. 256 с.

Фишер Л. Жизнь Ленина: В 2 т. М.: Книжная лавка, 1997.

Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10 – 12.

Хлевнюк О.В. Л.П. Берия: пределы исторической "реабилитации" // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996.

Хлевнюк О.В. Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е годы: механизмы политической власти в СССР. М., 1997. 304 с.

Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в политбюро в 30-е годы. М.: Россия молодая. 1993. 144 с.

Хлевнюк О. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

Хофман-Ланге У. Элиты и демократия: германский опыт // Социс. 1996. № 4.

Хрущев Н.С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997. 510 с.

Чижикова Л.М., Родионова Н.И. Как выбирались делегаты на VIII–XI съезды РКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 4.

Чижова Л.М. Кто виноват в политической дискредитации Н.А. Угланова? // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8.

Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999. 736 с.

Чуев Ф.И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., Отечество, 1992. 208 с.

Шарапов Ю.П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественная история. 1997. № 4.

Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3 – 12.

Штамм А. Эволюция элит // Посев. 1993. № 2.

Штернберг И.З. Нравственный лик революции. Париж. 1923.

Штурман Д. О вождях российского коммунизма: В 2 кн. Париж, 1993.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.

Элиты в посткоммунистических обществах. Международный семинар [Москва, март 1996] // Социологический журнал. 1996. № 1/2.

Энкер Б. Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5.

Яковлев А. О декабрьской трагедии 1934 года // Правда. 1991. 28 января.

Янов А. Происхождение автократии // Диалог. 1991. № 10.
Albertoni E.A. Mosca and the Theory of Elitism. Oxford. 1987.
Aron R. Social Class, Political Class, Ruling Class // Class, Status and Power. L., 1967.
Bottomore T. Elites and Society. Harmondsworth. 1977.
Dahl R. Who Geverns? Democracy and Power in an American Citi. New Haven. 1961.
Dahl R.A. Critigue of the Ruling Elite Model // The Logic Social Hierarchies. Oxford. 1974.
Dahl R.A. Pluralist Democracy in United States. Chicago. 1967.
Djilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. L., 1957.
Dye T.R., Zeiqler L.H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to // American Polities. Belmont. 1972.
Eulau N., Czudnowski M. Elite Recruitment in Democratic Polities. N. Y. 1996.
Farmer K. The Soviet Administrative Elite. N. Y. 1994.
Hewitt C.I. Elites and Distribution of Power in British Society // Elites and Power in British Society. L. 1978.
Higley I., Burton G. The elite varible in democratic. N.Y. 1987.
Klugman I. The New Soviet Elite. N.Y. 1989.
Kornhauser W. “Power Elite” or “Veto Groups” // Class, Status and Power. L. 1967.
Lasswell G. The Analysis of Political Behavior // An Empirical Approach. L. 1949.
Lasswell H.D., Lerner D. The Comparative Study of Elites. Stanford. 1952.
Nicolaevski B. Power and the Soviet Elite. L. 1965.
Pareto V. Elites and Their Circulation // Structured Social Inequality // A Reader In Comparative Social Stratification. N.Y. 1969.
Pareto V. The Rise and Fall of Elites // An Application of Theoretical Sociology. N.Y. 1991.
Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites. Elites Theory, Power and American Democracy. N.Y. 1973.
Stanworth P. Elite and Privilege // Society: Work, Urbanism and Inequality. L. 1984.
Giddens A. Elites in the British Class Structure // *Stanworth P., Giddens A.* Elites and Power in British Society. Cambridge. 1974.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Саранцев Николай Владимирович

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТВУЮЩАЯ ЭЛИТА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

1900 – 1939

Историко-социологические аспекты

Под редакцией доктора исторических наук В.Д. Полищука

Редактор *Л.В. Аброськина*
Компьютерная верстка *А.Н. Носов*

Изд. лиц. ЛР № 020594 от 9.07.97. Подписано в печать 21.02.01.
Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$. Бумага типогр. № 1. Печать Riso.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 300. Заказ 103

410600, Саратов, ул. Радищева, 89.
Саратовский государственный социально-экономический университет